Лидан

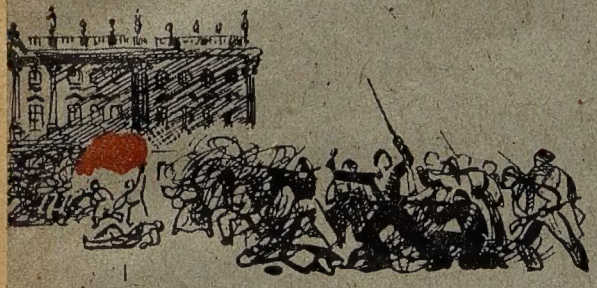
1917 г.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИЗО
Л539

Ч 3
И 65
Л 5

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ

О. А. ЛИДАК



ГИЗО
Л 539

1917

ПАРТИЗДАТ
1932

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

О. А. ЛИДАК

1917 ГОД

ГИЗО
Л539Р

ОЧЕРК ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1 экз

Партийное
Издательство
Москва
Ленинград
1 9 3 2

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Содержание

I. Ленинская оценка характера февральской революции и перспективы ее развития 3
II. Положение в стране накануне июльских событий 32
III. Июльские события 41
IV. VI съезд партии и смена лозунгов 61
V. Московское совещание и корниловщина 79
VI. Процесс полевения масс и Демократическое совещание 105
VII. Подготовка вооруженного восстания 116
VIII. Восстание 25 октября (7 ноября) 134
IX. Итоги 144

ГИЗО р
Л 539

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

С 90
6293

1399
32

98370

98370 у

I

Ленинская оценка характера Февральской (Мартовской) революции и перспективы ее развития

Русская либеральная буржуазия, перепуганная рабочим и крестьянским движением в эпоху революции 1905 г., полностью капитулировала перед царизмом и стала приспособляться к третье-июньскому режиму в надежде приобщиться власти путем реформ и частичных уступок.

Подобно либеральной буржуазии и представители мелкобуржуазных партий, в частности меньшевики, стали говорить о перерождении царизма в буржуазную монархию; о возможности мирной капиталистической эволюции; они считали, что задачи буржуазно-демократической революции исчерпаны, предлагали ликвидировать подпольную социал-демократическую партию и призывали рабочий класс приспособляться к существующему столыпинскому режиму. Вопрос о новой революции был снят меньшевиками с порядка дня.

Одна только партия большевиков во главе с т. Лениным продолжала вести непримиримую борьбу против царской монархии и предательской контрреволюционной буржуазии за новую революцию. Не отрицая шагов царизма, направленных в сторону его приспособления к интересам буржуазии, Ленин в то же время подчеркивал, что эти шаги нисколько не изменяют социальной сущности самодержавия. Вынужденное давлением растущего капитализма, крепостническое самодержавие сделало уступки буржуазии с целью лишь лучше «обеспечить интересы царизма и черносотенных помещиков».

«Уступки, делаемые старым новому, совсем не «притупляют» того противоречия, которое существует между новым и старым». (Ленин).

Правда, Ленин говорил, что есть возможность и гнилого — прусского пути.

«Но эта возможность, — пишет Ленин, — превратится в действительность не иначе, как через ряд «общедемократических» натисков (или подъемов или кризисов и т. п.), подобно тому как Франция пришла к концу «общедемократических» натисков не после 1789 — 1793, а после 1871 (т. е. после 1830, 1848 и 1871), Германия не в 1849—1850, а также после 1871, т. е. после 60-х годов».[1]

Как видно, для Ленина и прусский путь развития не был путем мирным. Для того чтобы прусский путь мог оказаться осуществимым, потребовалось бы не менее 20 лет постепенного съедания кулаками крестьянства и приспособления помещичьих хозяйств к капиталистической системе. Однако, говорил Ленин, положение в стране таково, что рабочий класс не может примириться с существующим режимом, крестьянство не может примириться с существующей нуждой и безземельем, отсюда неизбежна теперь же самая острая классовая борьба в стране.

«Мы не можем отрицать возможность «немецкого», сиречь «гнилого», разрешения «общедемократических» вопросов, но мы обязаны все сделать, обязаны долго и упорно работать над тем, чтобы это решение было не «гнилое», не немецкое, а французское, ... наше дело, дело рабочей партии, все сделать, чтобы из «гнилого» развилось успешное, из немецкого французская хорошая передряга».[2]

Перед гегемоном революции — пролетариатом стояла та же задача, что и в 1905 г.: совершить буржуазно-демократическую революцию, чтобы немедленно переходить к революции пролетарской. В сжатой форме эта задача Лениным изложена следующими словами: «Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, — будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, решительнее развернется эта новая борьба... ибо от революции демократической *мы сейчас же начнем переходить* (курсив мой — *О. Л.*) и как-раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути».[3]

Большевистская партия, верная традициям Маркса — Энгельса, с самого своего возникновения вела решительную борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Владимир Ильич еще в своих первых теоретических работах в 90-х годах прошлого века («Что такое Друзья Народа?» и др.) выдвинул положение о пролетариате, как о гегемоне в эпоху буржуазно-демократической революции. Пролетариат должен возглавить буржуазно-демократическую революцию, свергнуть царизм и

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. I, стр. 327.
[2] Там же, стр. 373.
[3] *Ленин.* Собр. соч., изд. 1-е, VI, стр. 393, 449.

начать переход к революции социалистической, как своей основной и главной цели.

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, тогда русский *рабочий,* поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский *пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».* [1]

Не чем иным как чудовищной клеветой на партию большевиков является утверждение Троцкого в его книгах «1905 год», «Февральская революция» и др., будто большевики в 1905 г. были против перерастания, будто они ограничивали революцию только задачами буржуазного характера и будто только в 1917 г. они выставили лозунг перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Фальсификацией ленинизма является также утверждение троцкистских контрабандистов, выдвигающих теорию двух планов перерастания у Ленина и отрицающих возможность перерастания в эпоху революции 1905 г., мотивируя это тем, что страна в тот период экономически якобы не созрела еще для социализма. Все это льет воду на мельницу контрреволюционного троцкизма, политика которого в 1905 г., несмотря на революционную фразеологию: «без царя, а правительство рабочее», по сути дела означала бесперспективность, пассивность и выжидание европейской революции (без немедленной европейской революции гибель нашей революции неизбежна).

В годы мировой империалистической войны большевики вели решительную борьбу за превращение империалистической войны в гражданскую; Ленин на основе разработанной им теории империализма, в частности на основе закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма, выставил положение о возможности победы социализма в одной стране. Ведя решительную борьбу против социал-шовинизма и центризма, разоблачая всю гнусность и предательское отношение этих партий к интересам пролетариата, партия большевиков во главе с Лениным проделала большую работу по организации III Интернационала. Критикуя ошибки левых в германской и других с.-д. партиях, продолжая непримиримую борьбу за ортодоксальный марксизм, большевики облегчили этим левым группам прецесс изживания центристских ошибок и ускорили тем самым возникновение нового коммунистического интернационала.

По отношению к задачам предстоящей революции в России большевики исходили из того положения, что пролетариат, как гегемон всех трудящихся, должен вести борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую, которая на первом своем этапе должна привести к революционно-демократической диктатуре

[1] Курсив Ленина. Т. I, стр. 194, изд. 2-е.

пролетариата и крестьянства, а затем, немедленно переходя в революцию социалистическую, поднять против буржуазии пролетариат Европы и угнетенные народы колоний.

«На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самым решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительства и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, *что победа пролетариата в России* (курсив мой — *О. Л.)* дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе». [1]

Несмотря на то, что партия поставила ближайшей, первой задачей свержение самодержавия, все же главной задачей партия считала перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, свержение буржуазии, установление диктатуры пролетариата. Только пролетарская революция может дать измученному войной человечеству избавление от ужасов капиталистического строя. Чудовищным извращением ленинизма и клеветой на партию является утверждение троцкистского контрабандиста Волосевича, будто партия в годы войны считала перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую вопросом не актуальным. Наоборот, вся деятельность Ленина и партии в годы войны была направлена на организацию мирового пролетариата, в том числе и российского, против империалистической буржуазии, за мировую пролетарскую революцию.

•

Российская империалистическая буржуазия активно готовилась к войне. По существу своему вся внешняя политика царизма в годы реакции и подъема была направлена в сторону защиты интересов финансового капитала. Либеральная буржуазия во главе с партией кадетов полностью поддерживала внешнюю политику царизма. Если иной раз и раздавались недовольные голоса, то именно потому, что буржуазия считала деятельность министерства иностранных дел недостаточно решительной.

Войну 1914 г. буржуазия встретила с восторгом. Отдельные скептики, правда, высказывали сомнение в способности царизма защищать «вековые интересы русского народа» (фраза, не сходившая тогда со страниц продажной буржуазной прессы), но в общем братание буржуазных либералов и мелкобуржуазных демократов, в

[1] *Ленин.* Несколько тезисов. Собр. соч., т. XIII, стр. 209, изд. 1-е.

том числе и головки партии эсеров и меньшевиков, с царизмом получилось полное.

Но в связи с неудачами на фронте, с хозяйственной разрухой, с ростом недовольства широких народных масс и с перспективой новой революции блок буржуазии с царизмом дал трещины. Из лагеря буржуазии, правда в очень туманной, неопределенной форме, начали раздаваться голоса недовольства. Недовольство буржуазии усилилось, когда стало известно, что придворная клика при участии Распутина ведет секретные переговоры с Германией о заключении сепаратного мира.

Российская империалистическая буржуазия, поддержанная англо-французским империализмом, и слышать не хотела о заключении мира до полной победы над Германией, Австрией и Турцией, ибо эта победа сулила ей приобретение новых богатых территорий, новых областей для сбыта товаров, новых очень важных стратегических и торговых путей (Константинополь, Дарданеллы, часть турецкой Армении и Галиция).

Итак, неспособность царского правительства организовать на фронте победу над противником, полный паралич хозяйственной жизни в стране, голодные бунты, забастовки и демонстрации рабочих, опасность новой революции, которую по мнению буржуазии царизм своей неумелой политикой не в состоянии предотвратить, явная тенденция царизма заключить сепаратный мир с Германией — все это вместе взятое усилило недовольство буржуазии политикой царизма и привело к созданию в четвертой Государственной думе прогрессивного блока, стремившегося оказать давление на царизм и принудить последний назначить министерство из представителей прогрессивного блока.

Однако правительство ни на какие уступки буржуазии не пошло, а так как последняя из опасения вызвать революцию не была способна на более решительные шаги, то вся политика буржуазии к концу 1916 г. зашла в тупик.

Небольшая группа буржуазии во главе с Гучковым, правда, хотела выйти из затруднения путем дворцового переворота. Согласно выработанному в ее среде плану царский поезд должен был по дороге из Петрограда на фронт быть окружен преданными заговорщикам войсками; предполагалось принудить царя отречься от престола в пользу сына, а до совершеннолетия последнего регентом должен был стать брат царя Михаил, который утвердил бы новый строй конституционной монархии, при которой вся власть оказалась бы в руках буржуазии.

В заговор была втянута царская ставка, а также союзнические миссии. Однако заговорщики действовали так медленно и нерешительно (это произошло потому, что они боялись вызвать революцию), а революционные события нарастали с такой быстротой и с такой силой, что революционный взрыв опередил эту единственную попытку буржуазии вырвать власть из рук царизма.

Гучков впоследствии показал, что предполагалось «захватить по дороге между ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петербурге можно было рассчитывать, аре-

стовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собой правительство. Таким образом вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с небольшой ее частью».[1]

В этих словах Гучкова дается прекрасная характеристика всей русской буржуазии, с ее боязнью масс, боязнью революции.

Впрочем, сни сами этого не скрывали. Один из русских капиталистов, Жуковский, говорил: «В борьбе с нашим врагом теперь не время совершать переворот, нужно подвигаться к власти путем эволюции, а не путем революционных переворотов». Это подтверждает и такой «благородный свидетель», как Родзянко. «Я уже раньше указал, что умеренные партии не только не желали революции, но просто боялись ее».[2]

Империалистическая война, потребовавшая громадного напряжения всего хозяйства страны, особенно болезненно отразилась на состоянии транспорта, что подорвало всю народнохозяйственную систему в целом, и страна в начале 1917 г. была близка к катастрофе.

Транспортная разруха сильно повлияла на состояние остальных отраслей промышленности. Война и рост крупной металлообрабатывающей промышленности, работавшей главным образом для обороны, предъявили усиленный спрос на топливо, но топливная промышленность переживала глубокий кризис и не была в состоянии удовлетворить предъявлявшиеся к ней повышенные требования.

Добыча чугуна сократилась на 14,2%, производство железа и стали уменьшилось на 14,3%.

Страдали от войны не только промышленность и транспорт, но также и сельское хозяйство. Мобилизация 12 млн. мужского населения, мобилизация рабочих лошадей и уменьшение прироста, приведшее к сокращению на 5 млн. голов лошадей, потребных в сельском хозяйстве, убой около 18 млн. голов крупного рогатого скота, сокративший количество его на 40%, сокращение производства и ввоза сельскохозяйственных машин и удобрений — все это сильно подорвало и без того слабую экономику сельского хозяйства. По имеющимся данным посевная площадь в общем сократилась приблизительно на 8,4%.

Расстройство транспорта, дороговизна и недостаток продовольственных продуктов создали к осени 1916 г. по всей стране большие продовольственные затруднения. В целях удовлетворения потребностей населения продовольствием правительство ввело принудительную разверстку; однако эта мера не спасла положения. Для удовлетворения всех категорий потребителей хлеба требовалось около 900 млн. пудов, а удалось заготовить к 1 апреля 1917 г. всего 365 млн. пудов, т. е. вдвое меньше того количества, которое требовалось для прокормления армии и населения. В то же время железные дороги переживали такой кризис, что не в состоянии были перевозить и эти скудные запасы, вследствие чего за январь-февраль 1917 г. гражданское население получило продовольствия около ¼ планового назначения, железные дороги около ⅓. Даже армия по-

[1] „Падение царского режима", т. VI, показания Гучкова, стр. 278.
[2] „Архив русской революции", т. VI, статья Родзянко.

лучила всего около 50% необходимой нормы. Больше всего от продовольственной разрухи страдали крупные города, особенно Петроград и Москва, которые в ноябре-декабре 1916 г. получили всего около 15% продовольствия.

Транспортная разруха и расстройство товарооборота в стране, дезорганизация рынка привели к резкому расхождению цен в разных районах. В производящих губерниях, особенно в Сибири, хлеба было в изобилии, а состояние транспорта не позволяло подвезти его к голодающим промышленным центрам, в результате чего в Сибири пшеница стоила 18—25 коп. пуд, а в Московском промышленном районе рожь стоила 2 р. 64 к. пуд; то же было и с ценами на другие продукты; даже в одной и той же области порайонные колебания цен были значительны, например цена на яйца колебалась на юго-востоке от 4 до 25 коп. за десяток. [1]

Разруха, дороговизна жизни, отсутствие товаров привели к значительному ухудшению материального положения рабочих. Несмотря на номинальный рост зарплаты, дороговизна росла быстрее, в результате чего реальная зарплата рабочих понизилась и к началу Февральской революции составляла не больше $^2/_3$ довоенной.

Война вначале оборвала гигантский подъем рабочего движения 1914 г., проявлявший явную тенденцию к перерастанию в вооруженное восстание. Разгром большевистской партийной организации, мобилизация части пролетариата на разные фронты, усиление правительственного террора, усиление шовинизма в некоторых прослойках малосознательных рабочих, засорение мелкобуржуазными элементами рядов пролетариата — все это на время остановило стачечное движение; потребовался определенный промежуток времени для того, чтобы в новых условиях, в иной экономической и политической обстановке борьба передовых рабочих отрядов возобновилась.

Под ударом поражения на фронте, с нарастанием угрозы экономической катастрофы и полным крахом всей хозяйственно-политической системы царской монархии в стране росло сильное недовольство. Уже с 1915 г. стачечное движение начало снова возрастать, приняв вначале форму борьбы экономической, постепенно переросшей в борьбу политическую.

Таблица, приведенная на стр. 10, дает представление о развитии стачечного движения в годы войны. [2]

Как видно из этой таблицы, в 1915 и 1916 гг. преобладала экономическая борьба, постепенно с развитием борьбы переросшая в политическую. В первые месяцы 1917 г. борьба носила резко выраженный политический характер, в эти месяцы отношение между политическим и экономическим движением было как 6 : 1.

Характерно то обстоятельство, что стачечное движение росло несмотря на противодействие социал-шовинистов, изо всех сил старавшихся мешать возникновению забастовок, дабы сохранить спокойствие на заводах, работавших главным образом по обслуживанию армии, с целью обеспечения победы царской армии над Германией.

---

[1] *Я. Яковлев.* Февральские дни 1917 г. „Пролетарская революция" № 2—3 1917 г.

[2] Очерки по истории Октябрьской революции, т. I, стр. 328.

Годы	Забастовки экономические		Забастовки политические		Всего		
	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число потерянных рабоч. дней (в тысячах)
1914	969	278,3	2565	1059,0	3534	1037,5	5755,0
1915	715	383,6	213	156,0	928	539,5	1863,4
1916	1041	641,4	243	310,0	1284	951,7	4649,3
1917 (Янв.-февр.)	190	101,5	1140	574,8	1330	676,3	3001,4

Последнее являлось по мнению социал-шовинистов необходимым условием торжества демократии во всем мире.

Российские меньшевики в годы войны, так же как и их друзья за границей, не за страх, а за совесть служили буржуазии. Когда буржуазия, в целях улучшения снабжения армии, организовала так называемые военно-промышленные комитеты, меньшевики во главе с Гвоздевым старались втянуть в это дело и рабочих. Несмотря на то что им в этом помогала и буржуазия и полиция, арестовывавшая, сажавшая в тюрьмы и высылавшая в Сибирь большевистских агитаторов, ведших агитацию против этих комитетов, сознательных рабочих все же не удалось сбить с правильных классовых позиций и заставить служить делу буржуазии.

Интересный аттестат о деятельности меньшевиков в ВПК выдал им вождь крупной буржуазии Гучков, в связи с арестом этой группы в конце 1916 г., заявивший: «я отрицаю то обвинение, которое предъявлено нашей рабочей группе: их обвиняют в том, что они замышляли вооруженное восстание и переворот. (Это действительно был вздор.) Я считаю, что уголовно наказуемого за ними ничего нет». [1]

В другом месте своих показаний Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Гучков говорит, что рабочая группа ВПК состояла из прекрасных ребят, что ничего антиправительственного они не делали, старались наладить промышленность и боролись против зловредных большевиков. Только глупостью правительства — по мнению Гучкова — можно было объяснить арест рабочей группы ВПК. Репрессивные мероприятия, проводившиеся правительством против большевиков, — арест и высылка в Сибирь большевистской фракции Государственной думы, арест и высылка сотни большевистски настроенных рабочих и т. д. встретили в то же время со стороны буржуазии полное одобрение.

Однако как бы ни старались оборонцы из лагеря меньшевиков и эсеров, как бы они ни доказывали, что царизм в борьбе против Германии защищает культуру и цивилизацию, рабочий класс далеко не склонен был признать казацкую нагайку и мордобой признаком

[1] Падение царского режима, т. VI стр. 285.

демократии и культуры. Все попытки меньшевиков и эсеров завоевать доверие рабочего класса потерпели полнейшее фиаско.

С самого начала войны одна только большевистская партия вела усиленную агитацию против войны, против царизма и буржуазно-монархического строя. Она руководила стачечным движением, организовывала демонстрации и митинги, выпускала листовки и воззвания и тем самым организовывала и политически воспитывала пролетариат к предстоящим битвам. Тяжелые условия — преследования, аресты и тюрьмы не могли остановить работы Петербургского комитета большевиков. Подпольные типографии проваливались одна за другой, но на их месте сейчас же возникали новые. Главными партийными работниками в то время были рабочие «правдисты», воспитанные политически газетой «Правда».

Рабочее движение резко поднялось уже с середины февраля на почве продовольственных затруднений. 21 февраля (6 марта) в Петрограде произошли сильные продовольственные волнения, закончившиеся разгромом булочных и молочных лавок на Петроградской стороне. Начавшаяся 18 февраля (3 марта) забастовка на Путиловском заводе подняла на ноги рабочее население столицы. Особенно революционно настроены были рабочие Выборгской стороны, выступившие в февральские дни во главе петербургского пролетариата.

Движение 23 февраля (8 марта), начавшееся в связи с международным женским днем, охватило всего лишь 90 000 рабочих и не имело еще резко выраженного политического характера. Основным лозунгом этого дня было требование хлеба, и лишь кое-где выкидывали лозунг свержения самодержавия. Демонстрантам удалось на несколько часов остановить трамвайное движение, но в общем и полиция и политические партии смотрели в этот день на положение вещей спокойно. В этот день полиции еще удавалось самой, не прибегая к помощи войск, рассеивать толпы демонстрантов.

24 февраля (9 марта) положение значительно изменилось, и движение приняло уже резко выраженный политический характер. Вместо лозунга «хлеба» основными лозунгами в этот день уже были: «долой самодержавие» и «долой войну». В этот день бастовало по официальным сведениям уже 158 683 рабочих. Демонстрации направлялись с окраин к центру; происходили столкновения с полицией. У Литейного проспекта была сделана попытка соорудить баррикады. На улицах появились казаки, между прочим особой активности не проявлявшие и явно симпатизировавшие толпе.

25 февраля (10 марта) стачка становится всеобщей, демонстрации принимают грандиозные размеры, разоружение полиции становится лозунгом толпы. Полиция и войска от применения огнестрельного оружия воздерживались, пуская в ход лишь холодное оружие. Войска в этот день, хотя без всякого воодушевления, все же действовали вместе с полицией. Правда, наблюдались уже грозные симптомы для царизма — отдельные случаи нежелания войск помогать городовым разгонять толпу. Но в общем в этот день полиции к вечеру удалось очистить город от демонстрантов, что дало повод генералу Хабалову сообщить царю, что демонстранты рассеяны, что у массы нет вожаков и поэтому с ней легко справиться. В этот же день вечером Хабалов получил по прямому проводу из ставки при-

каз Николая: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Правительство еще не потеряло веры в возможность расправиться с движением старым испытанным способом и готовилось дать на следующий день генеральный бой.

26 февраля (11 марта) — день воскресный. Рабочие позднее, чем в другие дни, начинают проникать из окраин в центр. Полиция и войска приведены в боевую готовность, войскам дан приказ расправиться с демонстрантами самым решительным образом — стрелять боевыми патронами; на улицах проволочные заграждения и пулеметы. Полиция и войска, главным образом учебные команды, по приказу начальства стреляют в народ, есть много жертв. По официальным сведениям на одной только Знаменской площади было подобрано 40 убитых и столько же раненых, но многих демонстранты унесли с собой. Внешне могло казаться, что царизм победил, и министром Протопоповым было составлено в боевом тоне донесение царю о победе над внутренним врагом. Множились однако и факты, чрезвычайно опасные для правительства. Так на Выборгской стороне уже с 25 февраля (10 марта) полиция была разогнана, и там господствовали победившие рабочие, а 26 февраля восстала 4-ая рота Павловского полка и открыла стрельбу по городовым. Правда, эта рота была окружена другими частями и разоружена, 19 человек из нее было арестовано и направлено в Петропавловскую крепость.

Расстрел рабочих демонстраций, восстание павловцев и их разоружение произвело на рабочих и солдат большое впечатление. По свидетельству очевидцев нервное напряжение было так сильно, что в казармах солдаты в ночь с 26 на 27 февраля (с 11 на 12 марта) почти не спали. Все обсуждали события прошедшего дня и ждали чего-то важного на завтра.

Утром 27 февраля (12 марта) восстала учебная команда Волынского полка (та же команда, которая накануне стреляла в рабочих), убила своих начальников и увлекла за собой весь полк. Восставший Волынский полк увлек за собой другие полки.

Естественно возникает вопрос: почему восстали солдаты, кто вывел их на улицу? Известно, что партия большевиков готовилась к революции и вела революционную агитацию среди солдат. Но организационно охватить все воинские части у партии не хватало сил. Работу в войсках вели главным образом мобилизованные члены партии. Выпускавшиеся партией листовки для солдат широко распространялись и попадали даже в те части, с которыми не было организованных сношений.

Пролетариат в феврале не мог победить без союзника — без армии, это бесспорно, но из этого бесспорного положения меньшевики делали неправильные выводы, оценивая весь февральский переворот как дело солдат и буржуазии. *На самом деле рабочий класс начал революцию; выступление армии было производным явлением, зависело от рабочего движения и им определялось.* Поддержка рабочего класса крестьянством (те же солдаты) была обусловлена всем ходом экономического и политического развития России. В борьбе против полукрепостнического самодержавия под-

держка рабочего класса крестьянством была обеспечена, чего конечно не понимали меньшевики и троцкисты.

Теми массовыми агитаторами, которые вели работу среди солдат, были распропагандированные петроградские рабочие. Рабочие в февральско-мартовские дни проделали колоссальную работу по политическому воспитанию одетых в серые шинели крестьян. Они, группируясь вокруг казарм и ведя агитацию, политически воспитывали солдат. Без революционной агитации, без предварительного восстания рабочих немыслимо было восстание солдат. Упорные, изодня в день повторявшиеся демонстрации рабочих поставили их во главе движения. Рабочие самим ходом революции были поставлены во главе масс, являясь естественными руководителями движения.

Рабочие не только вели агитацию среди солдат, но они были также первыми, кто организовал восставших солдат, внося в эту разбушевавшуюся стихию организованность и руководя ею в борьбе против полиции и жандармерии за окончательное уничтожение самодержавия.

Восстанием руководил сознательный пролетариат, который шел за большевистскими боевыми лозунгами о свержении царской монархии, о превращении империалистической войны в войну гражданскую и об организации революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Отрицание Шляпниковым руководящей роли нашей партии и подчеркивание им стихийности Февральской революции являются самой грубой фальсификацией Февральской революции. Шляпников не понимает, что политическое направление дала нараставшему стихийному движению масс в годы империалистической войны, накануне Февраля и в дни Февраля, большевистская партия и что революция победила именно благодаря сознательному участию передовых рабочих столицы, которыми руководила наша партия.

Партия большевиков в лице бюро ЦК, Петербургского комитета и районных комитетов руководила восстанием, выпустила манифест, воззвания и т. д. Несмотря на то, что накануне восстания арестован был Петербургский комитет, настроение у оставшихся руководителей, как об этом свидетельствует т. Каюров, было боевое, приподнятое. Вместо арестованного ПК руководство перешло к Выборгскому районному комитету. Партия выставила в эти дни лозунг Временного революционного правительства. Она решительно протестовала против передачи власти в руки буржуазии.

Клеветой на партию является утверждение Шляпникова, Троцкого и троцкистских контрабандистов, будто партия до приезда Ленина вела оппортунистическую политику, будто она была против перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую и т. д.

С самого начала возникновения Временного правительства партия правильно квалифицировала его как правительство империалистической буржуазии. За исключением единиц партия стояла за передачу власти рабочему классу и крестьянству. Правда, обстановка была чрезвычайно сложная, надо было переходить от старого стратегического этапа свержения царизма к новому этапу подготовки сил и завершения социалистического переворота. В этот период не-

которые организации, в том числе и Петроградский комитет, допустили отдельные ошибки (неправильная резолюция по вопросу об отношении к Временному правительству). Но бюро ЦК (еще до приезда Ленина в Россию) приняло резолюцию, дающую правильный анализ сущности Временного правительства и тактики партии. Эта резолюция была опубликована в «Правде» от 10 (23) марта, и в ней сказано: «Продолжение войны новым Временным правительством ставит своей целью ту же захватническую империалистическую политику, по существу ничем не изменив грабительской политики свергнутого царского правительства, с той только разницей, что новое правительство стремится для своих империалистических целей использовать движение революционной демократии, в частности революционной армии.

Поэтому, подтверждая прежние партийные решения об отношении к захватно-империалистическим войнам, бюро ЦК РСДРП заявляет, что основной задачей революционной социал-демократии попрежнему является борьба за превращение настоящей антинародной империалистической войны в гражданскую войну народов против своих угнетателей — господствующих классов». Дальше резолюция указывает на важность братания на фронте и на необходимость поддержки революционного движения против господствующих классов во всех странах.

Клеветой на партию является утверждение Шляпникова об оборонческих и центристских тенденциях в руководящих организациях партии. Правда, Каменев и его немногие сторонники (я не говорю о небольшой группе лиц, возглавляемых Войтинским и Севруком, занимавших меньшевистскую позицию и за это немедленно изгнанных из партии) занимали полуменьшевистскую позицию по вопросам войны и отношении к Временному правительству и т. д. Но они встретили решительный отпор в партии еще до приезда Ленина. Взгляды т. Каменева не нашли сочувствия в рядах партии.

Несмотря на отдельные ошибки тактического порядка в этот трудный переходной период и оппортунистические шатания (направо и налево) у отдельных руководящих работников (Каменев и Богдатьев), партия держала правильный курс на перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Приезд Ленина и опубликование апрельских тезисов были встречены всей партией с громадным подъемом. Партия дружно одобрила тезисы Ленина, ибо в них было сказано то, о чем каждый большевик думал и к чему стремился. Только такой враг партии как Троцкий может утверждать (в книге «Февральская революция»), что Ленин был встречен холодно, что нужен был якобы целый месяц для того, чтобы «перевооружить» партию.

Для того, чтобы более точно установить картину соотношения классовых сил в дни Февральской революции и разоблачить утверждения буржуазных и мелкобуржуазных историков, что революция была бескровной, что царизм якобы не оказывал никакого сопротивления и спокойно уступил место новому правительству, необходимо вкратце осветить ход борьбы в дни Февраля.

Во-первых необходимо отбросить легенду о бескровности Февральской революции; на самом деле жертвы были большие: в одном

только Петрограде насчитывалось около 2000 жертв, но они были не только в Петрограде, но и в провинции, правда в меньшем числе.

Если старая, веками существовавшая самодержавная монархия пала сравнительно так легко, то это вовсе не значит, что она не оказывала революции сопротивления. Наоборот, царизм чувствовал, что надвигается революция, и готовился дать ей сокрушительный удар. Уже в 1916 г. был разработан подробный план подавления беспорядков, рассчитанный на использование, в случае нужды, казаков и войск.

Так как командующему Северным фронтом генералу Рузскому не вполне доверяли, то, для того чтобы иметь полную свободу действий при подавлении движения, Петроградский военный округ был выделен из состава Северного фронта в самостоятельную единицу. Командующему округом генералу Хабалову были даны самые широкие полномочия.

В начале революции полиция работала согласно выработанному плану: 23 и 24 февраля полиция действовала пока одна, 25 и 26 февраля были введены в действие войска, но это было началом крушения плана, ибо восстание солдат сразу свело детально выработанный план на-нет.

27 февраля (11 марта), уже после восстания солдат, генерал Хабалов еще сопротивлялся. В целях усмирения восставших он сформировал отряд из 1000 человек под командой полковника Кутепова, но эта попытка была уже явно безнадежной и успеха не имела.

Вначале в ставке верховного главнокомандующего движению не придавали особенно серьезного значения, тем более что и информация была самая успокоительная. Протопопов и генерал Хабалов посылали в ставку сводки в самых победоносных выражениях и все обещали на завтра окончательно покончить с движением. Подобный же характер носила «информация», шедшая от царицы; 25 февраля (10 марта) она писала: «То хулиганское движение; мальчишки, девчонки бегут и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодной, они все вероятно сидели бы по домам».[1]

Ясно, что после такой «информации» царь не особенно беспокоился, и вопль председателя Государственной думы Родзянко, умолявшего царя «даровать» в интересах спасения династии и во избежание революции ответственное министерство, не произвел на него особого впечатления.

Как только ставка уяснила себе серьезность положения, она немедленно развила энергичную деятельность по отправке войск с фронта для подавления восстания. 27 февраля (12 марта) генерал Алексеев отдал срочные распоряжения главнокомандующим Северным и Западным фронтами «отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде кольта для георгиевского баталиона». На следующий день посы-

[1] Переписка Романовых, т. V, стр. 218.

лается телеграмма об отправке еще «по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта». В тот же день Алексеевым посылается телеграмма главнокомандующему Южным фронтом о посылке в Петроград гвардейского Преображенского полка, третьего и четвертого стрелковых полков и одной батареи.

Приказом Николая генерал Хабалов за нерешительность был отстранен от должности, начальником карательной армии и командующим Петроградским военным округом был назначен генерал Иванов, в сопровождении георгиевского батальона срочно прибывший из ставки 27 февраля в Царское Село. 27 февраля из Двинска были уже отправлены 67-й и 68-й пехотные полки, остальные войска грузились и должны были быть отправлены утром 1 марта.

Иванов готовился подавить движение самым решительным образом; он сам в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии признался, что готов был уложить, если только понадобится, десятки тысяч человек. Но тут для усмирителей началось самое большое разочарование, ибо, как только войска карательных отрядов входили в соприкосновение с восставшими рабочими и солдатами, они немедленно переходили на сторону народа. Затея подавить восстание с помощью войск с фронта провалилась самым постыдным образом.

Николай крепко держался за свою власть, он не хотел пойти ни на какие уступки и только после выяснения полной невозможности подавить революцию вооруженной силой, начал сдаваться. Только 2 (15) марта он подписал акт отречения от престола в пользу брата Михаила, но такое решение было уже совершенно безнадежно, что сознавал и сам Михаил, в интересах самосохранения поспешивший на следующий же день «отречься» от короны, так неожиданно упавшей на его голову.

В самом трагикомическом положении очутилась российская буржуазия, видевшая и понимавшая, что вся политика царизма ведет к революции. Буржуазия была недовольна политикой царизма, она хотела забрать власть в свои руки, но боялась революции, а потому вся политика буржуазии по отношению к царизму была полна мечтаний о соглашении с царизмом.

В начале массового движения, в февральские дни, буржуазия питала некоторую надежду использовать движение для того, чтобы принудить правительство к уступкам. Только когда движение развернулось во-всю 26 и 27 февраля (11 и 12 марта), буржуазию охватила паника. Родзянко посылал царю телеграммы, в которых умолял его пойти в интересах сохранения династии, на уступки. Родзянко же советовал военному министру Беляеву обливать толпу в целях рассеивания демонстраций холодной водой из пожарных кишек.

В дни массового движения буржуазия все время вела переговоры с правительством об уступках, в головах ее вождей рождались всякие планы подавления восстания, она хотела организовать военную диктатуру, задача которой — восстановить «порядок».

Только победа восставших рабочих и переход на их сторону солдат заставили буржуазию признать переворот, больше того, теперь она с целью захвата власти надела личину сочувствия рево-

люции, причем маневр этот при содействии меньшевиков и эсеров ей отчасти удался.

Когда 26 февраля (11 марта) был получен царский приказ о роспуске думы, трусливая буржуазия покорно этому подчинилась. Даже в день полного торжества революции 27 февраля (12 марта) Родзянко не осмелился открыть заседание думы, а устроил в полуциркульном зале частное совещание. На этом частном совещании, после продолжительных прений, было решено создать Временный комитет Государственной думы, задача которого: «водворение порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». Это решение было принято после длительной дискуссии и после того как выяснилось, что народ окончательно победил, а до этого Родзянко высказывался за выжидательную тактику, ибо, по его мнению, еще неизвестно, чья возьмет. Этой же точки зрения придерживался и Милюков. Некрасов предлагал организовать военную дуктатуру. Некоторые депутаты предлагали разыскать министра председателя только-что сверженного правительства (князя Голицына) и совместно с ним организовать военную диктатуру для подавления «бунта».

Только окончательная и решительная победа восставших рабочих и солдат повлияла на настроение буржуазии, и она под давлением масс решилась взять на себя функции исполнительной власти. Колебания вождей буржуазии живописно изображает Шульгин:

«Родзянко долго не решался. Он все допытывался, что это будет — бунт или не бунт.

— Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду, не хочу итти. Но с другой стороны правительства нет... что делать? Как быть? Как же быть?

Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно:

— Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите, как верноподданный... Берите потому, что держава Российская не может быть без власти... Положение ясно. Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах».[1]

Буржуазия брала власть в свои руки, надеясь сохранить старый аппарат; особенно сильно она цеплялась за монархию, считая, что при монархии легче будет загнать в свои берлоги, по выражению Шульгина, того страшного зверя, имя которому — русский народ.

Несмотря на переход власти в руки буржуазии, все же полного единовластия буржуазии не получилось. Раньше чем образовалось буржуазное правительство, создался Совет рабочих и солдатских депутатов, в руках которого находилась вся фактическая власть. Временное правительство имело власть лишь постольку, поскольку эту власть ей уступил Совет.

27 февраля (12 марта) в день падения самодержавия, образо-

[1] Шульгин. Дни, стр. 111.

98370

вался Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Организаторами этого Исполнительного комитета были выпущенные из тюрьмы члены рабочей группы Военно-промышленного комитета, которые из тюрьмы прямо отправились в Таврический дворец и, встретившись там с левыми депутатами Государственной думы и некоторыми работниками легального рабочего движения, объявили себя Временным исполнительным комитетом СРД и назначили открытие первого заседания СРД в тот же день вечером.

Вечером 27 февраля (12 марта) около 9 часов открылось первое заседание Совета. На этом заседании присутствовало 40—50 человек представителей от рабочих. Преобладали на нем главным образом деятели рабочей группы военно-промышленных комитетов и другие работники легального рабочего движения. Инициатива по организации Совета, таким образом, попала в руки меньшевиков.

Это произошло потому, что все наличные большевистские силы были заняты руководством массовым движением, они вопросы революции разрешали практически в уличной борьбе и не имели достаточно сил для того, чтобы охватить движение по организации Совета.

Захват меньшевиками Совета объясняется еще и тем, что большевистская организация сильно пострадала от репрессий, все видные руководители партии находились либо в тюрьме и ссылке, либо в эмиграции. Естественно, что все это облегчало меньшевикам возможность захватить инициативу созыва Совета в свои руки. Меньшевики от репрессии царизма почти не пострадали и имели налицо почти всех своих главных руководителей.

Составом Совета определялась его политика. Несмотря на громадный авторитет, которым пользовался Совет в глазах рабочих и солдат, несмотря на то что в его руках была фактическая сила власти, он не хотел использовать этого положения и не взял власть в свои руки. Вопрос о власти на заседаниях Совета вплоть до 2 марта даже не ставился. Руководители Совета — меньшевики и эсеры считали происходящую революцию классической буржуазной революцией и добровольно уступили власть буржуазии.

В своих «Записках о революции» Суханов сознается, что меньшевики больше всего опасались, как бы буржуазия *не* отказалась взять власть в свои руки. Поэтому, когда образовалось буржуазное «Временное правительство», соглашательские партии радостно и свободно вздохнули.

Вот как описывает этот момент сам Суханов.

«В эту минуту из кабинета Родзянки в комнату вошел Милюков. Увидев нашу группу, он прямо направился к нашему столу. У него был торжественный вид и сдерживаемая улыбка на губах. — Состоялось решение, — сказал он, — мы берем власть...

Я не спрашивал, кто это «мы». Я ничего больше не спрашивал. Но я, как говорится, всем существом почувствовал новое положение, *новую благоприятную конъюнктуру революции* и новые задачи демократии, встающие на очередь с этой минуты. Я почувствовал, как корабль революции, бросаемый в эти часы шквалом по полному произволу стихий, поставил паруса, приобрел устойчивость, закономерность в движениях среди страшной бури и качки и между ме-

лями и рифами взял определенный курс на далекую, невидимую в тумане, но хорошо известную точку».[1]

После мартовской победы в стране создалось чрезвычайно сложное положене. Власть из рук крепостнического самодержавия с согласия Совета перешла в руки империалистической буржуазии.

Оригинальность положения заключалась именно в двоевластии — в существовании рядом с официальным правительством другого, фактического правительства — Совета рабочих и солдатских депутатов.

Возникает вопрос: почему в первый период революции меньшевикам и эсерам удалось повести за собой часть рабочих и большинство солдат? Ответить на этот вопрос можно, лишь учитывая всю созданную войной обстановку. Во время войны самые лучшие и закаленные в политической борьбе рабочие кадры были рассеяны по многочисленным фронтам, часть их погибла, а другая потонула в бесформенной солдатской массе. На производство хлынули новые, в фабричном котле невыварен ные, массы рабочих, довольно плохо разбиравшиеся в сложных политических вопросах, и естественно, что в февральско-мартовские дни всеобщего братания и опьянения революционной фразой значительная часть из них дала себя увлечь мелкобуржуазным партиям.

Большевики во время войны испытали на себе всю тяжесть репрессий умиравшего режима. Лучшие вожди и руководители партии, как мы уже упоминали, сидели в тюрьмах, находились в ссылке и эмиграции. Концентрация в связи с войной в городах больших масс солдат также не могла не отразиться на составе советов. Правда, рабочие крупных городов имели воспитательное воздействие на солдат, но бесспорен также факт влияния крестьянской бесформенности на рабочих, в некоторых случаях просто подавлявшихся солдатским большинством.

Ленин, возражая Стеклову, объяснявшему передачу власти буржуазии тем, что будто бы тогда опасались прихода войск с фронта и передачей власти хотели спасти положение, писал: «Почему не взяли власть? Стеклов говорит: потому-то и потому-то. Это вздор. Дело в том, что пролетариат недостаточно сознателен и недостаточно организован. Это, надо признать, материальная сила в руках пролетариата, а буржуазия оказалась сознательной и подготовленной. Это — чудовищный факт, но его необходимо откровенно и прямо признать и заявить народу, что не взяли власть потому, что неорганизованны и бессознательны».[2]

Итак, слабая организованность, недостаточная сознательность массы, засоренность рядов пролетариата мелкобуржуазными элементами обусловливали господство меньшевиков и эсеров в февральско-мартовские дни, что и привело к переходу власти в руки империалистической буржуазии.

Особенностью момента, наступившего с переходом власти в руки буржуазии, Ленин считал переход от первого этапа революции «ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролета-

---

[1] „Записки о революции", кн. 1, стр. 107, изд. 2-е.
[2] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 78.

риата и беднейших слоев крестьянства». Некоторые большевики во главе с Каменевым придерживались взгляда, что нам предстоит еще особая полоса революционно-демократической диктатуры, и считали переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства преждевременным.

Ленин считал этот взгляд глубоко ошибочным; он объяснял т. Каменеву, что последний неправильно понимает лозунг революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Ильич цитирует места из своих статей, написанных в 1905 г., где говорится, что этот лозунг, как и все на свете, имеет и прошлое и будущее: прошлое — это борьба пролетариата в союзе со всем крестьянством против феодализма, будущее этого же лозунга — борьба пролетариата в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации середняка против буржуазии города и деревни. Ленин считал недопустимым для марксиста останавливаться только на прошлом этого лозунга, когда на деле уже началось будущее; ведь сам факт двоевластия уже говорил о своеобразном частичном осуществлении революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства; он говорил, что неправильно возводить китайскую стену между доведением до конца буржуазно-демократической революции и революцией пролетарской, что ближайшей задачей революции является переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, который должен обеспечить переход власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства.

В первом «письме издалека» Ленин писал, что новое правительство империалистической буржуазии не может дать измученному народу мира, потому что оно само заинтересовано в продолжении войны с целью захвата чужих стран, что оно связано с англо-французским империализмом, который за продолжение войны до полного разгрома своего соперника — германского империализма. Он писал, что новое правительство не даст народу хлеба, потому что это правительство буржуазное. Оно не даст свободы, потому что оно боится народа.

«*Рабочие, — писал Ленин, — вы проявили чудеса пролетарского народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*» (курсив Ленина).

Основным вопросом момента он считал тогда вопрос организации пролетариата и пропаганду идей большевизма в массах.

При переходе от первого этапа революции ко второму Ленин подчеркивал наряду с важностью организации общекрестьянских советов сугубую важность задачи «немедленной и особой организации в *деревнях* советов рабочих депутатов, т. е. советов сельскохозяйственных наемных рабочих, отдельно от советов остальных крестьянских депутатов...» Кроме организации в деревнях отдельных советов депутатов необходимо «выделение советом депутатов от беднейших крестьян» (апрельские тезисы).

Эта политика была необходима для того, чтобы обеспечить победу пролетариата и беднейшего крестьянства на новом этапе рево-

люции, когда станут неизбежными столкновения «между сельскохозяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшим крестьянством и *зажиточными крестьянами*, которых усилила столыпинская аграрная реформа».[1]

Против ленинского стратегического плана дальнейшего развития революции, в основном намеченного еще в эпоху революции 1905 г. и более конкретизированного в «Письмах издалека» и в знаменитых апрельских тезисах выступили Каменев, Рыков, Ногин и др. Они считали, что у нас нет достаточных материальных предпосылок для социалистической революции и что мы должны еще пережить особую полосу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В этом корни их колеблющейся правооппортунистической политики летом и в октябре 1917 г., а также участия Каменева в троцкистском блоке в 1926-1927 гг. Ленин считал такую постановку вопроса неправильной, недиалектической, говорил, что тот, кто так ставит вопрос, «тот отстал от жизни, тот в силу этого *перешел* на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»).[2]

По определению Ленина положение создалось более «оригинальное, своеобразное, пестрое», чем ожидали. «Действительность показывает нам и переход власти к буржуазии («законченная буржуазно-демократическая революция обычного типа») и существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет собой «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже правительство» *само* уступило власть буржуазии, *само* привязало себя к буржуазному правительству».[3]

Правые накануне апрельской конференции и на самой партийной конференции попытались навязать партии мысль, будто Ленин, добиваясь признания пролетарского переворота, стремится к немедленному осуществлению социализма. На это извращение его точки зрения Ильич отвечал, что речь идет не о немедленном «введении» социализма, но что «такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление *немедленного контроля* за ними Советов рабочих депутатов и т. п., отнюдь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и по мере возможности революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха».[4]

На апрельской конференции один из лидеров правых — т. Рыков. — защищая точку зрения о незрелости России для социалистической революции, говорил, что «инициатива социалистического пе-

---

[1] *Ленин.* Прощальное письмо к швейцарским рабочим.
[2] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 101, изд. 2-е.
[3] Там же, стр. 105.
[4] *Ленин.* Собр. соч., Задача пролетариата в нашей революции, т. XX стр. 124, изд. 2-е.

реворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма». На это Ленин ответил: «Товарищ Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм». По этому же вопросу, еще будучи за границей, в прощальном письме к швейцарским рабочим Ильич писал: «Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на неизвестное, *быть может очень короткое время,* застрельщиком революционного пролетариата всего мира».

Владимир Ильич правильно определил тогда роль российского пролетариата как застрельщика мировой революции.

Ленин и вся партия за исключением небольшой группы сторонников Каменева считали, что ограничиться буржуазно-демократическими рамками, как полагали меньшевики, революция не может. Исходить из меньшевистской постановки вопроса — значит изменить социализму. Вопрос стоял не об *ограничении революции,* а о перерастании революционно-демократической диктатуры в диктатуру пролетариата, опирающуюся на беднейшее крестьянство. При этом партия отнюдь не исключала возможности создания, в процессе этого перерастания, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в чистом виде, т. е. оторванной от буржуазного правительства. В создании ее заключался бы тот путь мирного перехода к социализму, стать на который наша партия призывала тогда шедшие пока в большинстве за меньшевиками и эсерами массы.

Осуществление выставленного тогда лозунга «Вся власть советам» в период доиюльских дней означало бы осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и перерастание последней в диктатуру пролетариата. Ленин особенно подчеркивал момент перерастания.

Лозунг «Вся власть советам» тогда, в период доиюльских дней, не означал немедленного введения социализма, как об этом писали буржуазные газеты, а означал лишь «разрыв блока меньшевиков и эсеров с буржуазией и образование советского правительства из этих мелкобуржуазных партий, право свободной агитации для большевиков и свободную борьбу внутри советов, в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал конечно диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их осуществить на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускоряя их изоляцию, их отрыв от масс».[1]

Партия в период доиюльских дней считала этот путь мирного развития наиболее желательным; возможность же этого пути, при желании меньшевиков и эсеров, тоже была обеспечена, ибо фактическая

[1] *Сталин.* На путях к Октябрю, стр. XLIV.

власть на местах была в руках советов. Хотя этот путь партия признавала наиболее желательным, но, зная природу мелкобуржуазных партий, она считала такую перспективу маловероятной. «Неизвестно, — писал Ленин, — может ли теперь быть еще в России *особая* «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», *оторванная* от буржуазного правительства».[1]

Немедленно после февральской революции Ленин в письме к Ганецкому предупреждал партию о возможной опасности возникновения в новых условиях объединенческого угара. Он поставил решительно вопрос о недопустимости объединения большевиков с лицами, на словах считающими себя интернационалистами, но на деле не порвавших организационных связей с оборонцами. Партия ставила своей главной задачей немедленный и решительный разрыв с оборонцами и всеми колеблющимися, отделение пролетарских элементов от мелкобуржуазных, всемерную организацию и укрепление большевистской партии, которая должна была провести в массах усиленную агитационно-пропагандистскую и организационную работу по подготовке сил для нового штурма.

Эта тактика организации масс и углубления в них классового сознания — политика разоблачения меньшевиков и эсеров и изоляция их — правильно выражала интересы движения в обоих возможных случаях: и в случае, если Россия переживет еще особую полосу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и в случае, если мелкая буржуазия не сможет оторваться от буржуазных верхов и будет до социалистической революции колебаться между последними и пролетариатом. И в том и в другом случае для партии большевиков главной задачей было раскрыть перед широкими массами трудящихся предательскую политику мелкобуржуазных партий и перетянуть массы на свою сторону.

«В этот период, — пишет т. Сталин, — наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями *соглашения* между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на разрыв трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в «излишней ненависти» к эсерам и меньшевикам и в «забвении» ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции».[2]

Свергнуть власть империалистической буржуазии, вырвать страну из когтей войны партия конечно не могла без изоляции меньшевиков и эсеров и без завоевания большинства рабочих и беднейших крестьян. Поэтому она всегда предостерегала от преждевременного,

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 105, изд. 2-е.
[2] *Сталин.* На путях к Октябрю, стр. XI.

неорганизованного выступления на улицу с целью захвата власти до завоевания партией прочного большинства в наиважнейших пролетарских центрах.

Эта тактика отнюдь не означала, что партия собирается замыкаться в себе и сторониться нарастающего движения; напротив, партия, участвуя, организуя и направляя в мирное русло стихийное движение в дни 20-21 апреля, 10 июня, 18 июня и в дни 3 — 5 июля как и организуя и руководя революционной обороной против контрреволюционного выступления генерала Корнилова, завоевала доверие рабочих и солдатских масс, связалась и спаялась с массами и создала такую боевую армию, которая в дни Октября свергла правительство буржуазии.

Этой большевистской тактики не понимал Троцкий. Участие партии в стихийно возникших апрельской и июльской демонстрациях, преследовавшее цель придать им мирный организованный характер, он рассматривал как сознательный вызов партией движения в целях разведки.

Утверждения Троцкого в книге «1917 г.», ч. 1, что его точка зрения в начале Февральской революции совпадала с точкой зрения Ленина и большевиков, которые по его мнению разболшевичились, ничего общего не имеет с действительностью. На самом деле накануне Февральской революции и позднее по всем основным вопросам революции у Троцкого была своя особая точка зрения, не совпадающая с линией большевизма. Не большевики разболшевичились и пришли к Троцкому, а наоборот Троцкий приблизился, а затем и вступил в партию спрятав в шкап, по выражению т. Сталина, теорию перманентной революции (правда временно). Только при условии подчинения большевизму он и его сторонники были приняты в партию.

По вопросу о характере и движущих силах революции в годы империалистической войны существовали большие разногласия между большевиками и Троцким, который продолжал защищать свою известную теорию перманентной революции, отрицавшей революционную роль крестьянства и считающей невозможным победу русской революции без прямой государственной помощи международного пролетариата. В защиту этой теории Троцкий в 1915 г. писал: «Опыт русской революции, как и реакции, говорит нам, что сейчас менее, чем в 1905 г., можно надеяться на самостоятельность, а тем более решающую роль *крестьянства* в развитии революционных событий. Поскольку крестьянство осталось в тисках сословно-феодального рабства, оно в своей стихийной оппозиции старому режиму продолжает нести на себе все те же черты хозяйственной и идейной разобщенности и политической неразвитости, культурной отсталости и беспомощности, которые всегда и при всяком движении парализуют его социальную энергию и заставляют его останавливаться там, где начинается подлинно революционное действие».[1]

От этой меньшевистской теории после Февральской революции Троцкий не отказался; чтобы проверить, как было на деле, обратимся опять к документам. В газете «Новый мир» от 13 марта (27

[1] *Троцкий.* Война и революция, т. I, стр. 248, статья „Русские отголоски",

февраля) напечатана статья Троцкого «Первый этап революции», в которой о классовых силах Февральской революции написано следующее: «Улицы Петрограда снова заговорили языком 1905 г. Как и тогда, во время русско-японской войны, рабочие требуют хлеба, мира, свободы. Как и тогда, не движутся трамваи и не выходят газеты. Рабочие выпускают пары из машин, покидают свои станки, выходят на улицу. Правительство выводит своих казаков. И опять, как в 1905 г., *только эти две силы* (курсив мой — *О. Л.*) и видны на улицах столицы: революционные рабочие и царские войска».[1] По мнению Троцкого «только революционное рабочее правительство будет обладать волей и способностью уже во время подготовки Учредительного собрания произвести радикальную демократическую чистку в стране, перестроить сверху донизу армию, превратить ее в революционную милицию и на деле доказать крестьянским низам, что их спасение только в поддержке революционного рабочего режима».[2]

Приведенных выдержек вполне достаточно для того, чтобы понять разницу взглядов между Троцким и большевиками. В годы войны большевики защищали лозунг революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, немедленно перерастающей в диктатуру пролетариата, а после Февральской революции они выставили новый лозунг диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства, которая наряду с осуществлением социалистического переворота попутно доводит до конца незавершенные задачи буржуазно-демократической революции; этим самым пролетариат в лице широчайших крестьянских масс приобретает могучего союзника в деле свержения буржуазно-помещичьего Временного правительства.

Ленин и после Февральской революции беспощадно продолжал критиковать троцкистскую теорию перепрыгивания через неизжитые этапы революции. Так в статье «Письма о тактике», возражая Каменеву, он в то же время бьет и по «левой» теории Троцкого. «Но не грозит ли нам, — пишет Ленин, — опасность впасть в субъективизм и желание «перепрыгнуть» через незавершенную, неизжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: «Без царя, а правительство рабочее» (лозунг Троцкого — *О. Л.*), — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это, а сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) *не может быть помимо* советов рабочих, батрацких, солдатских и крестьянских депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова *только* к этим советам, а в них *как-раз* преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику».[3]

Как известно, Троцкий не только после Октябрьской револю-

---

[1] *Троцкий*. „1917 г.", ч. 1, стр. 3.
[2] Там же, стр. 13.
[3] *Ленин*. Собр. соч., т. XX, стр. 104, изд. 2-е.

ции, но и до нее боролся против большевизма в вопросе о возможности построения социализма в одной стране. Эта проблема стоит в тесной связи с другой антибольшевистской установкой Троцкого вместе с меньшевиком Мартовым, отрицающим лозунг самоопределения наций и ревизующим марксизм в этом чрезвычайно важном вопросе.

О каутскианской (центристской) позиции Троцкого в этих вопросах необходимо сказать несколько слов. Возражая большевикам, выставившим лозунг самоопределения нации (большевики понимали этот лозунг, как право на отделение), защищая свой лозунг Соединенных штатов Европы (этот лозунг был подвергнут сокрушительной критике Лениным), Троцкий в статье «Программа мира» писал: «Пролетариат не может позволить «национальному принципу» стать поперек дороги неотразимому и глубоко прогрессивному стремлению современного хозяйства планомерно организоваться на всем нашем континенте и, далее, на всем земном шаре».[1] Чего только нет в этом небольшом отрывке апологетики империализма: Троцкий говорит и о прогрессивном стремлении империализма и о стремлении капиталистического хозяйства к плановости и т. д. Ясно, что в таком случае нельзя защищать стремления маленьких наций к самоопределению, наоборот, желательно их подавление со стороны великих «прогрессивных» империалистических государств. Но послушаем дальше. «Если бы капиталистическим государствам Европы удалось сплотиться в империалистический трест, это, разумеется, означало бы шаг вперед по сравнению с *нынешним* состоянием, ибо прежде всего создавало бы объединенную общеевропейскую материальную базу для рабочего движения... Соединенные штаты Европы есть лозунг революционной эпохи, в которую мы вступили... В этой программе находит свое выражение тот факт, что национальное государство пережило себя — как рама для развития производительных сил, как государственная форма диктатуры пролетариата».[2]

Правда, Троцкий оговаривается, что, отрицая возможность победы социализма в одной стране, он не отрицает возможности начала революции в отдельной стране. «Не дожидаясь других, мы начнем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире».[3]

На этой же антиленинской точке зрения Троцкий и его сторонники стоят и по сей день. В послесловии к «Программе мира», написанной в 1922 г., он писал, что, «отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только

[1] *Троцкий.* Война и революция, т. II, стр. 471.
[2] Там же, стр. 476, 477, 479.
[3] Там же, стр. 478.

после победы пролетариата в важнейших странах Европы».[1] На основе этой неленинской теории у Троцкого выросла контрреволюционная платформа и клевета на партию и советскую власть, которая якобы перерождается и не выражает более интересы пролетариата.

Кроме вышеосвещенных антиленинских установок, отрицающих возможность победы социалистической революции в России, Троцкий занимал неверную позицию накануне Февральской революции также и по вопросу о превращении империалистической войны в гражданскую и был против лозунга Ленина о поражении своего правительства в империалистической войне.

В годы войны он самым решительным образом боролся против этих основных большевистских установок, противопоставляя лозунгу превращения империалистической войны в гражданскую пацифистский лозунг мира во что бы то ни стало и клевеща на большевиков, заявляя, что они, выставляя лозунг поражения царской монархии, как наименьшего зла, тем самым хотят победы германского империализма. И после этого у Троцкого хватает наглости утверждать, что его (Троцкого) взгляды «вполне согласуются с тем анализом революции, который дан Лениным в его «Письмах издалека» (Троцкий).

Об антиленинских организационных взглядах Троцкого и о мотивах, побудивших его вступить в большевистскую партию, я скажу в связи с вопросом вступления межрайонцев в партию.

Итак, Троцкий не признавал большевистской оценки характера переживаемой революции. Поддерживая большевистский лозунг «вся власть советам», он вкладывал в него содержание чисто рабочего правительства, он совершенно не понимал проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Троцкий в 1917 г. так же, как и в 1905 г., игнорировал крестьянство. Ему чужда была ленинская тактика использования в интересах социализма широчайших масс трудящегося крестьянства. Троцкий в 1917 г. так же, как и раньше, продолжал критиковать установленный Лениным закон неравномерного развития капитализма и возможности победы социализма в одной стране. Он считал, что социализм может победить только одновременно в нескольких странах и что без прямой государственной поддержки международного пролетариата русская социалистическая революция обречена на гибель в виду неизбежности столкновения рабочего класса с широчайшими массами крестьянства. Попутно с отстаиванием своей немарксистской теории перманентной революции, он продолжал клеветать на партию, которая по словам Троцкого разбольшевичилась и стала яко бы на его позиции.

Громадное значение в истории партии имеют знаменитые апрельские тезисы Ленина, в которых в сжатой форме была дана оценка момента, дана перспектива дальнейшего развития революции и намечены очередные задачи партии на новом этапе революции. Эти же тезисы легли в основу решений Всероссийской апрельской конференции нашей партии.

Основной вопрос всякой революции — вопрос о власти ставится

---

1 *Троцкий.* Зойна и революция, т. II, стр. 481.

в этих тезисах следующим образом: «Не парламентарная республика — возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад, — а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху».

О советах как форме государственной власти нового класса — пролетариата, Ленин писал уже раньше, на основании опыта революции 1905 г. Но более подробно этот вопрос он развивал после Февральской революции, особенно в брошюре «Государство и революция».

В деле разрешения основной проблемы подготовки сил для предстоящей пролетарской революции очень важное значение имела далее правильная постановка и разрешение аграрного вопроса. Большевистская позиция в этом вопросе определялась так:

«Конфискация всех помещичьих земель. Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере от 100 десятин до 300, по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет».[1]

Идею создания образцового крупного сельского хозяйства Ильич подчеркивал также в статье «Задачи пролетариата в нашей революции», на апрельской партийной конференции, на 1 Всероссийском съезде крестьянских депутатов и в других работах и выступлениях, причем разрешение аграрного вопроса ставилось им в разрезе перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической.

Очень важными решениями в этой связи были положения о национализации земли[2] и об организации советов батрацких депутатов и советов деревенской бедноты.

Очень большое значение в деле подготовки Октября имело далее правильное разрешение нашей партией национального вопроса. На апрельской конференции по этому вопросу с докладом выступил т. Сталин, сделавший следующие выводы:

«Итак, наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям: а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства, — областная автономия; в) для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия.[3]

Против выставленных т. Сталиным положений выступили тт. Пятаков и Дзержинский, решительно возражавшие против тезиса о праве наций на отделение, причем т. Пятаков исходил из люксембургианской неправильной характеристики эпохи империализма.

Выступление «левых» в этом вопросе встретило решительный

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 89. Апрельские тезисы, изд. 2-е.

[2] „Думать, что после отмены частной собственности на землю в в России все останется по старому, это просто нелепость" (*Ленин*).

[3] Всероссийская Апрельская конференция РСДРП (большевиков) в 1917 г., стр. 132.

отпор со стороны тт. Сталина и Ленина. Последний говорил, что «позиция польской социал-демократии остается странной, чудовищной ошибкой. Эти люди желают свести позицию нашей партии на позицию шовинистов».[1]

На конференции громадным большинством была принята резолюция т. Сталина.

На апрельской конференции обсуждался также вопрос о положении в Интернационале и о задачах партии. Докладчиком по этому вопросу выступил Зиновьев, который в общем правильно осветил вопрос, допустив ошибку по вопросу о немедленном выходе нашей партии из циммервальдского объединения. По мнению докладчика условия для выхода еще не созрели.

Против этой неправильной установки выступил Ленин, писавший еще до конференции в статье «Задачи пролетариата в нашей революции»: «Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интерционалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде *только* для информации. Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления новый революционный пролетарский интернационал, или вернее не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует».[2]

Циммервальдское большинство Ленин квалифицировал как каутскианское, центристское. Большевики должны были по мнению Ленина немедленно порвать с этим большинством и немедленно организовать III Интернационал, присоединяя к себе действительных интернационалистов из циммервальдской левой.

Поправка Ленина к резолюции Зиновьева большинством конференции не была принята, в результате чего создание III Интернационала на некоторое время задержалось.

Крупное значение в процессе развития революции 1917 г. имела демонстрация против Временного правительства, стихийно возникшая 20-21 апреля (3-4 мая).

Назначение царского прислужника, генерала Алексеева, верховным главнокомандующим и явное намерение лишить солдат завоеванных свобод вызвало против Временного правительства сильное негодование рабочих и солдат. Чаша терпения революционных масс переполнилась с опубликованием 18 апреля (1 мая) ноты министра иностранных дел Милюкова иностранным державам с подтверждением верности Временного правительства союзным договорам, заключенным при царе.

В ответ на ноту Милюкова 20 апреля (3 мая) начались в Петрограде демонстрации против империалистической внешней политики Временного правительства. Первым выступил в полном составе финляндский полк с лозунгами, требовавшими отставки Милюкова. Вслед за финляндским полком на улицу выступили другие полки, всего до 25 — 30 тысяч человек. Движение было стихийным, ни одна поли-

---

[1] Всероссийская Апрельская конференция РСДРП (большевиков) в 1917 г. стр. 134.

[2] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 130, изд. 2-е.

тическая партия не брала на себя инициативы выступления. Демонстрация имела целью давление на Временное правительство, дабы принудить его изменить его внешнюю политику; по инициативе отдельных большевиков появились однако также плакаты с лозунгами, требовавшими передачи власти советам и свержения Временного правительства. [1]

На следующий день, 21 апреля, демонстрация продолжалась и носила более острый характер. На улице появились рабочие с заводов, во главе с вооруженными отрядами Красной гвардии. Кадетская партия устроила контрдемонстрацию, вся буржуазная молодежь высыпала на улицу. На улицах появились грузовики с вооруженными офицерами, юнкерами, студентами. Демонстрировали георгиевские кавалеры. Происходили столкновения между кадетскими и рабочими демонстрациями. Происходила непрерывная перестрелка, были жертвы.

В это же время командующим Петроградским военным округом, генералом Корниловым, был отдан приказ некоторым надежным частям выступить с артиллерией на Дворцовую площадь. Совершенно очевидно, что Корнилов хотел «подкрепить» кадетскую демонстрацию более вескими аргументами в виде пушек и пулеметов. У буржуазии и Корнилова были явные намерения учинить революционным рабочим и солдатам кровопускание. Однако этот план не удался, так как Советом был отдан приказ без санкции и призыва Совета солдатам из казарм не выходить, что и было выполнено.

Апрельская демонстрация была первым открытым столкновением в уличной борьбе двух боровшихся за власть классов. В результате этого столкновения начался правительственный кризис. Существовавший до апрельской демонстрации порядок согласования деятельности Временного правительства с Советом посредством контактной комиссии окончательно провалился. Вместо контактной комиссии была выдвинута идея образования коалиционного правительства.

До апрельской демонстрации большевистская партия по отношению к Временному правительству выдвигала лозунги: «никакой поддержки Временному правительству», «да здравствует власть советов». Однако, выставляя эти лозунги, партия отнюдь не призывала массы итти на улицу и немедленно свергать правительство. Так просто это дело поняли только Богдатьев и некоторые другие товарищи из Петроградского комитета, взявшие «чуточку левее» ЦК и выбросившие в апрельские дни лозунг: «Долой Временное правительство!» Ленин эту политику «леваков» квалифицировал как «чрезвычайное преступление». Он на апрельской Всероссийской партийной конференции говорил, что Временное правительство безусловно надо свергнуть, но его нельзя свергнуть обычным способом. Для того чтобы свергнуть Временное правительство, которое поддерживается советами, необходимо завоевать большинство в советах, без этого призыв к немедленному свержению правительства есть бланкизм, есть авантюризм, могущий иметь самые гибельные последствия для революции.

---

[1] Последний лозунг шел в разрез с установкой Центрального комитета большевиков и подвергся жестокой критике со стороны т. Ленина. Об этом см. дальше.

До октября партия большевиков сдерживала массы от всякого рода выступлений с целью захвата власти. Накануне июльских событий Ленин писал:

«С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая попрежнему рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления.

Дело в этапе общенародной революции. Церетели и Черновы, попав в зависимость от империализма, проводят этап мелкобуржуазных иллюзий, мелкобуржуазных фраз, прикрывающих тот же самый циничный империализм.

Этот этап надо изжить. Поможем скорее и безболезненнее изжить его. Он приведет к избавлению народ от *последних* мелкобуржуазных иллюзий к переходу власти в руки революционного класса». [1]

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 551.

II

Положение в стране накануне июльских событий

Демонстрацией 20-21 апреля (3-4 мая) в Петрограде и других городах пролетариат добился ухода из правительства военного министра Гучкова и министра иностранных дел Милюкова. Возникший в связи с этим правительственный кризис был разрешен образованием коалиционного правительства. От так называемых «социалистических» партий в правительство вошли три эсера, два меньшевика и один народный социалист, ничем не отличавшийся от кадетов. Керенский в новом правительстве занял пост военного министра.

Инициатива образования коалиционного правительства исходила от партии эсеров, развивавших и в Петрограде и в провинции усиленную агитацию за коалицию. Меньшевики вначале возражали против коалиции, ибо они опасались этим нарушить единовластие буржуазии, но, видя беспомощность буржуазии, вошли в правительство с целью укрепления буржуазной революции против возрастающей социалистической. На заседании Петроградского совета 5/18 мая обсуждался вопрос об образовании коалиционного правительства. Весь мелкобуржуазный блок яростно защищал идею коалиции; возражали против коалиции и предлагали взять Совету всю власть в свои руки одни большевики, но они оказались в незначительном меньшинстве (собрали всего 100 голосов). Соглашательские иллюзии были очень сильны в массе; она освобождалась от них лишь постепенно по мере развертывания революционных событий.

Истинный смысл коалиции заключался в усилении блока и в подчинении мелкобуржуазных партий политике империалистической буржуазии, которой надо было во что бы то ни стало укрепить пошатнувшийся авторитет власти, дабы погнать армию в наступление и

заставить рабочих отказаться от намерения улучшить свое жалкое экономическое положение. Широкая масса добросовестных оборонцев, обманутая меньшевиками и эсерами, шла на коалицию с прекраснодушными надеждами на скорое заключение демократического мира и на организацию буржуазной парламентской республики с широкими демократическими свободами.

Эта масса нуждалась еще в дополнительных уроках, чтобы убедиться в том, что от буржуазного Временного правительства, хотя бы и коалиционного, напрасно ждать политики мира и демократических преобразований, что это может дать только победивший пролетариат.

Ленин считал, что с образованием коалиционного правительства никаких изменений в соотношении классов не произошло, двоевластие как было, так и осталось; однако такое положение он считал крайне неустойчивым и кратковременным, полагая, что в ближайшем будущем проблема власти встанет во всей широте.

Буржуазия встретила образование коалиционного правительства сочувственно. На VIII съезде партии кадетов, по докладу Милюкова, была принята резолюция, приветствовавшая коалиционное правительство, поскольку оно обещает сохранить верность союзникам, подготовляет наступление на фронте и устраняет двоевластие как в центре, так и на местах. В речи, произнесенной на съезде, Милюков говорил: «Я считаю, что в общем появление этого кабинета есть акт положительный. Оно, во всяком случае, даст возможность надеяться на достижение двух главнейших целей настоящего момента — *усиления власти и перелома настроения в армии*» (курсив мой — *О. Л.*). Образование коалиционного правительства сочувственно было встречено также представителями англо-французского империализма. Английский посол Бьюкенен телеграфировал своему правительству следующее: «Новое коалиционное правительство... представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте. Керенский, принявший на себя обязанности военного и морского министра, не есть идеальный военный министр, но он надеется, что, отправившись на фронт и обратившись с страстным призывом к патриотизму солдат, он сможет гальванизировать армию и вдохнуть в нее новую жизнь. Это — единственный человек, который может сделать это, если это вообще возможно».[1] Так оценила буржуазия как российская, так и союзническая, возникновение первого коалиционного правительства.

Коалиционное правительство приложило максимум энергии, чтобы выполнить взятые на себя обязательства и начать на фронте наступление. С целью поднятия настроения армии на фронт отправился Керенский и другие вожди мелкой буржуазии, произносились зажигательные речи о необходимости защиты родины, революции, свободы т. д. В течение мая все уже было готово к наступлению. Генерал Брусилов обратился к Керенскому с предложением немедленно начать наступление. Вопрос о наступлении обсуждался в Исполнительном комитете Петроградского совета, который однако решил от наступления воздержаться до съезда советов.

[1] *Дж. Бьюкенен.* Мемуары дипломата, стр. 233.

Первый Всероссийский съезд советов собрался 3 (16) июня. Состав съезда был архиоборонческим, интернационалистическое крыло съезда составляло всего 19%; этим определялась и вся деятельность съезда, который прошел под знаменем наступления на фронте и прямых угроз по адресу революционного Петрограда и Кронштадта. Съезд отказался декретировать 8-часовой рабочий день; наряду с этим он отклонил предложение о роспуске Государственной думы и Государственного совета. Зато съезд много занимался вопросами усмирения революционного Кронштадта (кронштадтский совет взял власть в свои руки), выселением анархистов и рабочих организаций из дачи Дурново и запрещением рабочих демонстраций, ведя попутно бешеную агитацию против большевиков.

Много внимания съезд уделил обсуждению вопроса о войне, вернее о наступлении, и решил этот вопрос в положительном смысле. Когда на съезде были получены первые сведения об удачно начавшемся наступлении, то это вызвало в рядах его неописуемый восторг и ликование. Церетели, например, заявлял что успехи русской армии «должны приветствоваться не только русской демократией, но и всеми теми, кто стоит под знаменем международной демократии, кто действительно стремится бороться с империализмом. Открывается новая эра нашей революции...»

Неприятным моментом для лакеев буржуазии, меньшевиков и эсеров, были выступления большевиков. Тов. Позерн от имени большевистской фракции огласил заявление, в котором говорилось, что вся ответственность за последствия начатого наступления ляжет на Временное правительство и на меньшевиков и эсеров, поддерживающих его.

Одновременно с съездом советов, далеко не выражавшим подлинных настроений рабочих и солдат, заседала Всероссийская конференция военных организаций большевиков, вокруг которой концентрировались действительно революционные представители армии. Деятельность конференции протекала в страшно накаленной атмосфере. Некоторые представители солдат даже склонны были видеть в военной организации именно тот центр, который взял бы на себя руководство по организации немедленного выступления против Временного правительства. Руководителям военной организации с трудом удавалось сдерживать напор солдатских масс, рвавшихся на улицу.

С проблемой оздоровления экономической жизни коалиционное правительство не справилось, и разруха изо дня в день прогрессировала. Расстройство транспорта, продовольственная разруха, безработица вследствие закрытия фабрик и заводов, рост дороговизны — все это к концу июня приняло угрожающие размеры.

Закрытие заводов прогрессировало из месяца в месяц:[1]

В марте было закрыто	74	завода	с	6446	раб.
„ апреле „ „	55	„	„	2816	„
„ мае „ „	108	„	„	8701	„
„ июне „ „	125	„	„	38455	„
„ июле „ „	216	„	„	47754	„

[1] „Торгово-промышленная газета" № 213. Цитировано по статье З. Лозинского „Пролетар. революция", № 10. 1927.

Основной причиной закрытия предприятий, конечно, было отсутствие сырья и топлива, но несомненно и то, что буржуазия пользовалась своими предприятиями как политическим орудием, закрывая их в целях борьбы с рабочими. С разных концов страны поступали сведения о том, что промышленники под предлогом неумеренных требований рабочих закрывают предприятия.

Транспорт был расстроен до последней степени. По всем дорогам образовались заторы. Число больных паровозов местами доходило до 50%. Нехватка продуктов из-за недопроизводства обострялась развалом транспорта. Вместе с тем усиливалась и без того невыносимая дороговизна. Отношение роста заработной платы металлистов Москвы и роста цен на продукты питания было например следующее:

Периоды	Цена на продовольствие	Заработная плата		
		Чернораб. металлист.	Квалифиц. металлисты	Среднее
июнь 1916 г.	100,0	100,0	100,0	100,0
январь 1917 г.	163,5	130,0	152,0	141,0
июнь 1917 г.	262,9	218,0	190,0	203,0 [1]

Рост зарплаты безнадежно отставал от роста цен на продукты питания. В связи с закрытием предприятий росла безработица.

Рабочий класс лихорадочно искал выхода из тяжелого положения. Большевистский лозунг о рабочем контроле становился среди рабочих самым популярным и жизненным лозунгом.

С ростом экономической разрухи, числа локаутов предприятий и с усилением рабочих организаций стачечное движение приобрело тенденцию повышаться из месяца в месяц. Параллельно с ростом стачечного движения шел рост влияния партии большевиков. Даже те рабочие, которые себя большевиками не считали, в области классовой борьбы действовали почти как большевики, и, таким образом, установился единый фронт снизу между большевиками и рабочими, шедшими пока за меньшевиками и эсерами. Окончательный разрыв этих рабочих с мелкобуржуазными партиями был вопросом ближайшего будущего.

В июне стачечное движение приняло широкие размеры. В начале июня шесть московских заводов приняли резолюцию с требованием перехода власти к советам и установления контроля над производством. «Правда» от 8 июня сообщала, что Механический завод и Шлиссельбургский пороховой завод фактически управляются фабричнозаводскими комитетами. В Донбассе происходили непрерывные конфликты между рабочими и предпринимателями. В Москве 21 июня (4 июля) забастовали 8 тысяч рабочих биржевых артелей. В Нижнем Новгороде забастовали 20 000 рабочих Сормовских заводов (22 июня). 5 июля союз кожевников предъявил Обществу заводчиков и фабрикантов проект нового тарифного договора; фабриканты отказались принять проект, и дело перешло в примирительную ка-

[1] „Статистика труда" № 1, 1918 г., стр. 12.

меру; 10 июля (23 июля) состоялось первое заседание примирительной камеры, не давшее никаких положительных результатов; конфликт затянулся, и союз вынужден был объявить на 16 (29) августа забастовку.

Московский союз металлистов 21 июня (4 июля) предъявил предпринимателям требования о повышении заработной платы. Предприниматели отказались уступить рабочим, и 5 (18 июля) на всех металлообрабатывающих заводах Москвы и ее окрестностей была объявлена забастовка. Всего бастовало 80—85 тыс. рабочих. В забастовку вмешался Московский совет, и она кончилась соглашением.

Борьба за 8-часовой рабочий день встречала противодействие не только капиталистов, но и Временного правительства.

О революционном настроении петроградского пролетариата в конце июня и в начале июля можно судить по многочисленным резолюциям, принятым на всех крупных питерских фабриках и заводах и помещенных в газете «Правда». Общий смысл всех этих резолюций был следующий: долой политику соглашений с буржуазией; вся власть советам; долой войну; за здравствует рабочий контроль; бойкот буржуазных и меньшевистских газет; приветствия партии большевиков и т. д. и т. п.

На Путиловском заводе в течение всего июня шла борьба рабочих с правлением завода за повышение зарплаты, к концу июля настолько обострившаяся, что можно было со дня на день ожидать выступления путиловцев на улицу.

В целях успокоения 23 июня на заводе было созвано совещание с участием представителей от 73 заводов, Центрального совета фабрично-заводских комитетов, Центрального бюро профессиональных союзов, правления союза металлистов, социалистических партий, а также при участии заводского и цеховых комитетов Путиловского завода. На этом совещании была принята резолюция, в которой указывалось, что дело путиловских рабочих считается делом всего петроградского пролетариата, что необходима решительная борьба за установление рабочего контроля над производством и распределением и что для осуществления этих мероприятий требуется переход власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Подготовка наступления на фронте, начало активной деятельности кадетов и думцев, восстановление знаменитой 129 статьи царского уголовного уложения, направленной против свободы печати и собраний, выселение анархистов и других рабочих организаций с дачи Дурново — все это уже в начале июня сильно нервировало рабочую и солдатскую массу, готовую выйти на улицу. Чтобы ввести это нарастающее движение в организованные рамки, ЦК партии большевиков назначил на 8 (21) июня совещание из представителей районов, фабрик, заводов, полков. На совещании выяснилось, что массу удержать нет возможности, и громадным большинством голосов вопрос был решен в пользу выступления. После совещания ЦК большевиков постановил на 10(23) июня назначить демонстрацию. Но съезд советов запретил организуемую большевиками демонстрацию, мотивируя это тем, что по имеющимся данным в этот день якобы готовится выступление контрреволюционеров. Не желая в тот момент

обострять взаимоотношения со съездом советов, ЦК большевиков постановил демонстрацию отменить.

В связи с назначенной на 10 июня демонстрацией в лагере буржуазии поднялась бешеная кампания лжи и клеветы против большевиков. Не уступали буржуазии в этом грязном деле и социал-оборонцы. Церетели на съезде советов разразился потоком ругани и угроз по адресу левых элементов, требуя разоружения пролетариата. На большевиков сыпались обвинения, что они якобы желают победы германцам, предлагают бросить фронт и разойтись и т. д. Участились случаи нападения юнкеров и озверелых контрреволюционеров на революционных демонстрантов.

Особенно ненавидели буржуазия и ее лакеи — социал-шовинисты вождя пролетариата Ленина. Его не хотели впустить в Россию, но когда он прорвался через все препятствия и приехал, то немедленно против него поднялась бешеная травля. Инициатива в этом деле исходила, правда, из канцелярий дипломатических представительств англо-французских империалистов. Как известно из мемуаров, английский посол Бьюкенен настаивал перед Временным правительством на немедленном аресте Ленина. Сперва Милюков, а затем Терещенко все успокаивали Бьюкенена, что Ленин будет арестован при первом удобном случае. Французский посол Палеолог был возмущен приездом Ленина и считал, что этот факт — самое опасное испытание для Временного правительства, потому что Ленин, по его мнению, самый опасный вождь пролетариата.

На обвинение, брошенное большевикам, что они хотят очистить фронт и желают победы германцев, Ленин в «Правде» ответил, что большевики призывают кончать войну не втыканием штыков в землю, а братанием на фронте и захватом власти рабочим классом, что пролетариату в одиноковой степени ненавистны империалисты всех стран, будь то Вильгельм или английский король, что не большевики хотят победы империалистов, а Временное правительство, состоящее из меньшевиков, эсеров и кадетов, заключившее союз с русским и союзническим империализмом.

Выступление мелкой буржуазии в лице Церетели, обвинение большевиков в заговоре против Временного правительства, по мнению Ленина, только предлог для того, чтобы выполнить волю хозяев — союзных империалистов — расправиться с нашей партией и разоружить революционный пролетариат.

Задача партии, по мнению Ленина, сохранить спокойствие и выдержку. «Пусть грядущие Кавеньяки начинают первыми. А об их приходе наша партия предупредила на своей конференции. Пролетариат Петрограда не даст им возможности сложить с себя ответственность. Он будет выжидать, копя свои силы и готовясь к отпору, когда эти господа решатся перейти от слов к делу».[1]

Партии с большим трудом удалось остановить назначенную на 10 (23) июня демонстрацию. Положение все время оставалось напряженным. На даче Дурново из представителей заводов Выборгской стороны образовался самочинный «Временный революционный комитет», руководимый анархистами.

---

[1] *Ленин.* Собр. соч. т. XX, стр. 530, изд. 2-е.

Петроградский комитет РСДРП (большевиков) 14 (27) июня выпустил обращение к рабочим, где он предлагал воздержаться от выступления до воскресенья 18 июня (1 июля) и вместе с тем указал рабочим, членам партии и сочувствующим, что необходимо покинуть так называемый «Временный революционный комитет». Кроме того в тот же день ПК опубликовал следующее постановление: «Петербургский комитет призывает всех членов партии, все районные коллективы приложить все усилия, чтобы ни один завод ни под каким предлогом, ни в какой форме не выступал без призыва ЦК, ПК и ВО».

Не были спокойны также и солдатские массы. В связи с наступлением началась усиленная отправка на фронт маршевых рот, вызвавшая большое озлобление в тыловых частях. Особенно сильно волновались 40-летние и белобилетники. Сорокалетние приказом Гучкова были отпущены на полевые работы, а Керенский отдал приказ о возвращении их обратно в армию. В ряде городов происходили бунты сорокалетних и маршевых рот, отправляемых на фронт. Офицерство и военные школы в честь наступления устраивали патриотические манифестации, солдаты устраивали контрдемонстрации, происходили столкновения, результатом которых были жертвы.

Одновременно с солдатскими бунтами происходили беспорядки в деревнях. По сведениям, поступившим в министерство внутренних дел, аграрные беспорядки из месяца в месяц возрастали и к началу июля охватили уже 43 губернии.

Сильное большевистское настроение господствовало в Риге. 4 (17) мая рижский совет рабочих депутатов принял резолюцию против наступления на фронте. Совет считал единственным выходом из империалистической войны братание на фронте, которое надо всесторонне поддерживать. Также недовольны были Временным правительством большевистски настроенные латышские стрелковые полки.

В гельсингфорсском совете эсеро-меньшевистское большинство под давлением масс принуждено было вести более левую политику, чем его петроградские друзья.

Центральный комитет балтийского флота был на стороне большевиков. Почти на всех крупных кораблях флота настроение было большевистское; меньшевики и эсеры имели влияние только на мелких судах.

В кронштадтском совете формально большевики не имели большинства, но влияние их было огромно. Кронштадтская беспартийная рабочая и матросская масса была настроена очень революционно. Уже 17 (30) мая, по инициативе беспартийных, Совет принял постановление о переходе всей власти в руки Совета. Таково было положение в балтийском флоте и в Кронштадте накануне июльских событий.

Грандиозная демонстрация 18 июня (1 июля), прошедшая под большевистским лозунгом, показала, что коалиционное правительство не пользуется никаким авторитетом среди рабочих и солдатских масс.

Рабочие требовали контроля над производством, а Временное правительство поддерживало и субсидировало капиталистов-локаутчиков. Массы требовали скорейшего прекращения войны, а Временное правительство, начиная наступление, затягивало войну. Массы требо-

вали разрыва союза с капиталистами, а мелкобуржуазные вожди Совета считали абсолютно невозможным обойтись без союза с буржуазией. Таким образом крах политики соглашения и разрыв соглашательских партий с передовыми рабочими и солдатами к концу июня был налицо.

Временное правительство хотело использовать создавшуюся в связи с наступлением на фронте ситуацию и разделаться с наиболее революционными полками. С этой целью давались усиленные наряды для отправки на фронт маршевых рот. Особенно усиленные требования на отправку поступали в 1-й пулеметный полк, настроенный наиболее революционно. Очевидно правительство этим способом хотело избавиться от неприятного ему полка.

К концу июня усиленную деятельность развернули анархисты, встречавшие сочувствие у разгоряченных нервной атмосферой рабочих и солдат. Среди некоторых кругов менее сознательных рабочих и солдат не было полного понимания осторожной политики партии; думали, что наша партия недостаточно революционна. Об этом свидетельствует поддержка некоторыми заводами с Выборгской стороны анархистов на даче Дурново, а также образование рабочими совместно с анархистами известного Временного революционного комитета. О недовольстве «умеренностью» политики ЦК свидетельствует т. Лацис, который, касаясь отмененной 10 (23) июня демонстрации, писал: «Все негодуют по поводу постановления ЦК. Не знаю, чем это кончится. В старом «Парвиайнене» некоторые члены в возмущении разорвали свои членские билеты. Старый «Промет» вынес резолюцию, порицающую деятельность ЦК» (Лацис. Дневник. «Пролетарская революция» № 5, 1923 г.). Подобными настроениями были охвачены не только рядовые члены партии, но и некоторые члены ПК, как это видно из протокола заседания ПК 11 (24) июня.[1]

О революционном настроении солдат во второй половине июня свидетельствует также один из руководителей военной организации большевиков т. Подвойский; на июльской петроградской конференции он говорил, что конференция ВО, начавшаяся 16 (29) июня, протекала в страшно тяжелой атмосфере, потому что в связи с событиями на фронте назревало выступление в Гренадерском и Пулеметном полках.

Чтобы парализовать агитацию анархистов и революционно настроенных беспартийных рабочих и солдат, часто выдававших себя за большевиков и агитировавших за немедленное выступление, ВО издала обращение, напечатанное в «Солдатской правде» от 22 июня (5 июля), в котором рабочие и солдаты призывались не верить призыву к немедленному выступлению на улицу.

На следующий день в «Солдатской правде» была помещена статья с заголовком: «Организация прежде всего». В этой статье, так же как и в обращении ВО, говорилось, чтобы солдаты и рабочие не слушали лиц, призывающих немедленно с оружием в руках выйти на улицу, что такой шаг в данных условиях был бы лишь на пользу нашим врагам.

Итак, к концу июня мы имеем следующую политическую обста-

---

[1] Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., стр. 164, 173, 176.

новку: по всей стране идут стачки за повышение зарплаты и за сокращение рабочего дня; в более передовых слоях пролетариата созревает уверенность, что выходом из экономического кризиса может явиться лишь установление рабочего контроля над производством и распределением и принятие действительных мер к скорейшему прекращению войны, что в свою очередь связано с разрывом блока с буржуазией и передачей всей власти в руки советов. На основе этих положений повсеместно происходит отрыв широких рабочих масс от партий меньшевиков и эсеров и переход их к большевикам. По всей стране идут аграрные волнения, к концу июня охватывающие 43 губернии. Коалиционное правительство с эсеровским министром земледелия Черновым защищает интересы помещиков; происходит усиленная продажа помещичьих земель, главным образом иностранцам.

Под давлением англо-французских империалистов, коалиционное правительство погнало армию в наступление и таким образом нарушило создавшееся с начала революции фактическое перемирие на фронте. С началом наступления зашевелились все контрреволюционные элементы. Казачий, офицерский и др. контрреволюционные съезды кричали об анархии. раздавалась руготня по адресу советов и других массовых организаций, указывалось, что для спасения страны нужен диктатор, и т. д. Оживилась и заговорила загробным голосом царская 4-я Государственная дума, возникло множество контрреволюционных организаций, ведущих подготовку контрреволюционного переворота. Происходили патриотические контрреволюционные манифестации с избиениями и убийствами левых элементов. Правительство не принимало никаких мер против таких явлений и против этих организаций; наоборот, оно оказывало некоторым из них материальную помощь и разрешало им формировать ударные добровольческие войсковые части. В то же время правительство всю силу государственной власти направило против революционных солдат; началась усиленная отправка их на фронт, расформирование непокорных полков на фронте и в тылу. Совокупность всех вышеизложенных условий создала крайне революционную обстановку, вся страна накануне июльских дней была охвачена революционным порывом, который так или иначе должен был вырваться наружу.

III

Июльские события

На заседании Временного правительства 2 (15) июля при обсуждении украинского вопроса [1] кадеты вышли из правительства, вызвав тем самым правительственный кризис.

Разногласия кадетов с соглашательским блоком меньшевиков и эсеров не ограничивались впрочем одним украинским вопросом; кадеты считали политику правительства вообще слишком мягкой и нерешительной по отношению к требованиям революционных масс и, зная настроения меньшевиков и эсеров, цеплявшихся во что бы то ни стало за коалицию, придрались к украинскому вопросу и вышли из правительства с целью принудить соглашателей к еще бо́льшим уступкам буржуазии. Кроме того кадеты безусловно уже имели сведения о начале провала наступления на фронте. Вызывая правительственный кризис, они хотели развязать себе руки и ответственность за провал наступления свалить на меньшевиков и эсеров.

Уход кадетов только подчеркнул факт недовольства буржуазии политикой Временного правительства. Если в начале мая буржуазия встретила образование коалиционного правительства с надеждой, что оно восстановит «порядок» в армии и в тылу, то после двухмесячной его работы у буржуазии этих надежд уже не было. Буржуазия ясно видела, что правительство топчется на месте, страна левеет, недовольство растет и что возможны только два выхода: или уступить требованиям трудовых масс или путем репрессий и военной диктатуры заставить рабочих, крестьян и солдат молча исполнять волю буржуазии; политика колебаний, которую практиковало коалиционное правительство, буржуазию не удовлетворяла.

Вместо коалиционного правительства буржуазия желала установить военную диктатуру. Диктатором сначала был намечен Колчак. Затем взоры буржуазии обратились на Корнилова. Поступили, прав-

[1] Министры Керенский и Церетели заключили в Киеве с Украинской радой соглашение, в силу которого рада получила некоторые автономные права, против чего решительно возражали кадеты.

да, и к Керенскому от менее влиятельных кругов буржуазии предложения объявить личную диктатуру, но в глазах ответственных кругов буржуазии Керенский к роли диктатора явно не годился; буржуазии нужен был более решительный человек, Керенский же должен был выполнять роль подготовителя условий для прихода настоящих Каве-ньяков; такова историческая роль всех мелкобуржуазных социалистов.

Чего хотели добиться кадеты, выходя из правительства? Они, чувствуя за своей спиной силу российской буржуазии и международного капитала, ставили мелкобуржуазному блоку меньшевиков и эсеров ультиматум: порвать с существующей политикой колебаний и твердо стать на путь мероприятий, рекомендуемых буржуазией, порвать с политикой обещаний и уговариваний, стать на платформу решительных действий против «анархии» слева. Кадеты верно рассчитывали, что мелкобуржуазные вожди не в состоянии будут порвать с буржуазией и стать на сторону пролетариата. Они заранее чувствовали, что стоит лишь припугнуть вождей мелкой буржуазии отнятием финансовой поддержки и разрывом с союзниками, как сразу они капитулируют. Игра была начата обдуманно, и кадеты ее выиграли. Они поставили соглашателей на колени и заставили их принять свои условия.

Выше мы уже говорили, как нервировали солдат сведения о расформировании полков и другие репрессивные меры правительства и командования. В Запасный батальон гвардейского гренадерского полка 25 июня (8 июля) прибыли делегаты этого же полка с фронта и на батальонном собрании доложили, что на фронте к полку применяют насилия, что сзади полка поставили вооруженных пленных чехов и погнали полк в наступление. Далее делегаты говорили, что полк на фронте считает, что министры-социлисты перешли на сторону буржуазии.

30 июня (13 июля) 2-й пулеметный полк вынес резолюцию против наступления и за передачу власти советам, в то же время полковой совет 3-го пехотного полка принял резолюцию, в которой полк отказывается выделить 14 маршевых рот.

1-й пулеметный полк устроил в воскресенье 2 (15) июля в Народном доме прощальный митинг-концерт отправляемой им на фронт маршевой роте. На митинге выступили Луначарский и другие ораторы от большевиков, которые доказывали в своих речах, что единственный выход из войны есть переход власти к Совету рабочих и солдатских депутатов. После них выступили от имени полка тт. Жилин и Лашевич и заявили, что в наступление полк не пойдет, а если сложит свои головы, то только за дело революции. На митинге выступил солдат расформированного гренадерского полка т. Рутковский и рассказал о насилиях, творимых над полком на фронте. В конце митинга была принята резкая резолюция против Временного правительства.

После этого бурного митинга солдаты в сильно возбужденном состоянии разошлись по казармам, а на утро начался исторический день 3 (16) июля.

Из материалов, имеющихся в деле о июльских днях и хранящихся в архиве Октябрьской революции в Москве (теперь частично опубликованных в «Красном архиве» и «Красной летописи»), видно, что со-

бытия развернулись следующим образом. 3 (16) июля утром в 1-м пулеметном полку было назначено собрание ротных и полковых комитетов по текущим вопросам. Допрошенный следователем солдат Головин показал, что на собрании должен был обсуждаться вопрос о посылке делегатов в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, но во время собрания было получено извещение от Исполкома о том, что посылка делегатов откладывается до 5 июля, вследствие чего председатель полкового комитета предложил указать, что именно необходимо поставить на повестку дня. Раздались голоса, что надо обсудить вопрос о вооруженном выступлении. Настроение было очень возбужденное; раздавались голоса: «Надо выступать». Вопрос был поставлен на голосование, и большинством голосов было решено выступить в 5 час. дня. Для связи с другими полками было решено выбрать по два человека от каждой роты. Выборы производились поротно. Потом были избраны представители от рот в Революционный комитет для руководства движением.

Другой допрошенный солдат 9-й роты, Ильинский, показал, что в числе других ораторов с призывом к немедленному выступлению выступили какие-то неизвестные, заявившие, что они представители федерации анархистов; эти ораторы произносили зажигательные речи, указывая, что выступить надо немедленно; когда их запрашивали о цели выступления, то получили ответ, что «улица укажет цель». Ильинский (большевик) согласно директив партии высказался против выступления, но солдаты его не слушали.

В докладе на петроградской конференции большевиков т. Подвойский говорил, что 3 (16) июля в 10 час. утра в ВО стало известно, что пулеметный полк решил выступить, что ВО, с целью удержать пулеметчиков от выступления, послала в полк самых лучших агитаторов, но напрасно, полк все же выступил.

Вскоре стало известно, что выступили также Гренадерский, Московский и 180-й полки. Во всех полках картина выступления была почти одинакова. Сначала появлялся автомобиль с пулеметами; в автомобиле кроме солдат находились также штатские люди. В полку начинался митинг. Несмотря на агитацию против выступления полк все-таки выступает. Кроме петроградских полков 4 (17) июля прибыли еще кронштадтцы, 3-й пехотный запасный полк из Нового Петергофа, 175-й пехотный запасный полк из Красного Села, команда форта «Красная Горка» и другие части из окрестностей Петрограда.

Необходимо отметить, что инициатива выступления исходила от полков, расположенных на пролетарской Выборгской стороне (1-й Пулеметный, Гренадерский, Московский, 180-й пехотный и др.). Здесь безусловно чувствовалось революционное влияние рабочих на одетых в солдатский мундир крестьян.

Выступление рабочих Путиловского завода произошло при следующих обстоятельствах. 3 (16) июля в 4 часа дня появилось несколько солдат 1-го Пулеметного полка, заявивших, что в 5 час. предполагается демонстрация с лозунгами 1 июля (18 июня). Было собрано общее собрание, на котором говорили многие ораторы с призывом к выступлению. Когда секретарь завкома т. Богдатьев (большевик) предложил не выносить скоропалительных решений, а сперва запросить партийные организации, то рабочие запротестовали, по-

слышались крики: «Долой, опять желаете затянуть дело, дальше так жить невозможно!». Председатель завкома сходил на конференцию большевиков и, вернувшись, сказал, что партия о предстоящем выступления неосведомлена. Часам к 6 на завод прибыли представители ВЦИК Саакиян, Каплан и др., они возражали против неорганизованных выступлений, но убедить массу им не удалось. Потом на завод прибыла делегация с Выборгской стороны, которая заявила, что рабочие Выборгской стороны уже двинулись к Таврическому дворцу, после чего решено было выступить.

Таково было положение 3 (16) июля. Что же делала тогда большевистская партия, какова была позиция ЦК, ПК и ВО? Об усилиях ВО 3 июля удержать пулеметчиков и другие полки от выступления мы уже упоминали. Теперь вкратце рассмотрим позицию ЦК и ПК большевиков.

3 июля происходило заседание 2-й общегородской конференции большевиков. На конференции, после доклада т. Володарского по муниципальному вопросу, с сообщением выступил т. Томский, который довел до сведени делегатов о правительственном кризисе и передал директивы ЦК: «Наш ЦК приглашает — говорил т. Томский — членов и сочувствующих *удержать массу от дальнейших выступлений...*; выступившие полки поступили не по-товарищески, не пригласив на обсуждение вопроса о выступлении комитет нашей партии, и потому партия не может брать на себя ответственность за это выступление. ЦК предлагает конференции: 1) выпустить воззвание, чтобы удержать массу; 2) выработать обращение к ЦИК взять власть в свои руки. Говорить сейчас о выступлении без желания новой революции нельзя. Всех «если» настоящего положения мы учесть не можем. Брать почин в свои руки рискованно. Как выльется движение, мы увидим. Мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить пожар, так как пожар зажжен не нами, и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития». [1] Заключительные слова Томского явно не соответствуют постановлению ЦК, им же самим изложенному.

После сообщения т. Томского с сообщениями выступили тт. Женя, Бокий, Скрябин (Молотов), Вейнберг, Слуцкая. Все выступавшие товарищи сообщали, что настроение на заводах и в воинских частях напряженное, все готовятся к выступлению, чувствуется недовольство Центральным комитетом партии, запретившим выступление. Говорили, что в Московском полку нашему товарищу не дали выступить, называли его ликвидатором. Заслушав все доклады из районов, конференция вынесла следующие постановления: 1) одной части разойтись по районам, а другой — остаться и, подчиняясь решению Центрального комитета, созвать для выяснения отношения к событиям представителей заводов и воинских частей; 2) организовать делегацию в ЦИК с требованием взять власть в свои руки; 3) немедленно войти в сношение с межрайонцами и интернационалистами и пригласить их на совещание; 4) пригласить на совещание Централь-

[1] „Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков" Гиз. 1927 г., стр. 50.

ное бюро петроградских профсоюзов и Центральный совет петроградских фабзавкомов.

Эти решения конференции были приняты до выступления путиловцев и до получения сообщения из Кронштадта о том, что матросскую массу удержать от выступления невозможно. Около десяти часов вечера во дворце Кшесинской собрались на заседание делегаты общегородской конференции и представители от заводов и воинских частей, и в 11 ч. 40 мин. была принята следующая резолюция: «Обсудив происходящие сейчас в Петербурге события, заседание находит: создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон твердо и определенно немедленно не заявят о том, что они за переход власти к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С этой целью рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу, для того чтобы продемонстрировать выявление своей воли».[1]

Поздно ночью в Таврическом дворце происходило совещание членов ЦК, ПК, ВО и Междурайонного комитета. Обсуждался вопрос, как отнестись к происходящим событиям. Об этом совещании пишет т. Флеровский: «Тов. Каменев выступал за то, чтобы «избежать повторения демонстрации». Он (Каменев — *Л. Б.*) предлагал ограничить выступление митингами в районах. Предложение это не получило ни малейшей поддержки... Троцкий защищал свое предложение «настаивать на том, чтобы массы выходили без оружия».[2]

Когда в результате прений выяснилось, что удержать массу от выступления нельзя и что она выйдет обязательно вооруженной, тогда партия решила вмешаться в движение с целью придать ему мирный организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти. Таким образом было отменено дневное решение ЦК против выступления, и совещание выработало и опубликовало на утро отдельной листовкой следующее воззвание:[3]

«Товарищи, рабочие и солдаты Петрограда! После того как контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции, пусть Всероссийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки.

Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту свою волю путем мирной и организованной демонстрации до сведения заседающих сейчас исполнительных комитетов Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

...Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить этот лозунг: вся власть Совету! Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда».[4]

Итак, стихийно вспыхнувшее движение было возглавлено пар-

---

[1] А. О. Р. „Июльское дело", т. III, л. 63.

[2] *И. Флеровский.* „Пролетарская революция" № 7, 1926 г., стр. 76.

[3] Листовка за поздним временем не могла попасть в „Правду". Прежняя заметка о невыступлении вырезывается, и „Правда" на 4 июля выходит с белой полоской на первой странице.

[4] „Пролетарская революция" № 4, 1926 г., стр. 72.

тией. Начался второй период июльской демонстрации при активном руководстве партии. События 3 (16) июля совершенно ясно показали, что во избежание кровопролития и с целью парализовать провокаторские выходки штаба и попрятавшихся на крышах и чердаках контрреволюционеров, нужно принять целый ряд мер. Этим делом занялась Военная организация большевиков под руководством т. Подвойского.

ВО были разосланы по всем воинским частям соответствующие инструкции.

В целях охраны демонстрантов были выставлены броневые машины около Николаевского вокзала, Литейного проспекта, Главного штаба и т. д. В Петропавловскую крепость и Арсенал были даны соответствующие директивы. Директивы ВО были посланы также в окрестные гарнизоны: Ораниенбаум, Петергоф, Красное Село и др. ВО имела живую связь почти со всеми полками гарнизонов Петрограда и окрестностей.

Вечером 3 (16) июля происходило заседание рабочей секции Петроградского совета. На этом заседании выяснилось, что большевики вследствие систематически проводившейся на заводах кампании за отзыв из Совета депутатов соглашателей оказались в большинстве; на заседании, вопреки меньшевикам, была принята предложенная большевиками повестка заседания. На заседании произошли горячие прения по вопросу об отношении к начавшемуся выступлению; меньшевики и эсеры, видя, что они в меньшинстве, в количестве 90—100 человек покинули заседание. Оставшиеся приняли резолюцию о передаче власти в руки советов и избрали комиссию из 15 человек, которой поручили ввести начавшееся движение в организованное мирное русло.

Соглашательский ЦИК реагировал на выступление рабочих и солдат 3 (16) июля принятым в ночь с 3 на 4 июля на совместном заседании бюро ВИК и Исполнительного комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и вслед затем опубликованным постановлением: «... Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами. Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы объявим изменниками и врагами революции».

В самом Петрограде у Временного правительства сил было мало. Поэтому, как только стало известно о начале демонстрации, ВЦИК уже 3(16) июля послал телеграмму на фронт в действующую армию с просьбой выслать в Петроград дивизию кавалерии, бригаду пехоты и броневики. В ожидании прибытия свежих сил командовавший Петроградским военным округом генерал Половцев, желая создать обстановку «мятежа и анархии», послал небольшие отряды казаков и юнкеров, которые нападали на демонстрантов, отнимали оружие и знамена, рассеивали демонстрации и т. д. Эта политика 4 июля привела к кровавому столкновению казаков с 1-м запасным полком на Литейном проспекте 4 (17) июля провокаторски были обстреляны мирно демонстрировавшие кронштадтские матросы и на Садовой

улице путиловские рабочие. Этим хотели создать почву для кровавого подавления «бунта».

Несмотря на категорическое запрещение ЦИК и грозный приказ генерала Половцева демонстрация 4(17) июля имела грандиозный характер. В ней участвовало около 500 000 человек.

Утром 4 июля по всем заводам и фабрикам, по распоряжению ЦК большевиков, было разослано обращение выбрать от каждой тысячи (500—1000) по одному делегату, с целью явиться в ЦИК и предъявить требования о взятии власти в свои руки.

На заседание ЦИК явилось 90 представителей от 54 заводов. Для заявления слово дается четырем представителям Петрограда и одному представителю Петергофского совета. Все эти пять представителей заявили, что 1) странно читать воззвание ЦИК, где рабочие и солдаты называются контрреволюционерами; 2) наше требование: власть советам; 3) земля должна перейти немедленно к крестьянам; 4) нужна действительная борьба с локаутчиками; 5) необходимо установить контроль над производством; 6) рабочие считают, что пока соглашательская политика будет продолжаться, не может быть успокоения в стране.

После оглашения заявлений, делегация, по предложению председателя ЦИК, покинула заседание.

Из материалов, опубликованных в сборнике «Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов» и др. можно судить о той накаленной революционной атмосфере, которая господствовала среди петроградского пролетариата и гарнизона. Почти все участники говорят о том, что несмотря на агитацию против выступления и большевиков и соглашателей, рабочие все-таки на улицу вышли. Таким образом факт сильного недовольства рабочих политикой Временного правительства и стихийность возникновения движения 3(16) июля являются неопровержимо доказанными.

Необходимо отметить, что солдатская и рабочая масса Петрограда горела нетерпением выйти на улицу, чтобы продемонстрировать в пользу перехода власти к советам. Партии, считавшей выступление преждевременным, все время приходилось сдерживать массы, вследствие чего среди солдат и некоторых кругов менее выдержанных рабочих наблюдалось недовольство существующим партийным курсом.

Этим настроениям революционных, но менее выдержанных отдельных кругов рабочих и солдат поддались и некоторые члены ПК. Разногласия начались с отмененной 10 июля демонстрации.

Тов. Лацис в своем «Дневнике» пишет о том, что нужно было подготовиться на случай вооруженного выступления, но товарищи на это закрывали глаза. «Только один лишь Смилга предложил не отказываться от захвата почты, телеграфа и арсенала, если события развернутся до столкновения. Но это правильное предложение отклонили. Какое легкомыслие! Чего только не может случиться! Я с этим примириться не могу. Должен же я иметь ответ на всякий

Примечание. О революционном настроении петроградских рабочих в июльские дни есть масса ценных воспоминаний, которые я суммировал в статье об июльских событиях, помещенной в сборнике „Очерки по истории Октябрьской революции", т. II.

исход. Ну, так я буду действовать. Сговорюсь с тт. Семашко и Рахья, чтобы в случае необходимости быть во всеоружии и захватить вокзалы, арсенал, банки, почту и телеграф, опираясь на пулеметный полк».[1]

Таким образом, член ПК чисто анархическим способом, минуя официальные, партийные учреждения и ВО, мыслил захватить власть. Подобные настроения среди ответственных партийных работников были однако не очень распространены. Но среди рабочих и солдат, особенно беспартийных, сильно было распространено мнение, считавшее официальный курс партии оппортунистическим. Так т. Лиздин рассказывает, что солдаты 180-го запасного полка ему прямо заявили: «Довольно церемониться с керенщиной! Что же спят ваши там во дворце Кшесинской? Пойдем, прогоним Керенского и поднесем власть Владимиру Ильичу, вопреки его нежеланию».[2] Эти настроения солдат нисколько не отличаются от настроений члена ПК т. Лациса, считавшего возможным, вопреки ЦК и ВО, захватить власть.

Эти «левые» элементы отражали нетерпеливое отношение солдатской массы, проникнутой верою в легкость взятия власти; им казалось, что стоит лишь с оружием в руках выйти на улицу, продемонстрировать свое желание — и власть окажется в руках Совета. Июльские события дали этой массе политический урок, раскрыли перед ней предательское лицо соглашателей. Авторитету меньшевиков и эсеров был нанесен решительный удар, от которого они уже не оправились до самой своей гибели.

Кроме «левых» в партии безусловно были также и правые элементы во главе с Каменевым. Хотя ЦК днем 3 (16) июля высказался против движения, но не случайно, что именно Каменев и Зиновьев написали сответствующее воззвание против выступления и отослали его в «Правду». Даже поздно вечером, когда для всех было совершенно очевидным, что массу удержать невозможно, Каменев еще раз высказался против участия партии в демонстрации. Если бы тогда партия согласилась с Каменевым, то сделала бы крупную ошибку, которая помогла бы штабу осуществить его провокаторский план. Без руководства нашей партии движение 4 (17) июля приняло бы анархический характер; вооруженные столкновения приняли бы громадные размеры, и таким образом была бы создана почва для «усмирения» со стороны Временного правительства.

Тактика партии в июльские дни была безусловно правильна. В начале июльских событий Ленина в Петрограде не было, он отдыхал в Финляндии на даче т. Бонч-Бруевича. Как только Ленин узнал о начавшемся движении, он немедленно собрался в город и прибыл туда утром 4 июля.

Принятые ЦК решения об участии в демонстрации в целях руководства ею он полностью одобрил.

Конечно в дни 3—5 июля ВО могла бы захватить власть в Петрограде, но Ленин считал, что это было бы ошибкой. Он писал:[3] «3 — 4

---

[1] *Лацис.* Из дневника агитатора. „Пролетарская революция" № 5, 1923 г., стр. 105.

[2] Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов, 1917 г., стр. 63.

[3] *Ленин.* Соб. соч., т. XXI, стр. 196, изд 2-е.

июля восстание было бы ошибкой, мы не удержали бы власти ни физически ни политически. Физически — несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели—Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков. Политически мы не удержали бы власти 3-4 июля, ибо армия и провинция... могли пойти и пошли бы на Питер».

Давая оценку «Июльским дням» т. Сталин писал:

«Нас можно упрекать, что мы не стремились взять власть. Взять власть 3 и 4 июля мы могли, мы могли обязать ЦИК санкционировать нашу власть. Но вопрос в том, могли ли мы удержать эту власть. На нас поднялись бы фронт, провинция, советы. Власть, не опирающаяся на провинцию, оказалась бы без рук и без ног. Взятием власти при таких условиях мы бы оскандалились».[1]

Целый ряд данных свидетельствует, что заводские партийные коллективы, увидя, что массу удержать от выступления нельзя, и не дожидаясь директив выше стоящих комитетов, чтобы не отрываться от массы и придать движению организованный характер, становились во главе рабочих колонн, организуя и направляя их по руслу мирной организованной демонстрации. Все это свидетельствует о высокой сознательности и правильном политическом чутье у низовых партийных работников, законно опасавшихся, что неорганизованное анархическое движение может принести пользу контрреволюции. Но этот факт свидетельствует также и о том, что партийная дисциплина в отдельных звеньях аппарата не была на должной высоте, в организации еще чувствовался тот недостаток партийного аппарата, о котором говорил Ленин на апрельской конференции. Надо было еще поработать над усилением партийного аппарата.

То обстоятельство, что движение началось стихийно, помимо и даже против партии, доказывает, что руководящие партийные органы безусловно тогда в достаточной степени не учитывали революционного настроения масс. Ленин этот факт считал единственной ошибкой партии в июльские дни, но ошибкой неизбежной и такой, которая не отразилась на правильном партийном курсе. Об этом он писал следующее: «Действительной ошибкой нашей партии в дни 3-4 июля, обнаруженной теперь событиями, было только то, что партия считала общенародное положение *менее* революционным, чем оно оказалось, что партия считала *еще* возможным мирное развитие политических преобразований путем перемены политики — советами, тогда как на самом деле меньшевики и эсеры настолько уже запутали и связали себя соглашательством с буржуазией, а буржуазия настолько стала контрреволюционна, что ни о каком мирном развитии не могло уже быть и речи. Но этого ошибочного взгляда, который подкреплялся только надеждой на то, что события не будут развиваться слишком быстро, этого ошибочного взгляда партия не могла изжить иначе, как участием в народном движении 3-4

[1] И. Сталин. «На путях к Октябрю», стр. 95.

июля с лозунгом «вся власть советам» и с задачей придать движению мирный и организованный характер.[1]

4(17) июля совещание активных работников партии большевиков решило демонстрацию считать законченной, солдатам рекомендовать вернуться в свои казармы, а кронштадтцев «временно, на всякий случай, оставить в Петрограде».[2] Кронштадтцев разместили во дворце Кшесинской, в Морском корпусе и в Дерябинских казармах.

В ночь с 4 на 5 была разгромлена редакция газеты «Правда» и типография «Труд». Утром 5 июля по городу разъезжали казачьи патрули и арестовывали отдельных рабочих и матросов; по городу циркулировали тревожные слухи о готовящемся нападении на большевиков. В рабочих кварталах настроение было тревожное, фабрики и заводы не работали. На Выборгской стороне рабочие готовились к обороне района от нападения казаков. Газета «Новая жизнь» 7 июля писала, что прибывшие с фронта войска были так зверски настроены, что рвались броситься на заводы и фабрики с целью расправиться с бунтовщиками.

Днем 5(18) июля на совещании во дворце Кшесинской, состоявшемся при участии присланных ВЦИК членов президиума во главе с Либером и членов ЦК партии большевиков и ВО, состоялось соглашение. ВЦИК и правительство обязались: 1) не допускать каких бы то ни было погромов и репрессий в отношении партии большевиков, 2) выпустить всех арестованных, за исключением совершивших уголовные деяния. ЦК партии большевиков в свою очередь обязался: 1) увести матросов в Кронштадт, 2) снять роту пулеметчиков, поставленную для усиления гарнизона в Петропавловской крепости, 3) снять с постов броневики и караулы. Мосты, разведенные штабом еще 3 июля, немедленно свести вновь.[3]

Но к вечеру, в связи с прибытием войск с фронта, положение изменилось. Делегация кронштадтцев несколько раз подряд вызывалась в Военную комиссию ЦИК, которая каждый раз увеличивала требования и, наконец, предъявила ультиматум: дать немедленное согласие на разоружение кронштадтцев. Делегация ультиматума не приняла и уехала. «Быстро менявшиеся решения, — говорит т. Раскольников, — производили такое впечатление, словно приговоры выносились под диктовку каких-то закулисных комбинаций». Позднее Либер говорил об этом эпизоде, что действительно они (Военная комиссия ЦИКа) имели связь с штабом (военного округа) и ультиматум предъявили после того, как узнали, «что через несколько часов дом Кшесинской будет окружен войсками, и не считая себя в праве их (большевиков) об этом предупредить, так как у нас были опасения, что это может привести к кровавым столкновениям, мы заявили им, что всякие дальнейшие переговоры мы считаем невозможными».[4]

С прибытием фронтовых частей начинается наступление контрреволюции. 6(19) утром самокатчики заняли дворец Кшесинской и Петропавловскую крепость. Несмотря на заключенное соглашение, а также и на то, что по директивам Военной организации ни дворец

---

[1] *Ленин.* Собр. Соч., т. XXI, стр. 138, изд. 2-е.
[2] *Раскольников.* „Пролетарская революция" № 5, 1923 г., стр. 72.
[3] „Красная летопись" № 6, 1923 г., стр. 81.
[4] А. О. Р. Июльское дело, т. XII, 1 л. 121. Показания Либера.

Кшесинской ни Петропавловская крепость никакого сопротивления не оказали, все же кронштадтцы были разоружены. 6(19) июля Временным правительством был издан приказ об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева. Произошел разгром юнкерами партийных помещений не только большевиков, но и меньшевиков. На Невском требовали арестов не только Ленина и Зиновьева, но и Чернова и Церетели.

12(25) июля была восстановлена смертная казнь на фронте. В связи с поражением на фронте лидеры меньшевиков и эсеров совершенно растерялись и вручили власть авантюристу Керенскому, объявив эту власть «правительством спасения революции».

Движение 3—5 (16—18) июля вызвало бешеную ненависть к революционной массе в лагере меньшевиков и эсеров, ибо это движение нарушило спокойный ход закулисных министерских комбинаций по составлению нового кабинета. Первой их мыслью было стянуть верные им войска к Таврическому дворцу. Весь день 3 (16) июля был потрачен на концентрацию войск. За подписью Чхеидзе посылались приказы во многие войсковые части о присылке частей, всякого рода оружия вплоть до артиллерии и броневиков.[1]

Как известно, эти призывы, за небольшим исключением, успеха не имели. Настроение войск в дни 3-4 (16-17) июля Войтинский обрисовал следующими словами: «Мы разослали комиссаров по всем полкам с просьбой дать нам солдат для несения караула, чтобы охранять нас от нападения со стороны манифестантов и дать возможность спокойно вести заседание. Но каждый полк озирался на другой полк, как тот поступит. Первая часть, которая смело пришла к нам, был броневой дивизион».[2] Мы вызвали их, — продолжает Войтинский, — не демонстрировать броневики, а как боевую силу. У нас было твердое решение в случае насилия со стороны вооруженной банды открыть огонь. К вечеру к нам стали приходить вести от фронтовых армий. Они предлагали свою помощь. Мы колебались их вызвать, боясь рисковать ослаблением фронта, но видя всю опасность, грозящую революции, *мы дали приказ (курсив мой — О. Л.)* некоторым частям грузиться и направляться сюда».

В первый день выступления 3(16) июля в Гельсингфорс был послан знаменитый приказ о потоплении революционных кораблей в том случае, если они двинутся по направлению к Петрограду. Все эти действия военных властей были согласованы с представителями ЦИКа Авксентьевым и Гоцем, и на заседании 5(18) июля пленум ЦИК полностью их одобрил.

Для подавления «мятежа» и водворения порядка, для руководства разоружением революционных полков и отобранием оружия у рабочих постановлением Временного правительства от 6(19) июля при командующем Петроградским военным округом была создана комиссия в составе: Авксентьева и Гоца от ЦИКа, Скобелева и Чернова от Временного правительства и есаула А. И. Аникиева от Совета союза казачьих войск.

Таким образом за деятельность войск, за разгром газеты «Правда», за разгром типографии «Труд» и дома Кшесинской, за разору-

[1] Подробно об этом см. „Красный архив" № 18, стр. 16—18.
[2] „Известия" от 11 июля 1917 г.

жение кронштадтцев, пулеметчиков, гренадер, Петропавловской крепости и другие бесчинства полную 100%-ную ответственность несут меньшевики и эсеры. Больше того, они не только одобряли, но и непосредственно руководили всеми этими действиями, и таким образом контрреволюция так умело повела дело и так использовала соглашателей, что они собственными руками, на радость буржуазии, душили революцию.

Меньшевики и эсеры всячески помогали Керенскому и буржуазии в их травле и борьбе с большевиками. На заседании ЦИКа после июльских дней, Дан заявил: «То, к чему призывал нас т. Керенский, нами уже исполнено. Мы не только готовы поддержать Временное правительство, мы не только передали ему всю полноту власти, мы требуем, чтобы этой властью правительство пользовалось». [1]

Злорадству взбесившихся мелких буржуа после прекращения демонстраций не было конца. В соглашательских газетах писались прямо погромные статьи. В официальных партийных воззваниях смешивали большевиков и революционных рабочих с провокаторами, контрреволюционерами и германскими шпионами. Демонстрация 3-4 (16-17) июля перед зданием заседаний ЦИК изображалась как вооруженное нападение контрреволюционных банд на революционную демократию.

Для иллюстрации вышесказанного приведем несколько отрывков из произведений меньшевиков и эсеров в июльские и послеиюльские дни.

В прокламации от ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов говорится: «... вооруженные толпы взбунтовавшихся солдат вместе с тайными черносотенцами и изменниками в течение нескольких дней расстреливали безоружных мужчин, женщин и детей. Они оскорбляли министров-социалистов, производили вооруженное нападение на заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и силою оружия пытались навязать свою волю избранным вами представителям».

В центральном органе партии меньшевиков, «Рабочей газете», 4(17) июля была помещена погромная статья против партии пролетариата — большевиков. Нежелание солдат на фронте проливать свою кровь ради интересов империалистов названная газета шельмовала следующими словами: «преступные личности, освобожденные уголовные, бывшие городовые и жандармы, немецкие шпионы и т. д... Эта преступная банда прикрывается «Правдой» и «Солдатской правдой», которые тоже изо дня в день натравливают солдат против правительства и советов, против социалистических партий, против всех выборных органов демократии. Опираясь на «Правду», новоявленные «большевики» из агентов контрреволюции делают свое темное предательское дело».

Итак, начало полосы контрреволюции, разгрома рабочих газет и организаций, убийства, избиения и аресты революционных рабочих и солдат соглашательские «Известия» превозносили как победу революции. А демонстрацию рабочих и солдат за власть советов квалифицировали как контрреволюцию, направленную против этих

---

[1] Цитировано по газете „Новая жизнь" № 74.

же советов. Таким образом, июльские дни ярко подчеркнули, что меньшевики и эсеры говорят на разных языках с рабочими и что на фронте гражданской войны они стоят на одной стороне баррикады с капиталистами против рабочих.

Кроме такой откровенной контрреволюционной работы соглашатели вели также и другую скрытую работу по обработке общественного мнения в пользу контрреволюции. Известно, какое сильное впечатление произвело на политически мало развитую солдатскую массу состряпанное Временным правительством в штабе и опубликованное в желтой прессе Алексинским и Панкратовым известное гнустное, клеветническое обвинение большевиков и Ленина, будто бы они являются германскими шпионами.

Один из инициаторов этого гнусного обвинения, Бессарабов, объясняет, чем было вызвано опубликование этого «документа». Когда выяснилось, что у Временного правительства нет вооруженной силы в Петрограде, по его словам, было решено создать в полках психологический перелом, опубликовав «документ». «Представителям Преображенского полка, ближайшего к штабу, была сообщена сущность документа: присутствующие убедились, какое потрясающее впечатление произвело это сообщение. С этого момента стало ясно, каким могучим орудием располагает правительство».

Убедившись, что клевета действует, инициаторы взялись за работу. В результате ночной совместной «работы» социалистов с сотрудниками Щегловитова и с царскими генералами на утро 5 (18) июля в маленькой желтой газете «Живое слово» появился весьма странный документ, в котором говорилось, что «... Офицеры германского генерального штаба Шидлицкий и Люберс ему (Ермоленко) сообщили, что агитацию в пользу скорейшего заключения мира в России ведут агенты германского штаба Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину германским штабом поручено стремиться всеми силами к подорванию престижа Временного правительства в народе. Деньги на агитацию получаются через Свентсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только-что поступившим сведениям, таковыми доверенными лицами являются в Стокгольме большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкого, Парвус, доктор Гольдберг, присяжный поверенный большевик Козловский. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через Газельмана на Стокгольм «Виа-Бага», а оттуда на Сибирский банк в Петрограде. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами».[1]

Нелепость и чудовищность этого «документа» была так очевидна, что даже буржуазные министры Некрасов и Терещенко протестовали против его опубликования. Некоторые буржуазные министры оказались честнее эсеров, непосредственно участвовавших в составлении «документа», и меньшевиков, которые, хотя и не верили (заявление Дана и Либера) этому документу, но ради спасения коалиции и

[1] Цитировано по „Красной летописи" № 6, 1923 г.

дискредитирования зловредных большевиков не принимали никаких мер против распространения этой чудовищной клеветы.

Можно считать документально установленным участие в этом чудовищном деле клеветы на партию большевиков следующих членов партии социалистов-революционеров: Керенского, Переверзева, Чернова, Лебедева, Гоца и Авксентьева. Меньшевики в этом деле играли роль пособников.

Весь этот «документ» построен на «показаниях» некоего прапорщика Ермоленко, будто бы «переброшенного» германцами 25 апреля через фронт с целью агитации в пользу заключения сепаратного мира с Германией. О личности этого героя необходимо сказать несколько слов. В «Июльском деле» помещен послужной список Ермоленко, из которого видно, что он в период от Японской войны до 1913 г. служил в контрразведке. В 1914 г. Ермоленко поступил на военную службу и, находясь в плену, вел полицейскую слежку за военнопленными в концентрационных лагерях. Потом этот субъект «по настоянию товарищей» поступил якобы на службу к германцам. Этот интернациональный шпион был главным свидетелем против партии большевиков.

Для юстиции Временного правительства было ясно, что на основе малограмотных показаний Ермоленко никакого дела против большевиков состряпать не удастся. Поэтому отправились на поиски за другими свидетелями. Было допрошено много лиц: офицеров, генералов, охранников, коммерсантов, черносотенцев, кадетов, меньшевиков, эсеров и других. Но никто ничего подтверждающего связь Ленина с германским штабом показать не мог.

Когда оказалось, что непосредственно против Ленина нет никаких компрометирующих материалов, тогда юристы керенщины решили как-нибудь связать Ленина с германским штабом через третьих лиц. Была создана версия, что Ганецкий поддерживает связь с германским агентом Парвусом, а большевики поддерживают связь с Ганецким и его торговым представителем Козловским. Были арестованы т. Козловский и гр-ка Суменсон (Суменсон совместно с Ганецким вели торговлю, при них юрисконсультом состоял Козловский); были взяты все документы и торговые книги и Суменсон и Козловского; из этих документов было видно, что Суменсон вела успешные торговые операции, но не больше. Несмотря на старание юристов Керенского найти измену, ничего компрометирующего обнаружено не было, и в виду отсутствия улик гр-ка Суменсон и т. Козловский были выпущены из тюрьмы под залог. Оказалось, что все дело шито белыми нитками. В глазах истории оно осталось памятником, иллюстрирующим лишний раз ложь о независимости и справедливости буржуазного суда.

Необходимо отметить, что несмотря на отсутствие фактов, если бы только буржуазии удалось победить, она не побрезговала бы судить большевиков на основании тех «фактов», на которых был построен обвинительный акт.

Если судебное следствие, за отсутствием других материалов, должно было все обвинение построить на показаниях Ермоленко, Алексинского, которого, как клеветника и бесчестного человека даже меньшевики и эсеры не допустили в Исполком Совета, кото-

рого Дан называл «бесчестным клеветником», и на показаниях Бурштейна, о котором даже контрразведка писала как о темном субъекте, то говорить о правильном судебном ведении дела могли лишь тупоумные лицемеры или люди, насквозь до глупости пропитанные конституционными иллюзиями.

К суду требовала Ленина вся буржуазная свора, в том числе меньшевики и эсеры, а за ними и левейший из них, новожизненец Суханов. В своих записках последний пишет, что имелись все гарантии для беспристрастного разбирательства, что он по крайней мере считал, что жизнь и здоровье Ленина, в случае явки к следователю Александрову, находились в абсолютной безопасности. «Ни о самосуде, ни о катерге не могло быть и речи».[1]

К сожалению подобные настроения нашли место и среди некоторых членов большевистской партии. Тов. Орджоникидзе пишет, что т. Ногин и другие московские товарищи высказывались за явку Ленина на суд. Решительно против явки выступил т. Сталин, который считал, что «юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге».[2] По этому вопросу велись переговоры с членом президиума ЦИК Анисимовым, от которого потребовали гарантии безопасности для Ленина, но Анисимов никаких гарантий дать не мог, потому что не было известно, в чьих руках на завтра будет он сам, ибо контрреволюционное офицерство действовало во-всю. После выяснения всех обстоятельств дела т. Ногин согласился с тем, что Ленину невозможно в данных условиях явиться на суд.

Необходимо отметить, что даже на VI съезде партии некоторые товарищи требовали явки Ленина и Зиновьева на суд. Они развивали мысль, что мы на этом процессе, на этом «деле Дрейфуса» сможем развернуть такую кампанию, что на скамью подсудимых посадим самих обвинителей. Но эти взгляды на съезде поддержки не встретили, и съездом единогласно была принята предложенная т. Бухариным резолюция, признавшая невозможной явку Ленина и Зиновьева на суд правительства, восстанавливающего нравы щегловитовской юстиции.

На какой точке зрения по вопросу о явке в суд стоял Ленин? Тов. Орджоникидзе пишет, что Ильич был против явки на суд, но его, как человека кристальнейшей нравственной чистоты, смущали суждения т. Ногина и пущенный провокаторами слух о причастности Ленина к охранке. Вследствие всех этих обстоятельств Ленин одно время был готов явиться к властям и только по настоянию т. Сталина от этого шага отказался. Правильность слов т. Орджоникидзе подтверждает статья самого Ленина. В этой статье Ленин пишет: «Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это.

А где власть? Кто власть?

Правительства нет. Оно меняется ежедневно. Оно бездействует.

Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а *в эпизоде гражданской войны*. Вот чего напрасно не хотят сторонники явки. ...

---

[1] *Н. Суханов.* „Записки", т. IV, стр. 481.
[2] *С. Орджоникидзе.* Сб. О Ленине, стр. 101.

«Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь».

Это рассуждение наивно до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что *нужно власти*. Засадить их и держать — вот что надо гг. Керенскому и К°. Так было (в Англии и Франции), так будет (в России)».[1]

Ясность мысли Ленина по этому вопросу так поразительна, что в комментариях не нуждается. Последние слова Ленина «так будет (в России)» сбылись полностью. После ареста Каменева и сотни других партийных работников, Временное правительство засадило в тюрьму еще Троцкого, Луначарского и Колонтай. Если бы не нараставшая революционная волна и Октябрьская революция, то всех арестованных Временное правительство наверное сослало бы на каторгу и в ссылку.

В борьбе с большевистской партией меньшевики и эсеры не брезговали никакими средствами. Сторонников пролетарской революции они готовы были стереть в порошок и в борьбе против них допускали всякую гнусность.

Связавшись с буржуазией, они не видели никакого другого выхода, как поддерживать буржуазию решительно по всем важнейшим вопросам революции. По вопросу о войне и взятии власти советами Дан говорил: «у нас нет чудодейственного средства окончить войну... Для нас в данный момент война неизбежна в той или иной комбинации, мы не можем, не в силах заключить мир. Дав такое обещание, мы обманули бы страну. Раз война продолжается, то мы не можем обещать чудодейственных рецептов и в области экономической жизни: мы немногим больше можем дать, чем то, что в этой области дано коалиционным правительством... Если штыки, стоящие вокруг нас, привели к взгляду, что пришел час, когда Совету рабочих и солдатских депутатов пора брать власть в свои руки, то мы, ответственные представители, власти этой взять не можем и ответственность с себя снимаем».[2]

Вожди советского большинства, меньшевики и эсеры, считали, что разрыв с англо-французским империализмом недопустим, что разрыв есть измена и предательство. После июльских дней под давлением союзных империалистов они от имени Временного правительства издали постановление, в котором говорилось, что агитация против наступления на фронте карается как государственная измена. По вопросам о власти, о земле, о контроле над производством — по всем этим коренным вопросам революции—они были против решения их в интересах трудящихся; они хотели все эти вопросы решить по соглашению с буржуазией и помещиками. «Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России не мало реформ по соглашению с буржуазией. Но объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами *не выйдешь*».[3]

Вожди мелкобуржуазных партий, меньшевики и эсеры, в июльские дни окончательно и бесповоротно перешли в лагерь буржуазии. Меньшевики-интернационалисты продолжали колебаться. Мартов на

---

[1] *Ленин*. Собр. соч., т. XXI, стр. 24, изд. 2-е.
[2] „Пролетарская революция" № 5, 1926 г., стр. 14.
[3] *Ленин*. Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 295.

заседании ЦИКа 4 июля требовал передачи власти советам, конечно, вкладывая в понятие власть советов совершенно другое содержание, чем большевики. Немного позже, на петроградской конференции меньшевиков (вкупе с Даном и Церетели) он уже примирился с коалицией, *но только с теми буржуазными группами, которые готовы проводить программу советов* (?!). Новожизненцы считали выступление рабочих и солдат возмутительным легкомыслием, Суханов считал разоружение солдат и разгром большевиков вполне справедливым. Он требовал явки Ленина и Зиновьева на суд и т. д. Одни только левые эсеры в июльские дни были недовольны политикой эсеровского ЦК и по некоторым вопросам приблизились к большевикам, хотя организационно оставались еще в рядах партии эсеров. После июльских дней начался распад партии эсеров и меньшевиков.

Мы уже видели, что не только столица, но и вся провинция к концу июня была охвачена стихийными бунтами. Недовольство масс политикой коалиционного правительства было сильно во всей стране. В Гельсингфорсе в связи с телеграммой помощника военного министра капитана Дудорова, предписывавшего подводным лодкам потопить те корабли, которые осмелятся оказать поддержку питерскому пролетариату, возмущению и негодованию матросской массы не было предела. На собрании общественных и партийных организаций была принята резолюция, требовавшая перехода всей власти в руки ЦИКа.

После подавления петроградской демонстрации и ареста делегации Балтфлота, посланной в Петроград с вышеуказанной резолюцией, гельсингфорские меньшевики и эсеры забыли только-что принятую резолюцию и начали проводить свою прежнюю контрреволюционную политику. В Гельсингфорсе наступила новая полоса реакции, продолжавшаяся, правда, не долго.

Одновременно с демонстрацией в Петрограде произошли демонстрации и беспорядки в Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске, Киеве, Астрахани и других городах. Только там движение, за исключением Москвы и Иваново-Вознесенска, где движение приняло характер восстания рабочих, носило своеобразный характер солдатских бунтов и не имело такой силы, как в Петрограде. События 3—5 июля в Петрограде эхом прокатились по всей стране и имели, смотря по соотношению классовых сил в том или ином городе, то революционный, то контрреволюционный характер.

Как только в Москве стало известно о событиях в Петрограде, немедленно было созвано объединенное заседание президиумов совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов, на котором было принято решение, запрещавшее всякие уличные митинги и демонстрации.

После заседания президиумов было созвано экстренное пленарное заседание советов рабочих и солдатских депутатов. После нескольких часов горячих прений пленум утвердил постановление президиумов о воспрещении демонстрации. Несмотря на эти запрещения, по инициативе партии большевиков демонстрация состоялась.

В этот же день были попытки со стороны контрреволюционеров избить демонстрантов и разгромить большевистскую газету «Социал-демократ».

После июльских дней в Москве началась полоса бешеной травли большевиков, в которой принимали участие меньшевики и эсеры. Но рабочие Москвы держались стойко, и партия большевиков в борьбе против керенщины твердо опиралась на московских рабочих.

В московской области в крестьянских районах после июльских дней большевистская работа заметно приостановилась.

Более интересны, чем в Москве, события 4 — 6 (17 — 19) июля в Иваново-Вознесенске. Там напор рабочей массы был так силен, что власть в эти дни фактически оказалась в руках совета, был установлен контроль на телеграфе, состоялась мощная демонстрация.

Июльские события в провинции имели разное отражение. Где большевистское влияние было сильно, там эти события носили более организованный характер и не доходили до столкновений; яркий пример этому — события в Иваново-Вознесенске, где власть фактически перешла в руки совета, и только после выяснения положения о несвоевременности захвата власти в отдельном городе эта же власть спять мирно перешла к представителю Временного правительства.

После июльских событий волна репрессий и контрреволюционных выступлений против большевиков прокатилась по всей стране. В тех местах, где большевистские организации были сильны, противобольшевистская агитация успеха не имела, где влияние партии было слабо, там на время торжествовали меньшевики и эсеры. Клевета, пущенная о связи Ленина с германским штабом, кое-где имела успех, но не среди рабочих, а среди мелкой буржуазии.

Попытки устроить большевистские погромы имели место в Грозном, Таганроге и других местах. Тов. Анисимов на VI съезде партии большевиков говорил, что в Грозном была организована тайная лига «Общество борьбы с большевиками». Тов. Кавтарадзе на том же съезде говорил, что большевистское влияние было сильно среди войск тифлисского гарнизона. Но меньшевики совместно с командованием вывели эти войска из города и заменили совсем дикими полками. Рабочие массы Тифлиса были настроены оппортунистически. Травлю против большевиков начал Тифлисский исполнительный комитет советов, который не допускал распространения «Правды» и на каждом своем заседании ставил вопрос о закрытии «Кавказского рабочего».

В Поволжье после июльских событий первое время господствовала растерянность и даже некоторый отлив рабочих из наших организаций.

Для усмирения красного Царицына из Саратова была отправлена школа прапорщиков, которая по прибытии в Царицын закрыла большевистскую газету и арестовала местных большевистских лидеров.

На Урале события 3 — 5 (16 — 18) июля отрицательного действия не имели. По сведениям газеты «Новая жизнь», № 70, в Екатеринбурге 8 (21) июля на экстренном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов была вынесена резолюция о передаче власти советам.

Рабочие и солдаты всюду принимали известия о выступлении Петрограда с энтузиазмом, а если кое-где соглашателям удавалось об-

манным путем среди менее сознательных рабочих проводить резолюции, формально осуждавшие большевиков, то по существу эти резолюции были направлены против всей политики соглашателей. Доказательством этого служит интересная телеграмма, полученная из Донбасса. В этой телеграмме сказано следующее: «Харьков 7/VII. 2 июля на общем собрании углекопов в присутствии 5000 человек и члена социал-демократической рабочей партии меньшевиков Петрограда М. И. Дубровского, совместно с которым председатель местного комитета рабочих депутатов И. А. Конопляный говорили речи о министре Керенском как о социалисте-революционере и о других социалистических министрах — Скобелеве, Чернове и Церетели, определяя их как необходимых народных вождей в переживаемый момент *в движении социализма вперед* (курсив мой — *О. Л.*). Ими же были сказаны речи о настоящем моменте жизни свободной России, после которых с коленопреклонением и обнаженными головами, с поднятием правой руки мы все 5000 человек совершаем величайший акт клятвы, мы клянемся своими детьми, богом, небом и землею и всем святым, что есть для нас на земле, что мы никогда не упустим добытую 28 февраля 1917 г. кровью свободу и, веря в социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков, клянемся никогда не слушать ленинцев, потому что они, большевики-ленинцы, ведут своей агитацией Россию к гибели, тогда как социалисты-революционеры и социал-демократы меньшевики совместно в одном союзе говорят: «земля народу, земля без выкупа, капиталистический строй после войны должен рухнуть, а вместо капитализма должен быть строй социалистический». Приветствуя блок социал-демократов и социал-революционеров, мы даем клятву следовать вперед за этими партиями, не останавливаясь перед смертью».[1]

Собрание этих безусловно отсталых рабочих свидетельствует о их революционном настроении. Они готовы биться до смерти за землю и за социализм. В июле они однако еще наивно верили красивым словам меньшевиков и эсеров и думали, что эти партии действительно борются за землю и за социализм. Для просветления умов этих рабочих потребовалось еще около двух месяцев хозяйничанья меньшевиков и эсеров.

Итак, июльские события в Петрограде вызвали живой отклик решительно во всех слоях населения. Симпатии большинства рабочих и солдат были на стороне петроградцев. Кое-где произошли попытки с оружием в руках поддержать Петроград. Мелкобуржуазные партии — меньшевики и эсеры — совместно с буржуазией и командным составом всюду выступали против рабочих и солдат, усмиряли и разоружали их и распространяли гнусную клевету про партию большевиков. За свою «революционность» они получали благословение духовенства, которое считало, что политика Временного правительства соответствует «евангельскому учению о любви к ближнему».[2]

Только партия большевиков, несмотря на бешеную травлю и грязь, которой обливали ее вождей, продолжала стойко защищать

---

[1] А. О. Р. Дело канцелярии Временного правительства, № 42.
[2] Телеграмма из города Верного.

интересы рабочих и солдат, выступивших против ее воли. Поэтому она и заслужила безграничное доверие трудящихся масс страны.

Июльская демонстрация была последней попыткой принудить советы мирно взять государственную власть в свои руки. Но руководящие советские партии — меньшевики и эсеры — от этого отказались. Демонстрантов за советскую власть они объявили врагами советов и находившуюся уже в их руках фактическую власть мирно уступили контрреволюционному генералитету.

Июльские дни подвели итог мирному этапу революции, начался новый период революции, период острой классовой борьбы, переходящей в гражданскую войну. В соответствии с изменившимися условиями должна была измениться и тактика большевистской партии. Вопросы тактики в новом периоде революции и стали предметом обсуждения на возобновлявшейся II общегородской петроградской партийной конференции и на VI съезде партии.

IV

VI Съезд партии и смена лозунгов

16 (29) июля возобновила свою работу, прерваннуюс 3 (16) июля, II общегородская петроградская конференция большевиков. В связи с изменившимся после июльских дней политическим положением в первую очередь конференция занялась подсчетом сил и учетом настроений. В результате контрреволюционной деятельности Временного правительства, разгрома партийной типографии и закрытия газет «Правда» и «Солдатская правда», лишились своих помещений ПК, ВО., Литейный и Петроградский районные комитеты партии, в связи с чем была нарушена и нормальная деятельность этих организаций. Во время обысков и разгромов были расхищены значительные суммы партийных средств. Все это сильно затрудняло работу организации.

С мест докладывали, что настроение членов партии превосходно. Есть отдельные заявления о выходе из партии, но есть также и прилив новых членов в партию, в общем убыли членов в организации нет. Настроение рабочей массы, за исключением Невского района, явно большевистское, на некоторых заводах были произведены перевыборы членов Совета, причем вместо эсеров рабочие избрали большевиков.

Горячий обмен мнений вызвал вопрос о смене лозунгов и о тактике партии. Доклад по этому вопросу делал т. Сталин. В своем докладе он развивал взгляды, высказанные Лениным в статьях: «Политическое положение» и «К лозунгам». Так как этот же доклад был повторен т. Сталиным на VI съезде партии, то, чтобы не повторяться, сущность основных положений доклада мы рассмотрим в связи с разбором работ VI съезда партии. Здесь же отме-

тим только, что выдвинутые т. Сталиным тезисы встретили отдельные возражения.

Часть товарищей проявила не вполне ясное понимание характера переживаемой революции и ставила вопрос так: либо революция буржуазная, либо чисто пролетарская. Они не сразу разобрались в вопросе, что между этим двумя революциями не может быть китайской стены, не понимали, что они переплетаются, и вместе с пролетарской революцией будет доведена до конца и буржуазно-демократическая революция.

Тов. Володарский, оспаривая даже термин «беднейшее крестьянство», говорил, что без поддержки западноевропейского пролетариата руский пролетариат не может взять власть, что еще возможна победа мелкой буржуазии, и поэтому признавал необходимым сохранения старого лозунга. Тт. Иванов и Прохоров возражали против лозунга диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства; тт. Ровинский и Харитонов считали, что никаких изменений в результате июльской демонстрации во взаимоотношении классов России не произошло, и поэтому они тоже за сохранение старого лозунга. В своем докладе и заключительном слове т. Сталин развивал мысль, что мирный период революции кончился, власть с согласия соглашательских советов перешла в руки военной клики и взять эту власть сейчас можно только путем вооруженного восстания, к которому нужно всесторонне готовиться.

Вопросы предстоявшего партийного съезда обсуждались также и в Московской организации. 19 июля (1 августа) состоялась Московская общегородская конференция, на которой обсуждались вопросы о выборах в Учредительное собрание и о текущем политическом моменте. По последнему вопросу докладчиком был т. Сокольников; была ли принята по этому вопросу резолюция, из протоколов не видно.

21—24 июля (3—6 августа) состоялась Московская областная партийная конференция большевиков. На этой конференции была принята резолюция, иначе трактовавшая политическое положение в стране, чем вышеупомянутые статьи Ленина. Вообще эта резолюция не отличалась четкостью от формулировок и политических выводов, тем не менее точка зрения, изложенная в ней, на съезде защищалась некоторым делегатами Москвы и противопоставлялась резолюции т. Сталина, защищавшего точку зрения Владимира Ильича.

К моменту VI съезда, работавшего с 26 июля (8 августа) по 3 (16) августа, уже вполне явно наметились новые классовые взаимоотношения, которые сложились в результате июльской демонстрации. Временное правительство, безостановочно шло по пути уступок конрреволюционному генералитету и кадетской партии, отнюдь не уменьшив у последних аппетита окончательно расправиться с революционным движением. Под давлением контрреволюционной политики Временного правительства и обнаглевшей буржуазии революционные настроения в рабочей среде не слабели, а усиливались с каждым днем, и соответственно увеличивался рост и консолидация большевистской партии. Несмотря на разгром типографии, расхищение денежных сумм, разгром помещений партийных комитетов, несмотря на бешеную травлю большевиков и репрессии про-

тив вождей партии, в результате чего Ленин, Зиновьев и другие должны были перейти на нелегальное положение, а также на аресты целого ряда других видных большевиков, партия продолжала расти и крепнуть.

23 июля (5 августа) в Петрограде стала выходить большевистская газета «Рабочий и солдат». То же самое было и в провинции: в Ревеле, Гельсингфорсе, Риге и других городах — всюду вместо закрытых немедленно выходили, под другим названием новые большевистские газеты.

После июльских дней предприниматели повели решительное наступление против рабочего класса. Меньшевики и эсеры вместо защиты интересов рабочих занимались только уговариванием рабочих уступить требованиям промышленников, доказывая им неизбежность жертв в интересах развития промышленности, которой распоряжались господа капиталисты.

Только большевики последовательно руководили экономической и политической борьбой рабочего класса. Центральный совет фабзавкомов, избранный в начале июня на Петроградской конференции, находился под влиянием большевиков; фабзавкомы в июльские дни играли активную роль; они совместно с заводскими большевистскими организациями создавали рабочую красную гвардию на предприятиях, активно участвовали в руководстве демонстрацией в дни 3—5 (16 — 18) июля. Менее революционно настроены были профсоюзы, но и среди профсоюзов Петрограда преобладали интернационалисты. Оборонцы имели незначительное большинство только в Всероссийском центральном совете профсоюзов и в профсоюзе печатников.

Представители большевистской партии во всех этих массовых пролетарских организациях вели непрерывную борьбу по защите экономических интересов и политических прав рабочего класса. Они одновременно с этим неустанно разоблачали соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, пресмыкавшихся перед капиталистами и предававших интересы рабочего класса.

Ведя решительную борьбу за 8-часовой рабочий день, за права рабочих организаций, за улучшение бедственного экономического положения рабочих, руководя тарифной кампанией, наша большевистская партия завоевывала симпатии самых широких слоев рабочих.

По соглашению ЦК партии большевиков с Межрайонным комитетом, [1] в конце июня было создано организационное бюро по созыву съезда, состоявшее из 5 человек, 3 от большевиков и 2 от междурайонцев. Задачи этого бюро были чисто административные, охватывавшие техническо-организационную сторону дела по созыву съезда.

[1] Межрайонный комитет — комитет объединенной социал-демократической организации, возникшей в Питере в 1913 г. под названием „Межрайонной комиссии РСДРП", объединившей группу отколовшихся от партии большевиков и меньшевиков партийцев.

В конце 1914 г. комиссия переименовалась в Межрайонный комитет. В 1917 г. в межрайонную организацию входили Троцкий, Луначарский, Юренев, Чудновский, Урицкий, Иоффе и др. Членов этой группы называли сокращенно межрайонцами.

Несмотря на то, что съезд партии собрался полулегально, рабочие о нем узнали и следили за его работой. Съездом были получены приветствия от многих рабочих организаций и крупных фабрично-заводских предприятий, в том числе от рабочих заводов: Путиловского, «Скороход», Лангензипена, Трубочного, «Старый Парвиайнен» и Франко-русского завода.

Общее настроение приветствовавших съезд фабрик, заводов и других рабочих организаций выражено наиболее сильно в приветствии от рабочих Путиловского завода: «Мы, рабочие Путиловского завода, — говорилось в нем, — собравшиеся на общий митинг в количестве 6000 человек, заслушав доклад т. Слуцкого о правительстве обороны, заявляем о том, что мы, как один, все становимся под знамя партии пролетариата (большевиков) для борьбы с контрреволюцией и изменнической политикой руководящих верхов и вождей оборонческой партии (социалистов-революционеров и меньшевиков) и все присоединяем свой пролетарский голос к приветствиям и резолюциям съезда по делу товарища Ленина и других. Мы приветствуем съезд, единственно верного, идейного и боевого вождя пролетарских масс в их борьбе с контрреволюцией за полное торжество революции».[1]

VI съезд работал в удушливой атмосфере угроз и репрессий со стороны Временного правительства. В президиум съезда были избраны: тт. Свердлов, Ольминский, Ломов, Юренев и Сталин. В почетный президиум были избраны находившиеся в подполье Ленин и Зиновьев и сидевшие в тюрьме Каменев, Троцкий, Луначарский и Коллонтай. Этим актом съезд открыто солидаризировался с гнусно обвиненными в измене товарищами и показал, что никакими репрессиями, угрозами и клеветой не удастся запугать партию и расправиться с ее вождями.

На съезде присутствовало 157 делегатов с решающими и 18 делегатов с совещательными голосами, представлявших 176 750 членов партии. Сравнительно с апрельской конференцией, на которой было представлено 79 204 члена партии, налицо был колоссальный рост партии, причем нужно отметить, что на съезде не все организаци были представлены, в действительности же в партии было гораздо больше членов. Тов. Свердлов в организационном отчете ЦК партии привел цифру 240 000 членов, которые по организациям разбивались следующим образом:[1]

Петроград	42 000 членов
Московская область	50 000 „
Урал	24 — 25 000 „
Донецкий бассейн	16 000 „
Кавказ (Баку, Тифлис, Грозный)	9 000 „
Финляндия	12 000 „
Прибалтийский край	14 000 „
Поволжье	13 000 „
Одесса с районом	7 000 „
Сибирь	10 000 „
Минск с районом	4 000 „
Архангельский район	1 500 „
Военные организации	26 000 „

[1] VI съезд. Протоколы, изд. 1927 г., стр. 92.
[2] Там же, стр. 38.

За время, прошедшее с апрельской конференции до VI съезда, во всех местных организациях произошел значительный приток членов, особенно внушительный в крупных промышленных центрах. Например петроградская организация с 16 000 членов выросла до 41 000. Даже та небольшая заминка, которая произошла в связи с июльскими событиями, не задержала роста партийной организации. В промежутке от июльских дней до VI съезда петроградская организация увеличилась на 25 000 человек.[1] Всюду усилилось влияние партии — в профсоюзах, в фабзавкомах, советах, муниципалитетах и других организациях; в некоторых, как например в фабзавкомах, большевистское влияние было преобладающим, то же и в крупных профессиональных союзах, особенно металлистов. Даже там, где большевики не имели фактического большинства, их влияние было огромно; так в Кронштадтском совете большевики составляли всего $^1/_3$ членов, но к их голосу прислушивались беспартийные члены совета и рядовые члены партии эсеров, в силу чего большевики могли проводить свою политическую линию.

С ростом организации и усложнением политических задач партия чувствовала огромный недостаток в квалифицированных работниках: агитаторах, пропагандистах, литераторах и т. д. К моменту съезда партия имела 41 печатный орган с тиражом 320 000 экземпляров в день; для удовлетворения все возраставших запросов в разных областях партийной работы нужно было колоссальное напряжение энергии и самоотверженности от наличных кадров; несмотря на трудности партия однако справлялась успешно с этими задачами, ибо она сконцентрировала вокруг себя все действительно революционные силы страны.

Одновременно с ростом организации вширь и с охватом широких масс рабочих партийным влиянием и внутри самой организации также происходил процесс консолидации; низовые партийные ячейки крепли, повсюду происходил процесс разрыва с меньшевиками.

Сразу же после Февральской революции (письмо к Коллонтай от 16 марта 1917 г.) Ленин указывает на недопустимость объединения с меньшевиками. «Величайшим несчастием было бы... если бы наши пошли на «единство» с Чхеидзе и К°!! Но этому не бывать... Ни за что снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским!»[2]

В другом письме Ленин пишет: «По-моему главное теперь не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися вроде Организационного комитета, Троцкого и К°) и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе».[3]

Ленин считал возможным и желательным объединение только с действительными интернационалистами, которые решительно порвали с социал-предателями.

Всероссийская апрельская конференция встала на точку зрения Ленина и в этом важнейшем вопросе.

---

[1] Протокол VI съезда, изд. 1927 г., стр. 52.
[2] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 5, изд. 2-е.
[3] Там же, стр. 7.

В виду того, что троцкистские контрабандисты в ряде печатных работ распространяли клевету о якобы имеющем место «объединительном угаре» в нашей партии, мы считаем необходимым привести эту резолюцию апрельской конференции. Вот она:

«Принимая во внимание: 1) что партии — с.-р., с.-д., меньшевики и т. п. перешли в громадном большинстве случаев на позицию «революционного оборончества», т. е. поддержки империалистической войны (голосование за заем и поддержка Временного правительства, представляющего интересы капитала);

2) что эти партии всей своей политикой проводят интересы и точку зрения мелкой буржуазии и развращают пролетариат буржуазным влиянием, внушая ему, будто можно изменить империалистическую политику правительства и совлечь с пути контрреволюционных посягательств на свободу посредством соглашений, «контроля», вступления в министерство и т.д.;

3) что эта политика питает и усиливает доверчиво-бессознательное отношение масс к капиталистам, между тем такое отношение является главым препятствием к дальнейшему развитию революции и создает возможность ее поражения силами помещичьей и буржуазной контрреволюции, — конференция *постановляет:*

1) *признать объединение с партиями и группами, проводящими эту политику безусловно невозможным;*

2) признать сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма, необходимым на основе разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму».[1]

Эта резолюция апрельской конференции как нельзя лучше разоблачает легенды троцкистских и иных клеветников.

Учитывая, что в межрайонной организации находилось много прекрасных революционных рабочих, и стремясь к консолидации всех революционных элементов страны, большевистский ЦК поставил вопрос о немедленном объединении. С этой целью на конференцию межрайонцев пришли члены ЦК Ленин, Зиновьев и Каменев. На заседании конференции 10 (23) мая Ленин изложил точку зрения большевиков на вопрос об объединении интернационалистов и в виду отсутствия принципиальных разногласий по основным вопросам революции предложил немедленно объединиться. Однако точка зрения Ленина не была одобрена конференцией, высказывавшейся против немедленного слияния и признавшей, что «действительным средством создания единой революционной социал-демократической рабочей партии может явиться только всероссийский съезд организаций и групп, стоящих на точке зрения Циммервальда-Кинталя». Далее говорилось, что съезд будет авторитетным лишь в том случае, если в Оргбюро будут включены кроме ЦК РСДРП и межрайонцев еще представители от польской социал-демократии, социал-демократии Латышского края и «меньшевиков-интернационалистов России, поскольку они порвут организационную связь с оборончеством».

У лидеров межрайонцев были сильны меньшевистские традиции по вопросу об организационном оформлении партии. Троцкий на-

[1] („ВКПб) в резолюциях", т. I, стр. 262, изд. 1932 г.

пример думал собрать к съезду побольше колеблющихся групп интернационалистов и сколотить из них что-то вроде особой фракции. Он говорил т. Мельчанинскому: «вы не знаете режима Ильича. Ильич не терпит инакомыслящих. Необходимо объединиться только на совместном съезде большевиков и межрайонцев, надо войти компактной группой и сохранить ее внутри партии, чтобы не дать себя растворить, надо настаивать на вводе большего количества межрайонцев в ЦК».[1]

Подтверждением слов т. Мельчанинского может служить запись Ильича, сделанная на конференции во время речи Троцкого, выступившего немедленно вне очереди после речи Ильича. Вот что говорил Троцкий: «С резолюциями я согласен целиком, но вместе с тем я согласен постольку, *поскольку русский большевизм интернационализировался*. Большевики разбольшевичились, и я называться большевиком не могу. В основу ценза можно (и должно) положить их резолюции. Но признания большевизма требовать от нас нельзя».[2]

Под напором рабочих к концу июня, требовавших немедленного объединения, межрайонцам трудно стало защищать решение конференции. Учитывая это, Троцкий высказался за немедленное слияние, однако в то же время не отказываясь от мысли протащить свои меньшевистские организационные принципы в большевистскую партию. Высказываясь за немедленное слияние, он в то же время писал: «Правда, на конференции указывалось на затруднения, вытекающие из навыков и приемов большевистской кружковщины. Этих затруднений конечно отрицать нельзя, они и сейчас нередко сказываются в весьма непривлекательной форме, как в организационной политике ЦК, так и на страницах «Правды»... Во всяком случае при отсутствии принципиальных разногласий нельзя бороться против методов кружковщины иначе, как противопоставляя ей *в рамках общей* организации более здоровые, т. е. более демократические методы ведения партийной работы».[3]

Смешно читать эти рассуждения о кружковщине 240 000 партии, которую собралась лечить группа интеллигентов из межрайонной организации. Кроме меньшевистских взглядов на организационное построение партии, Троцкий, войдя в партию большевиков, не отказался от своей старой ошибочной «теории перманентной революции», считая, что не он пришел к большевикам, а большевики пришли к нему: отсюда и речь о перерождении большевиков, отказ признать большевизм, как он исторически сложился, и прочая троцкистская отсебятина, которую он потом в течение десяти лет, состоя в рядах большевистской партии, неоднократно хотел ей навязать.

Несмотря на попытки при вступлении в большевистскую партию сколотить свою фракцию, Троцкому от этого плана пришлось отказаться. Не получив достаточной поддержки среди рабочих членов межрайонной организации, тяготевших к большевикам, и встретив решительный отпор со стороны большевиков, Троцкому и троцки-

[1] „За ленинизм". Сборник статей. Гиз. 1925 г., стр. 431.
[2] Ленинский сборник, т. IV, стр. 303.
[3] *Л. Троцкий.* Соч., т. III, ч. I, стр. 146.

стам пришлось свернуть — «хотя бы и временно — свои антибольшевистские взгляды» (Сталин) и они «были приняты в ВКП(б) и Коминтерн и подчинялись решениям этих последних». Уже в рядах ВКП(б) Троцкий последовательно и упорно защищая свои взгляды, встал на путь прямой борьбы против партии, за что и был выброшен из рядов ВКП(б) и за контрреволюционную деятельность выслан из СССР.

Троцкизм стал передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии.

Упорно возражал против немедленного объединения также т. Юренев. У него были большие надежды на возможность объединения с меньшевиками интернационалистами. На VI съезде он говорил: «Мы глубоко убеждены, что хотя на съезде не представлены меньшевики, но близок час, когда и они, интернационалисты, сольются с нами в единую партию».

Несмотря на стремление вождей оттянуть слияние, у рядовых рабочих, членов межрайонки, еще до съезда в процессе работы установился полный контакт с большевиками, и VI съезд только оформил это фактическое слияние.

В резолюции, принятой съездом по вопросу об объединении партии, говорится, что не может быть и речи об объединении с меньшевиками-империалистами, и отмечаются жалкие попытки группы газеты «Новой жизни» путем общего съезда примирить и объединить действительных интернационалистов с пособниками империализма. «Противопоставляя опасному лозунгу единства всех, социал-демократы (большевики — *О. Л.*) выдвигают классовый революционный лозунг — единство всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками-империалистами. Полагая такое единство необходимым и неизбежным, съезд призывает все революционные элементы социал-демократии немедля порвать организационную связь с оборонцами и объединиться вокруг РСДРП».[1]

Доклад о политической деятельности ЦК на съезде сделал т. Сталин. Центральную часть доклада составляла оценка событий июльских дней и тактики партии. Тов. Сталин отметил, что в момент начала стихийного выступления масс на улицу Ленина в Петрограде не было, он приехал только на следующий день. Курс на руководство стихийным движением масс, принятый ЦК, Лениным всецело был одобрен. После небольших прений съезд всеми голосами при 5 воздержавшихся одобрил работу ЦК.

Вопрос о текущем моменте был разделен на 3 части: 1) вопрос о войне и международном положении, 2) о политическом положении, 3) об экономическом положении.

По первому вопросу доклад сделал т. Бухарин, обрисовавший общее международное положение и причины, способствующие затягиванию войны. Кроме верных положений в докладе т. Бухарина был целый ряд ошибочных утверждений. Так, например, он утверждал, что крестьянин, как собственник, настроен оборончески и заключил сделку с буржуазией. У него не было диференцированного подхода к крестьянству, он валил в одну кучу кулака с беднотой.

[1] Протоколы VI съезда, стр. 269.

Это утверждение т. Бухарина об оборонческой природе крестьянина вообще находилось в явном противоречии с тезисом Ленина о добросовестном оборончестве, согласно которому большинство трудящихся крестьян не заинтересовано в империалистической политике, а если и поддерживает социал-империалистов, то лишь по неведению, т. е. заблуждается добросовестно, никакой выгоды от этой политики не получая. На ошибочность взгляда т. Бухарина там же на съезде было указано, и это место в резолюции комиссия соответствующим образом изменила. Неверным также было утверждение, предвосхищавшее позицию т. Бухарина в период Бреста, что в случае победы пролетариата и беднейшего крестьянства на очередь встанет объявление революционной войны. Это место в резолюции также было изменено, и в новой редакции было сказано, что перед рабочим классом той страны, которая первая осуществит диктатуру пролетариата, станет задача «всяческой (вплоть до вооруженной) поддержки борющегося пролетариата других стран».

Доклад о политическом положении сделал т. Сталин. Этот вопрос безусловно являлся центральным, и поэтому на нем необходимо остановиться более детально. В основу доклада т. Сталина были положены мысли, развитые Лениным в брошюре «К лозунгам». Основная мысль этой брошюры заключается в том, что в июльские дни произошел крутой политический поворот, в корне изменивший классовые взаимоотношения, существовавшие до июля, и что поэтому лозунг о мирном переходе власти к советам теперь уже не верен. Период двоевластия кончился, власть вследствие измены пролетариату соглашательских партий — меньшевиков и эсеров перешла в руки военной клики. Вся суть вопроса теперь в том, что взять власть мирно сейчас уже нельзя. Ее можно получить только путем вооруженного восстания.

Ленин писал, что доиюльские советы «представляли из себя делегации от массы свободных, т. е. никакому насилию извне неподвергавшихся, вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была суть дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг «переход всей власти к советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственного осуществимого шага на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля по 4 июля возможно и конечно наиболее желательно и которое теперь безусловно невозможно». [1] Ленин считал, что отстаивание старого лозунга перехода власти к советам «звучало бы теперь как донкихотство или насмешка». Это создало бы иллюзию, будто советам и теперь достаточно пожелать и власть будет в их руках. Надо рассеять этот обман. Власть теперь в руках военной клики. Эту власть надо свергнуть.

«Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 33, изд. 2-е.

ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми послеиюльскими классовыми и партийными категориями».[1] «Свержение буржуазной контрреволюции, — писал Ленин, — может совершить только революционный пролетариат после опыта июля 1917 г., и он должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть — вне этого победы революции быть не может. Власть пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями — вот единственный выход».[2]

О том, что у Ильича уже в июльские дни сложилось твердое убеждение, что вооруженное восстание неизбежно не позднее осени, свидетельствует также т. Орджоникидзе. Он пишет, что Ильич в ближайшие дни после июльской демонстрации говорил: «Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания; оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября. . .»[3]

Ленин полагал, что на новом этапе, на новом подъеме революции советы будут играть большую роль.

Он писал: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу советов, это так. Это не вопрос о советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством *данных* советов».[4]

Не прав т. Шляпников, утверждающий, будто после июльских дней партия отказалась от взглядов на советы как государственную форму диктатуры пролетариата и вместо их, якобы, выдвинула идею рабочей власти профсоюзов и фабзавкомов. В данном случае Шляпников свои оппортунистические, анархо-синдикалистские взгляды приписывает партии. Таким образом по этому вопросу, также как и по ряду других вопросов, о чем сказано было уже раньше, Шляпников извращает историю нашей партии.

У Ильича отрицательное отношение к советам было не вообще, а именно к данным соглашательским советам при данной политической ситуации временного торжества контрреволюции. Что на следующем этапе нового подъема революции вместо правильного в общем лозунга «вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству» должны быть выдвинуты еще другие более конкретные лозунги, это для Ильича было совершенно ясно. У Ленина, как у настоящего диалектика, нет ничего абсолютного, навсегда данного, кроме «беспристрастной смерти или вечного возрождения», как любил выражаться покойный Плеханов.

По вопросу о советах Ленин всегда исходил из конкретных условий целесообразности применения этого лозунга. Кстати сказать, он считал, что «подменять конкретное абстрактным один из самых опасных грехов революции».

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 38, изд. 2-е.
[2] Там же.
[3] „О Ленине". Сборник воспоминаний, Гиз, стр. 102.
[4] *Ленин,* Собр. соч., т. XXI, стр. 38.

Когда в 1915 г., в связи с выборами в военно-промышленные комитеты, Петроградская организация выдвинула лозунг о создании Совета, Ленин этот шаг не одобрил. В письме к т. Шляпникову он писал:

«Обратите особое внимание на тезис о Совете рабочих депутатов. Надо быть осторожным с этой штукой: переарестуют две-три сотни вождей. Вне связи с восстанием «сила» Совета рабочих депутатов есть иллюзия. Не надо поддаваться ей». [1]

Накануне Февральской революции Ленин связывал проблему организации советов с вопросом о вооруженном восстании и организации революционной власти. После Февральской революции эти основные положения Лениным были дополнены и расширены. На апрельской Всероссийской партийной конференции он говорил: «Советы рабочих и солдатских депутатов — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Это факт решающий». [2]

Отказавшись в июльские дни от взятия власти и участвуя в карательной политики буржуазии против рабочих и солдат, советы потеряли авторитет в глазах революционных масс. Авторитет советов мог подняться лишь после завоевания большинства в них большевиками.

Снятие лозунга «вся власть советам» не означало того, что партия против советов; наоборот, партия ставила своей задачей защищать и укреплять советы, превращать их из соглашательских в большевистские, но при этом не забывала, что в данный момент главное уже не в советах, а в подготовке вооруженного восстания, которое не за горами.

Ленин, находясь в подполье, сам лично присутствовать на съезде не смог, но из своего убежища в сестрорецком Разливе имел связь с некоторыми вождями партии, оставшимися на воле, и идейно безусловно руководил работами съезда.

На съезде после доклада т. Сталина, стоявшего на точке зрения Ленина, начались горячие прения. Хотя последние вертелись вокруг вопроса о лозунге «вся власть советам», но по существу вопрос шел о движущих силах революции, о взаимоотношениях между буржуазной и социалистической революциями, о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую.

Среди выступавших в прениях товарищей были «добросовестно заблуждающиеся (тт. Ярославский и Джапаридзе), опасавшиеся, как бы снятие лозунга «вся власть советам» не привело бы к противоположному лозунгу «долой советы». Тов. Сталин ответил, что в данный момент мы не можем дать конкретных лозунгов, а должны дать классовую установку, в руки какого класса должна перейти власть. В результате обмена мнений недоразумения тт. Джапаридзе и Ярославского рассеялись. Если таким образом их отбросить, то остальных выступающих в прениях товарищей можно разбить на 3 группы: 1) ленинскую, 2) правооппортунистическую ногинскую или ка-

[1] Ленинский сборник, II, стр. 250.
[2] Протоколы апрельской конференции, стр. 50.

меневскую, поскольку Ногин в основном защищал точку зрения Каменева, высказанную им на апрельской конференции, и 3) «левую» — бухаринско-преображенскую.

Основной ошибкой обеих групп, выступавших против точки зрения Ленина, было непонимание роли и значения крестьянства и неправильное отгораживание «китайской стеной» буржуазно-демократической революции от социалистической, непонимание процесса перерастания первой революции во вторую. В основе же этих ошибок, как известно, лежит меньшевистско-троцкистская концепция.

Несогласные с выводами т. Сталина говорили следующее:

Тов. Ангарский говорил, что он несогласен перешагнуть через буржуазную к социалистической революции, для которой мы не созрели, и что крестьянство революционно только до тех пор, пока не получит земли. Тактика, рекомендованная т. Сталиным, — тактика не марксизма, а тактика отчаяния.

Тов. Юренев говорил, что диктатура пролетариата неосуществима и что тактика т. Сталина — сплошной крик отчаяния, игра ва-банк.

Тов. Володарский отрицал социалистический характер предстоявшей революции, полагая, что в момент пролетарской революции пролетариат в борьбе против буржуазии выступит один без союзников.

Интересно выступление т. Залежского, у которого методологическая установка правильна, но выводы неверны. Верно то его положение, что революция — процесс развивающийся, где одни элементы перерастают в другие; неверно, что в центре предстоявшей революции, как главную задачу, он ставил вопросы буржуазно-демократического порядка, тогда как уже на апрельской конференции был взят курс на социалистическую революцию, которая, как потом об этом писал Ленин, попутно, мимоходом завершила задачи буржуазно-демократические.

Тов. Безработный (Мануильский) высказался против лозунга диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и стоял за сохранение старого лозунга, осуществление которого по его мнению означало революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Приверженцы правого уклона были так заняты идеей буржуазно-демократической революции, что забыли уроки проигранного сражения на апрельской конференции, выдавая наоборот свою разбитую уже тогда платформу за решение апрельской конференции. Тов. Ногин например говорил следующее: «В чем разница между резолюцией т. Сталина и резолюциями апрельской конференции? Тогда мы находили, что еще стоим перед переходом к социалистической революции. Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму»?

Интересна позиция «левых» — Бухарина и Преображенского, у которых, за исключением деталей, основные мысли безусловно совпадают.

Тов. Преображенский вообще высказывал сомнение в новом

[1] Протоколы VI съезда, стр. 129.

подъеме революции, допуская компромисс и соглашение крестьян с буржуазией и помещиками и остановку дальнейшего движения революции вперед. Он оспаривал положение о беднейшем крестьянстве, как особой социально-экономической категории. Преображенский считал, что если обстоятельства сложатся так, что мы принуждены будем поднять знамя пролетарской революции, то этот шаг допустим лишь при наличии пролетарской революции на Западе. В этом смысле он внес соответствующую поправку к резолюции т. Сталина, однако, съездом эта поправка была отклонена.

Совсем недиалектически подошел к крестьянскому вопросу т. Бухарин. Говоря как и Преображенский, о блоке крестьянства с помещиками, он нарисовал следующую перспективу: «Новый подъем революции я мыслю в двух сменяющихся фазисах: первый фазис — с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис — после отпадения насыщенного крестьянства, фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы. Эти периоды могут следовать в непосредственной близости один за другим».[1]

Итак, по вопросу о движущих силах пролетарской революции мы видим полное совпадение у тт. Бухарина и Преображенского с ошибочной теорией Троцкого, считавшего, что в эпоху пролетарской революции у пролетариата нет союзника и без мировой пролетарской революции победа пролетариата в отдельной стране невозможна. Совершенно необоснованы были утверждения тт. Бухарина и Преображенского о блоке крестьянина с помещиком. Не говоря о бедняке и середняке, даже с кулаком в 1917 г. у помещиков, несмотря на такого рода попытки, блока не получилось. Как-раз конец июля и начало августа были переломным этапом в крестьянском движении, когда окрепшая буржуазная контрреволюция начала посылать карательные экспедиции в деревню, в результате чего движение там начало принимать более обостренный по сравнению с первыми месяцами революции характер. Очевидно эти товарищи мираж приняли за действительность — соглашение помещичье-буржуазного Временного правительства с верхами партии эсеров приняли за соглашение буржуазии с подлинным крестьянством.

После стольких горячих споров с народниками и выхода на свет многих марксистских работ о диференциации крестьянства, об образовании в деревне под влиянием развития капитализма трех основных групп крестьянства: кулаков, середняков и бедноты, выходить на трибуну съезда, как это сделал Преображенский, и заявить, что марксизм не знает, что за категория беднейшее крестьянство, или молчать о беднейшем крестьянстве (Бухарин), — это значит выдать свидетельство в полном непонимании марксизма в этом чрезвычайно важном вопросе, непонимании, как потом оказалось, приведшим тт. Бухарина и Преображенского к целому ряду серьезных ошибок и уклонов от марксизма-ленинизма.

В заключительном слове т. Сталин, опровергая неправильные положения выступавших в прениях товарищей, в частности говорил,

[1] Протоколы VI съезда, стр. 139.

что эти товарищи отстали от жизни на 3 месяца, что уже на апрельской конференции было решено начать шаги в сторону социализма, что товарищи, возражавшие против диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и требовавшие ограничения деятельности партии рамками, приемлемыми для мелкой буржуазии, глубоко ошибаются и что это на практике было бы полным переходом на сторону буржуазии.

Возражая против ошибочности позиции т. Бухарина, т. Сталин говорил: «В чем перспектива т. Бухарина? Его анализ неверен в самой основе. По его мнению в первом этапе мы идем к крестьянской революции. Но ведь она не может не встретиться, не совпасть с рабочей революцией. Не может быть, чтобы рабочий класс, составляющий авангард революции, не боролся за свои требования, поэтому я считаю схему т. Бухарина непродуманной».

«Второй этап по т. Бухарину — революция пролетарская при поддержке Западной Европы без крестьян, которые получили землю и удовлетворились. Но против кого направлена эта революция? Тов. Бухарин в своей игрушечной схеме не дает на это ответа».[1]

Выступая во время голосования резолюции против поправки т. Преображенского, предлагавшего направить нашу революцию к социализму лишь при наличии пролетарской революции на Западе, т. Сталин говорил: «Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... База нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства».[2]

Съезд конечно отверг поправку т. Преображенского, и резолюция т. Сталина была принята единогласно, при четырых воздержавшихся.

Как потом на исторической проверке выяснилось, т. Преображенский, несмотря на то, что съезд дружно отмечал его ошибочные взгляды, остался при своей теории и естественно оказался в первых рядах объединенной троцкистской оппозиции 1926—1927 гг., в центре ошибочных взглядов которой стоял тезис о невозможности построения социализма в одной стране. Не случайны также большие политические колебания слева направо у т. Бухарина. Непонимание марксизма-ленинизма наблюдалось у него уже в годы войны.

В принятой съездом резолюции подводится итог первому этапу мирного развития революции с лозунгом «вся власть советам» и намечается дальнейшая тактика партии. В этой части в *центре стоит вопрос о вооруженном восстании и о подготовке к нему*. В резолюции говорится, что время восстания зависит от изживания массами мелкобуржуазных иллюзий и надежд на соглашательство с буржуазией; говорится также о сохранении, защите и расширении всех завоеванных в революции свобод и рабочих организаций (советов, фабзавкомов, солдатских и крестьянских комитетов и т. д.). Партийным лозунгом, вместо лозунга «вся власть советам», на данном этапе

[1] Протоколы VI съезда, стр. 144.
[2] Там же, стр. 249.

развития, был выставлен лозунг: «вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству или полупролетарию».

Заканчивается резолюция словами, что пролетариат «должен направить все усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих против буржуазии. «*Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и социалистическому переустройству общества.*» [1]

По вопросу об экономическом положении докладчик т. Милютин обрисовал картину экономической разрухи и надвигавшегося голода, причем он указл, что существующая власть неспособна радикально разрешить ни одного вопроса с целью смягчения разрухи, — более того, проводя узкоэгоистическую классовую политику саботажа и локаутов и затягивая войну, правительство этот экономический кризис еще более усугубляет. Единственным средством спасения революции и страны от катастрофы докладчик считал переход власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства. Только такая власть прекратит войну и спасет страну от катастрофы путем осуществления целого ряда революционных мероприятий в области экономики.

В резолюции об экономическом положении, принятой съездом, перечислялись следующие главные мероприятия:

Вмешательство в область производства, в целях регулирования производства и распределения, национализация и централизация банков, национализация ряда синдицированных предприятий (как-то нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта), организация правильного обмена между городом и деревней, установление действительного рабочего контроля.

В целях оздоровления финансов были признаны необходимыми следующие меры: немедленное прекращение выпуска бумажных денег, аннулирование государственных долгов как внешних, так и внутренних, с соблюдением, однако, интересов мелких подписчиков, введение поимущественного налога, высоких налогов на предметы роскоши, реформы подоходного налога и т. д.

В прениях ряд товарищей возражал против рабочего контроля, считая, что при буржуазной власти этот лозунг неосуществим, при диктатуре же пролетариата недостаточен. Отдельные возражения были также против введения всеобщей трудовой повинности, превращающейся при господстве буржуазии в каторгу.

Тов. Милютин в заключительном слове указал, что главная цель лозунга рабочего контроля при существующей власти буржуазии иметь контроль над политикой буржуазии, дезорганизующей производство, и, что это лозунг завоевал симпатии рабочих масс; при завоевании же власти пролетариатом, значение этого мероприятия в том, что через котроль рабочие будут приучаться управлять производством и постепенно перейдут к полному регулированию про-

[1] Протоколы VI съезда, стр. 256.

изводства. Что же касается вопроса о всеобщей трудовой повинности, то это мероприятие для нас имеет значение только при переходе власти в руки рабочего класса.

Резолюция по докладу т. Милютина съездом была принята единогласно при двух воздержавшихся.

По вопросу об организации молодежи на съезде обнаружилось, что в партии существует две точки зрения. Докладчик т. Харитонов считал, что союзы молодежи должны быть свободными, самостоятельными организациями, находящимися под идейным влиянием партии. Другую точку зрения защищала т. Самойлова, доказывавшая, что союзы молодежи должны непременно строиться при партии, быть составной частью партийной организации. На съезде победила точка зрения т. Харитонова. В принятой по этому вопросу резолюции говорится: «Учитывая опыт Западной Европы, где самостоятельные организации молодежи являются опорой интернационального крыла рабочего движения, наша партия должна и в России стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией, причем должны стремиться, чтобы эти организации с самого возникновения носили социалистический характер».

В деле мобилизации масс для предстоящего штурма твердынь капитализма рабочая молодежь, как более подвижная часть пролетариата, играла большую роль. VI партийный съезд, правильно разрешая организационные формы строительства союзов молодежи и взаимоотношения их с партией, способствовал укреплению и расширению большевистского влияния в среде рабочей молодежи, тем самым значительно усиливая свой боевой фронт против Временного правительства. Уже к моменту VI съезда во многих городах были организованы союзы молодежи. В одном только Петрограде было организовано около 50 000 юношей, к этому времени уже находившихся под большевистским влиянием. После съезда под руководством партии организация рабочей молодежи пошла еще более быстрым темпом.

По вопросу о выборах в Учредительное собрание на съезде была принята резолюция, в которой говорилось, что партия при выборах выступит самостоятельно, а «блоки допускаются лишь с партиями, стоящими на почве интернационализма, не на словах, а на деле порвавшими с оборонцами». Соглашения допустимы и с беспартийными революционными организациями, полностью принимающими нашу платформу.

При обсуждении этого вопроса т. Преображенский высказывался против пункта, допускавшего соглашение с беспартийными революционными организациями, мотивируя это тем, что крестьяне будут голосовать за нас из-за нашей аграрной программы, а после победы такие союзники, не разделяющие нашей точки зрения по остальным вопросам платформы, могут нам очень повредить.

Съезд не принял поправок т. Преображенского, который и по данному вопросу обнаружил полное непонимание взаимоотношений пролетариата с крестьянством и значения союза рабочего класса с трудовым крестьянством для успеха революции.

На съезде был переработан устав партии. Большое принципиаль-

ное и практическое значение имело постановление о большевистских фракциях в общих государственных, муниципальных, советских и т. п. учреждениях. В отличие от практики германской социал-демократии, где фракция ведет почти независимое от партии существование, съезд постановил, что фракции «подчиняются всем постановлениям партии и руководству соответствующих партийных руководящих центров».

VI съезд партии заседал в переломный момент революции 1917 г. К моменту съезда уже стало выясняться, что создавшаяся в связи с июльскими днями полоса контрреволюции заканчивается, начинается хотя медленно и при другой ситуации, новая волна революции. Съезд подытожил результаты первого периода революции и определил тактику следующего периода, который вырисовывался более революционным и острым. По всем принципиальным вопросам съезд в своих решениях исходил из решений апрельской партийной конференции.

На VI съезде огромную роль играл т. Сталин, которому вместе с т. Свердловым пришлось руководить съездом в чрезвычайно сложной обстановке. Громадные организационные и политические способности его уже тогда полностью обнаружились, и т. Сталин *уже тогда выдвинулся как один из крупнейших вождей нашей партии и самый последовательный ученик Ленина.*

Значение съезда заключалось в том, что несмотря на отсутствие Ленина, который конечно влиял на съезд своими статьями и советами, но непосредственное личное присутствие которого всегда во время споров и разногласий имело колоссальное значение, *съезд наметил правильную политическую линию и верную большевистскую тактику.* Несмотря на довольно большие разногласия по некоторым вопросам, все резолюции, за исключением единиц воздержавшихся, были приняты единогласно.

Съезд показал, что сравнительно с апрельской конференцией в партии произошел громадный процесс внутренней идейной и организационной консолидации. Были конечно еще отдельные отклонения от ленинской линии, они потом еще накануне Октября, в Октябре и после Октября обнаружились, но это было только со стороны отдельных партийных лидеров, вся партийная масса признала правильным намеченный съездом *курс на подготовку вооруженного восстания для захвата власти пролетариатом при поддержке его беднейшими слоями крестьянства.*

По поручению съезда ЦК разработал и опубликовал манифест, в котором ярко было изложено то тяжелое экономическое и политическое положение страны, в котором она очутилась вследствие контрреволюционной политики буржуазии и ее лакеев — меньшевиков и эсеров. В манифесте освещено также падение меньшевиков и эсеров и предательство ими интересов пролетариата и крестьянства. Относительно дальнейшего хода революции в манифесте говорится: «Но рано торжествует контрреволюция свою победу. Пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не стереть слез матерей и жен. Арканом и петлей не высушить моря страданий. Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности». Далее в манифесте указывается на то, что по всему миру —

в Германии, Англии, Франции и др. странах — начинается волна революционного движения, есть много симптомов предстоящей бури».

«В эту схватку, — продолжает манифест, — наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держала их в своих руках. Она не склонила их перед носильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. *Она впредь будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов. Ибо она знает, что грянет новое движение и настанет смертный час старого мира*».[1]

[1] Протоколы VI съезда, стр. 275.

V

Московское совещание и корниловщина

С уходом в отставку министра председателя князя Львова этот пост занял Керенский, который в своей деятельности сразу обнаружил явно бонапартистские тенденции: расшаркивался перед военщиной, произносил громкие фразы о борьбе направо и налево, призывал к прекращению классовой борьбы, выпячивал всюду свою персону на первое место («я приказываю», «я заставлю», «не потерплю» и т. д.). Одним словом стал постепенно входить в роль Бонапарта. В телеграмме «ВСЕМ» от 8 июля он заявлял: «С несомненностью выяснилось, что беспорядки в Петрограде были организованы при участии германских правительственных агентов... Руководители и лица, запятнавшие себя братской кровью и преступлением против родины и революции, арестуются». В приказе по армии и флоту Керенский ругал солдат, называя их изменниками, предателями, а о контрреволюционном офицерстве отзывался следующими словами: «...неизменно доблестное поведение лиц командного и офицерского состава, свидетельствующее о преданности их свободе, революции и беззаветной любви к родине»...[1]

Таковы были шаги правительства после июльских дней. Несмотря на то, что деятельность Временного правительства и Керенского носила явно контрреволюционный характер, соглашательский ЦИК 9 июля объявил это правительство «правительством спасения революции» и наделил его неограниченными полномочиями.

Первым делом этого правительства «спасения» было удовлетворение требования генерала Корнилова о восстановлении смертной

[1] *В. Владимирова.* Хроника, т. III, стр. 165.

казни на фронте. В этом постановлении повторены все пункты царского закона против нарушения дисциплины в армии.

Введение смертной казни на фронте и создание военно-революционных судов широко было использовано контрреволюционным командным составом против солдат. В сводке комиссара западного фронта Ямандта говорится: «введение военно-революционных судов было принято командным составом как первый шаг к возвращению некоторых старых порядков в жизнь армии. Начались повальные аресты, и отношение к организации еще более ухудшилось» ... «Были случаи применения военно-революционных судов за заочный неуважительный отзыв о начальстве, за отказ учредить дисциплинарные суды, наконец, за сорванное яблоко в помещичьем саду и даже за подстрекательство к этому»... «Все это внесло большое озлобление в ряды армии, отразилось на значении комитетов в частях, ослабило это значение, что в свою очередь усиливает дезорганизованность этих частей». [1]

Показания Ямандта характерны тем, что это пишет сторонник политики Временного правительства, человек, который в той же сводке говорит о вреде большевистской агитации и обещает не допустить до линии фронта большевистскую газету «Звезда». Если даже он был принужден констатировать безобразия командного состава, то в действительности эти безобразия очевидно практиковались в гораздо более широких размерах и безусловно носили характер помещичьей контрреволюции.

Все эти контрреволюционные мероприятия правительства одобрялись соглашательским ЦИК, который, особенно после получения сведений о поражении на фронте, совершенно растерялся и полностью перешел в лагерь буржуазии. ЦИК считал нужным поддержать решительно все мероприятия правительства, независимо от их содержания. Так в циркуляре ко всем армейским и фронтовым комитетам, ко всем солдатским секциям советов, Военный отдел ЦИК писал: «так как мы хотим создать сильное демократическое правительство, то мы хотя бы против своей воли должны поддерживать авторитет Временного правительства, поддерживать все его мероприятия, даже те, с которыми несогласны».

Контрреволюционная сущность мероприятий Временного правительства проявилась так ярко, что заслужила одобрение представителя английского империализма Бьюкенена, который в своих мемуарах пишет: «Однако, как ни плохи были перспективы, тем не менее я был склонен смотреть на вещи более оптимистически. Правительство подавило большевистское восстание и, казалось, решилось, наконец, действовать с твердостью. Когда я зашел через несколько дней к Терещенко, то последний заверил меня, что правительство теперь является в полной мере господином положения и будет действовать независимо от Совета». [2]

У Бьюкенена было полное основание смотреть на правительство «спасения» с надеждой, ибо по самому основному вопросу для англо-французского империализма, по вопросу о войне, правительство

---

[1] Разложение армии в 1917 г., стр. 112—113.

[2] *Дж. Бьюкенен.* „Мемуары дипломата", стр. 250, 251.

в своей декларации и в многочисленных выступления министров Церетели, Керенского и других заявило, что оно считает своей основной задачей создание боеспособной армии и продолжение войны до конца, подчеркивая одновременно ненарушимость соглашений с союзниками. Вместо лозунга мира, в дни после событий 3-5 июля, соглашатели заговорили о доведении войны до конца совместно с доблестными союзниками.

Итак, первые шаги деятельности правительства «спасения», были столь антиреволюционны, что получили одобрение даже со стороны агента английского империализма; казалось бы, для буржуазии лучшего правительства и желать нечего, но видя растерянность и уступчивость соглашателей, она потребовала полного разрыва правительства с советами, полного безоговорочного подчинения правительства буржуазии. П. Н. Милюков в «Истории второй русской революции» пишет, что в первой половине июля была получена телеграмма от союза офицеров, который требовал от Временного правительства выполнения программы генерала Корнилова, добавляя, что «в случае неутверждения мер... все члены Временного правительства отвечают за это головой».[1]

12 июля Временный комитет Государственной думы вынес резолюцию против правительства «спасения». Под давлением этого как будто мертвого учреждения и других контрреволюционных организаций правительство диктатуры и «спасения» подало в отставку. Начались длительные переговоры с торгово-промышленниками и кадетами о вхождении их в правительство, закончившееся полной капитуляцией меньшевиков и эсеров перед буржуазией и вхождением кадетов в правительство.

Новое правительство было составлено из кадетов и кадетствующих «социалистов» (Керенский, Пешехонов, Прокопович, Зарудный и Никитин). Церетели не вошел в новое правительство ставленников биржи. Он очевидно полагал, что защищать интересы буржуазной революции удобнее будет, не входя в правительство.

В момент составления нового коалиционного правительства Керенский воображал, что он почти диктатор, что он русский Бонапарт. В декларации, опубликованной лично от его имени, он писал: «Я полагаю..., что дело спасения родины и республики требует забвения партийных распрей и самоотверженной работы всех граждан российских... Вместе с тем я, как глава правительства, нахожу неизбежным ввести изменение в порядок и распределение работы правительства, не считая себя в праве останавливаться перед тем, что изменения эти, давая возможность выполнить в полной мере задачу, перед Временным правительством стоящую, *увеличат мою ответственность* в делах верховного управления»[2] (курсив мой — *О. Л.*).

О бонапартизме министерства Керенского Ленин писал следующее: «Министерство Керенского несомненно есть министерство первых шагов бонапартизма. Перед нами налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между

---

[1] *Милюков.* История, выпуск II, стр. 59.
[2] „Пролетарская революция" № 8, 1926 г., стр. 14.

двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга».[1]

Ленин считал, что появление на сцене бонапартизма есть неоспоримый факт, но что для окончательного укрепления его у нас в России нет объективных условий, ибо в отличие от положения дел во Франции в 1799 и в 1849 гг. у нас ни одна коренная задача революции не решена. Борьба за решение земельного и национального вопроса только еще начинает разгораться.

Соотношение классовых сил после июльских дней было таково, что ни буржуазия в союзе с помещиками, ни пролетариат в союзе с крестьянством не были еще готовы для решительной схватки. Фактически власть находилась в руках контрреволюционных генералов, но буржуазию это не удовлетворяло, она бешено готовилась вырвать центральную власть из рук меньшевиков и эсеров и составить правительство исключительно из своих людей. Русская контрреволюционная буржуазия и помещики после июльских дней сильно затосковали о самой откровенной кровавой диктатуре типа Кавеньяка, о которой Маркс писал: «Кавеньяк не был диктатурой сабли над буржуазным обществом; он был диктатурой буржуазии, осуществляемой посредством сабли».[2] Бонапартизм, наоборот, есть диктатура, формально не зависящая от буржуазии, хотя результаты этой диктатуры идут в пользу этой буржуазии. О бонапартизме Энгельс писал: «Луи Бонапарт, под предлогом защиты буржуазии от рабочих и рабочих от буржуазии, лишил капиталистов политической власти; но его господство способствовало спекуляции, промышленному развитию, вообще невиданному до тех пор расцвету и обогащению всей буржуазии в целом».[3]

Керенский и его министры постоянно болтали о примирении классов, о внеклассовой сущности своей власти, о борьбе как с левыми, так и с правыми. Все это характерно для бонапартизма, но является только его внешней стороной. По существу бонапартизм во Франции 1849 г. возник благодаря колебаниям мелкой буржуазии и при активной поддержке консервативной части крестьянства. В России в 1917 г. колебания мелкой буржуазии были более значительны, но в отличие от Французской революции в ней не было политически сильного консервативного крестьянства. При возникновении бонапартизма во Франции крестьянская революция 1789 г. была уже позади, тогда как в России она только начиналась. Своими колебаниями мелкая буржуазия в России создавала почву не для бонапартизма, а для открытой буржуазной диктатуры Кавеньяков—Корниловых. Только бдительность пролетарской партии большевиков и правильная тактика ее помешала осуществиться этой диктатуре. Керенского же буржуазия терпела как наименьшее зло. Керенский был выдвинут не благодаря своим достоинствам, а благодаря своей ничтожности.

Маркс, анализируя причины победы Луи Бонапарта на президентских выборах в 1848 г., писал: «Так случилось, что по выражению «Neue Rheinische Zeitung» незначительный человек Франции вы-

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 60.
[2] *Маркс.* „Борьба классов во Франции".
[3] *Энгельс,* Введение к „Гражданской войне во Франции" К. Маркса.

ступил как самый многозначительный символ. Именно потому, что он был ничто, он мог означать все, но только не самого себя».[1]

Слова Маркса, сказанные о Луи Бонапарте, полностью можно применить к характеристике Керенского. Сам Керенский и его друзья из соглашательского ЦИКа конечно не понимали той жалкой и временной роли, какую они играли по замыслам буржуазии. Они серьезно полагали, что работают над спасением страны и революции. Они сами «одурманивали себя с той серьезностью, с какой она (мелкая буржуазия — *О. Л.)* вообще торжественно одурачивает себя» (Энгельс).

Несмотря на то что буржуазия как будто согласилась поддержать правительство Керенского, она в действительности никакой поддержки ему не оказала, а только стремилась использовать его в максимальных размерах для своих контрреволюционных целей. С этой целью буржуазия через генералов и через свои классовые организации нажимала на правительство, требовала усиления репрессий над пролетариатом и крестьянством, и в то же время всячески дискредитировала это же правительство и готовилось к его свержению.

В прокламации к казакам контрреволюционная буржуазия писала: «Сейчас нет власти, она кем-то украдена. Кто этот вор, который предал и разрушает Россию? Власть захватили ЦК и СР и СД. Они назначают министров. Кто же эти министры? Большая часть их приехала с каторги... Главным своим распорядителем они выбрали Керенского. Керенский хорошо говорит, он человек храбрый, но помните, что он главный среди каторжан... Правительство в России — это разбойники».[2]

На общем собрании офицеров и военных чиновников Петрограда 12 июля одни говорили, что они знают только Временное правительство, другие требовали смертной казни не только на фронте, но и в тылу, третьи говорили, что в стране анархия и что Временное правительство — «это комбинация из трех пальцев». В общем настроение было явно контрреволюционное. Даже «усмиритель» рабочих 3—5 июля Войтинский был для них слишком левым, и его не хотели слушать.

На совещании членов Государственной думы 18 июля Масленников говорил, что: «... к революции примазалась кучка сумасшедших фанатиков, проходимцев и предателей, назвавших себя Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов».[3] Дальше Масленников требовал, чтобы было созвано не частное совещание членов Государственной думы, а настоящее собрание, которое указало бы правительству, «что делать, как и кем это правительство пополнить и заменить». Масленникова поддерживали также и другие ораторы, в том числе и Родзянко, который однако считал, что «еще психологический момент ее (Думы) активного выступления не наступил».

Милюков пишет, что на кадетском съезде 24 июля раздались голоса за свержение правительства Керенского, но он выступил против этого, считая необходимым ограничиться пока давлением; он пола-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Собр. соч., т. III, стр. 62, изд. 1921 г.
[2] *В. Владимирова.* „Корниловщина", стр. 44.
[3] *В. Владимирова.* „Хроника", ч. III, стр. 194.

*

тал, что роль советов постепенно будет падать, о чем, кстати сказать, так усердно заботились соглашатели, но «если большевики опять появятся на улицах Петрограда, то речь будет другая». Как известно, прогноз Милюкова не оправдался, влияние большевиков с конца июля опять начало сильно возрастать, и тогда буржуазия решила выпустить на сцену Корнилова.

После капитуляции соглашателей перед буржуазией, последняя уже не ограничивалась травлей большевиков, но взялась за уничтожение и столь ненавистных ей советов. На собрании правлений Главного совета военной лиги, Петроградского отдела союза офицеров, Республиканского центра и др. организаций, 31 июля некоторые ораторы указывали во время прений, что советы рабочих и солдатских депутатов даже более виноваты в создавшемся положении, чем Ленин. Там же была принята приветственная телеграмма Корнилову.

Итак, политика буржуазии по отношению к Временному правительству выразилась в максимальном использовании этого правительства в классовых интересах буржуазии как в области экономической (увеличение цен, казенные субсидии и т. д.), так и в области политической (разгром рабочих организаций, дискредитирование и аресты вождей пролетариата, продолжение войны, роспуск Финляндского сейма и т. д.). Дискредитируя правительство, буржуазия в то же самое время исподтишка подготовляла почву для контрреволюционной диктатуры Корнилова.

Возникает вопрос, почему генерал Корнилов, этот вовсе не талантливый генерал, сделался кумиром буржуазии и приобрел почти неограниченное влияние на Временное правительство?

При рассмотрении этого вопроса мы должны вспомнить общеполитическое положение в стране и остроту классовой борьбы. В этот момент для буржуазии наиболее важным было найти решительного человека, который проявил бы твердость и решительность при усмирении «бунта», т. е. революции. Дела на фронте были неважны, и буржуазия полагала, что оздоровление на фронте достижимо лишь после «успокоения» тыла. В первую очередь нужен был герой для наведения порядка в стране.

В поисках «диктатора» буржуазия еще в середине июня возложила свои надежды на адмирала Колчака; началось паломничество к Колчаку, этому будущему палачу рабочих и крестьян, но после того, как дело с ним расстроилось, буржуазия обратила взоры на Корнилова, в чем ей кстати помог и Керенский, назначив Корнилова главнокомандующим Юго-западным фронтом.

Корнилов, вступив в командование Юго-западным фронтом, установил там такой зверский режим, что буржуазия сразу почувствовала в нем именно того человека, который ей был нужен.

Прямо пропорционально с ростом провокационно-черносотенной деятельности генерала Корнилова, растет его авторитет в глазах буржуазии. Начав с требования введения смертной казни, он издал приказ о воспрещении митингов, которые он считал незаконными сборищами, и требовал их рассеяния оружием. Он издал приказы о применении пулеметов против отступавшей армии, о возвращении в свои части всех выборных лиц армии, что было равносильно ликвидации солдатских комитетов. По свидетельству Деникина Корнилов

казненных солдат выставлял напоказ в людных местах. Началось поголовное увольнение более либерально настроенных и вообще человечески относившихся к солдатам офицеров и назначением на их место самых отъявленных мракобесов. И все это было проделано с согласия и с ведома «социалистических» комиссаров Войтинского, Станкевича, Савинкова и Филоненко. В результате всех этих мероприятий Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим.

С этого момента началась усиленная подготовка и собирание сил для предстоящего государственного переворота.

При вступлении на пост Верховного главнокомандующего Корнилов потребовал неограниченных полномочий и единоначалия при ведении операции на фронте и при назначении командного состава. Правительство Керенского и в этом вопросе уступило, несмотря на то, что Корнилов открыто выступал против правительства и имел свою явно контрреволюционную программу, оглашенную в ставке на совещании 16 июля.

На этом совещании генералитет во главе с Деникиным повел наступление на Временное правительство, обвинив его в распаде армии. В своих выступлениях министры Керенский и Терешенко стремились оправдать себя в глазах совещания. Керенский например доказывал, что он хотя и моложе Гучкова, но все-таки 120 генералов не уволил, хвастался перед генералами, что первая кровь при усмирении революционных полков была пролита по его инициативе и т. п. Дальше он говорил, что принципиально он не возражает против контрреволюционной программы генералов, но считает ее при настоящих условиях невыполнимой.

Терещенко говорил, что правительство полностью стоит на точке зрения генералов, но что все эти мероприятия можно провести не сразу, а постепенно, и что правительство идет еще дальше генералов, подготовляя законы против оппозиционных Временному правительству общественных организаций.

Временное правительство, заключив союз с буржуазией, оказалось в плену у последней и ее генералов, за спиной которых стоял англо-французский империализм. Бьюкенен в своих «мемуарах» пишет, что союзники требовали наделения Корнилова неограниченными полномочиями, угрожая в противном случае прекратить доставку снабжения и вооружения. Временное же правительство и ВЦИК, раз став на платформу продолжения войны в союзе с англо-французами, самой логикой вещей принуждались подчиниться влиянию союзников, от которых они находились в полнейшей финансовой и экономической зависимости.

Единственным выходом из этого зависимого положения был бы разрыв с политикой империализма, но на такой шаг мелкобуржуазные вожди были неспособны.

В период временного торжества контрреволюции (в июле и августе) партия большевиков отнюдь не ослабила борьбы против Временного правительства, отнюдь не отказалась от разоблачения предательской политики меньшевиков и эсеров, одобрявших и проводивших все контрреволюционные мероприятия Временного правительства и ставки.

Как на пример умелого проведения большевистской тактики ра-

зоблачения меньшевиков и эсеров можно указать на кампанию против смертной казни. Смертная казнь, восстановленная Временным правительством с согласия ЦИКа, вызвала сильное недовольство среди рабочих и солдат. Когда большевики поставили этот вопрос на обсуждение в Московской городской думе, Московском и Петроградском советах рабочих и солдатских депутатов, мелкобуржуазные вожди этих советов проявили полную растерянность: с одной стороны они не посмели перед лицом негодующих масс открыто защищать смертную казнь для солдат, а с другой — не хотели и не посмели присоединить свой голос к протесту против нее, так как она была восстановлена с ведома ЦИКа. Им приходилось изворачиваться, юлить, говорить, что они принципиально против смертной казни, но что теперь нужны жертвы и т. д. Тем самым они предстали перед массой в роли жалких и гнусных лакеев буржуазии, жаждущей рабочей и солдатской крови, тогда как большевики проявили себя как настоящие защитники солдат: ясно, что симпатии последних находились на стороне большевиков.

Круто расправившись после июльских дней с революционными рабочими и солдатами, Временное правительство под давлением правых элементов и с целью получить поддержку «всей нации» и продемонстрировать свою независимость от советов, созвало с согласия и одобрения ЦИКа, на 12—15 (25 — 28) августа в Москве так называемое «Государственное совещание».

На это совещание были приглашены по преимуществу представители буржуазных организаций, генералитета и офицерства; советские и другие массовые организации были в явном меньшинстве. Число делегатов распределялось следующим образом между разными группами: членов государственных дум всех четырех созывов около 488, крестьян — 100, от советов и общественных организаций — 129, от городских дум — 129, земств — 118, земского и городского союзов — 18, торгово-промышленных кругов и банков — 150, научных организаций — 99, трудовой интеллигенции — 83, армии и флота — 117, духовенства — 24, национальных организаций — 58,[1] продовольственных комитетов — 90, сельскохозяйственных обществ — 51, кооперативов — 313, профсоюзов — 176, правительственных комиссаров — 33, военного ведомства — 16 и пр. Представители от столичных советов допущены не были. Советские организации были представлены лишь делегацией ВЦИК, из которой накануне совещания были исключены представители партии большевиков. Таким образом, как видно, состав совещания имел откровенно контрреволюционный характер.

Накануне открытия совещания буржуазия проявила кипучую деятельность. В Москву потянулись все крупные лидеры помещиков и буржуазии.

Перед частным совещанием «общественных деятелей» 3/16 августа состоялся съезд торгово-промышленников. На этом съезде Рябушинский произнес свою знаменательную речь, в которой ругал

[1] Кстати сказать, Украинская центральная рада отказалась участвовать в этом „совещании", мотивируя это тем, что Временное правительство проводит империалистическую политику, душит освободительные стремления угнетенных при царизме наций и что с этим правительством рада не желает иметь ничего общего.

Временное правительство и вождей мелкобуржуазной демократии — меньшевиков и эсеров, называя их политическими шарлатанами; всю вину за разруху и падение производительности труда он взваливал на рабочих, которые, по его мнению, не выполнили своего долга перед государством, а потому претендовать на руководящую роль в государстве не могут. Спасение от краха Рябушинский видел в том, что «лишь тогда, когда катастрофа станет всем очевидной, поймут, каким опасным шли путем. Костлявая рука голода и народной нищеты схватит за горло друзей народа — членов разных комитетов и советов. Тогда они опомнятся. Стонет русская земля от их товарищеских объятий. Скоро народы поймут и скажут — прочь, обманщики народа!.. Пусть развернется во всю ширь стойкая натура купеческая! Люди торговые, надо спасать землю русскую». Это была программа всей крупной буржуазии; путем саботажа и локаутов, путем отдачи германцам Риги и Питера, она хотела довести страну до полной катастрофы, чтобы задушить революцию.

8 августа открылось далее, так называемое, частное совещание общественных деятелей. Присутствовало по особому приглашению около 300 человек. Заседание происходило при закрытых дверях. Состав собрания был чрезвычайно интересный: присутствовал цвет промышленной буржуазии, помещиков, буржуазной интеллигенции и генералитета, Рябушинский, Третьяков, Родзянко, Милюков, Кишкин, генерал Алексеев, Каледин, Юденич и др. На этом совещании как-раз и обсуждались вопросы, касавшиеся готовившегося контрреволюционного переворота. Более нетерпеливо настроенные хотели приурочить его к моменту Государственного совещания. В этом смысле очевидно был информирован и генерал Корнилов, направивший к моменту совещания без ведома правительства несколько казачьих полков на Москву и Петроград. В день Московского совещания, как известно, переворот однако не состоялся; к нему еще не были готовы, и его пришлось отложить на несколько недель.

На совещании общественных деятелей буржуазия тем не менее громко заговорила о необходимости твердой, сильной власти. Произносились обличительные речи против правительства. По адресу советов и других революционных организаций раздавались угрозы. При наличии двух претендентов на диктаторство — Керенского и Корнилова — симпатии собрания были на все 100% на стороне Корнилова; в посланной ему телеграмме говорилось, что подрыв авторитета генерала Корнилова совещание считает преступлением, что в защиту генерала оно присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казачества и что «в грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой».

Меньшевики и эсеры были так заняты разными комбинациями и блоками с кооператорами и другими мелко-буржуазными оппортунистическими организациями, что совершенно проглядели всю эту предварительную мобилизацию контрреволюционных сил.

Как отнеслась партия большевиков к Государственному совещанию в Москве?

Большевики к Московскому совещанию отнеслись резко отрицательно. На заседании ЦК 5 августа было решено участвовать на со-

вещании с целью разоблачения Временного правительства и соглашателей, создать там фракцию, выработать декларацию, которую при открытии огласить и демонстративно удалиться. Решено было также издать листовку, выработать резолюцию и поместить целый ряд статей в газетах. Было решено рекомендовать организациям на местах устроить митинги, демонстрации, забастовки и т. д. В опубликованном от имении ЦК воззвании говорилось, что Временное правительство, в целях срыва Учредительного собрания, созвало свой контрреволюционный центр, что советам и комитетам теперь объявлена смертельная война. «Нетрудно понять, — гласило воззвание, — что при таких условиях совещание, созываемое на сегодня в Москве, неминуемо превратится в орган заговора контрреволюции против рабочих, которым угрожают локаутами и безработицей, против крестьян, которым «не дают» земли, против солдат, которых лишают свободы, добытой в дни революции, заговора, прикрываемого «социалистическими фразами» эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание».[1]

Далее в том же воззвании указывалось, что задача передовых рабочих заключается в том, чтобы сорвать маску с этого совещания, разоблачить меньшевиков и эсеров и организовать митинги протеста против этого контрреволюционного сборища. Заканчивалось воззвание призывом не поддаваться на провокацию и не делать без призыва партии никаких уличных выступлений. Предупреждение против уличных выступлений говорит о дальновидности партийного руководства. Учитывая возможность контрреволюционного переворота, оно имело все основания полагать, что контрреволюционные организации инсценируют массовые выступления, дабы замаскировать задуманный ими переворот.

Созывая Государственное совещание в Москве, Временное правительство, очевидно, решило уйти от накаленной революционной атмосферы Петрограда. В расчете опереться на консервативные слои мещанства и купечества старой столицы, оно совершенно упустило из виду московский пролетариат, который вопреки всем розовым надеждам Временного правительства, не только никакого гостеприимства ему не оказал, а наоборот ясно и определенно проявил свою враждебность этому контрреволюционному собранию и его инициаторам.

Московская организация большевиков проявила в дни Государственного совещания кипучую деятельность и доказала, что за ее спиной стоит весь московский пролетариат. В среде Московского комитета наблюдались некоторые разногласия по отношению к способам реагирования на созыв «совещания»; по этому вопросу выявились три точки зрения: одни стояли за демонстрацию, другие за всеобщую забастовку, третьи были против демонстрации, забастовок и вообще против всяких встреч. Большинство стало на точку зрения необходимости устройства однодневной забастовки протеста. Товарищи, высказывавшиеся против демонстрации, указывали на опасность, как бы контрреволюционеры не использовали демонстрацию для своих целей. Предложение никак не реагировать

[1] Протоколы ЦК РСДРП, стр. 19.

на созыв совещания, устроив ему своего рода бойкот, свидетельствовало о наличии в Москве товарищей, которые под видом крайне левых мотивов плелись в хвосте событий, хотели избегнуть активной борьбы и не желали организовать и сплотить пролетариат и гарнизон в предвидении предстоявших боев.

Специально созванная по этому вопросу Московская общегородская конференция также высказалась за устройство однодневной забастовки протеста. Резолюция конференции оповещала о решении ее: 1) с целью разоблачения контрреволюционного собрания огласить декларацию и уйти, 2) организовать митинги протеста и устроить однодневную забастову протеста в день открытия совещания.

По вопросу о Московском совещании партии большевиков пришлось дать бой меньшевикам и эсерам, и надо признать, что в этом бою большевики оказались победителями. Так как в Московском совете рабочих и солдатских депутатов большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, то наша партия начала мобилизацию масс по советской линии с районных советов. На пленумах большинства районных советов были приняты большевистские резолюции. Меньшинство советов, не одобряя созыва Государственного совещания, от активного выступления против него воздержалось до решения этого вопроса на пленуме Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

Лучше дело обстояло в профессиональных организациях. В Центральном московском бюро профсоюзов и в большинстве правлений профсоюзов Москвы большинство было на стороне большевиков и интернационалистов. 9 (22) августа на заседании Центрального бюро профсоюзов совместно с правлениями 41 профессионального союза, с участием представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов и политических партий, большинством голосов была принята резолюция против Московского совещания и за однодневную забастовку протеста.

Накануне открытия совещания 11 (24) августа собрался пленум Московского совета рабочих и солдатских депутатов. Несмотря на решения большинства районных советов и на решения профсоюзов Москвы, пленум после горячих прений большинством в 26 голосов высказался против забастовки. В виду резко отрицательного отношения московского пролетариата к совещанию соглашателям однако все же пришлось отказаться от мысли провести резолюцию, одобрявшую этот котрреволюционный съезд. Даже соглашатели принуждены были высказаться за устройство на фабриках и заводах митингов и собраний. Таким образом несмотря на формальное поражение большевиков по вопросу о забастовке, по существу они одержали и в Московском совете моральную победу.

Несмотря на запрещение Московским советом устройства забастовки, она все же по призыву большевистской партии и профсоюзов блестяще удалась и испортила не мало крови контрреволюционным заговорщикам и мелкобуржуазным болтунам, искавшим «живых сил революции» среди помещиков, капиталистов и контрреволюционного генералитета.

В день открытия совещания забастовало около 400 000 московских рабочих. Характерно, что бастовали не только крупные фа-

брики и заводы, но и целый ряд мелких предприятий, стоял трамвай, бастовали рестораны, кафе и т. д., что, несомненно, подействовало удручающе на тех, кто надеялся найти в Москве тишину и спокойствие, кто хотел использовать Москву для своих контрреволюционных целей.

Не один только московский пролетариат резко выступил против совещания; целый ряд провинциальных советов, по инициативе большевиков, высказался за бойкот его. Другие советы, например Костромской, Владимирский, Гусь-Хрустальнинский, Подольский решили объявить однодневную забастовку. Даже те организации, которые высказались за участие в совещании, считали, что это необходимо для того, чтобы разоблачить его контрреволюционную сущность.

Само это совещание кончилось полным банкротством. Несмотря на театральную декламацию главы правительства, бонапартенка Керенского, выставлявшего свою персону на первое место и угрожавшего «железом и кровью» и правым и левым, со всей ясностью обнаружилось, что правительство не пользуется симпатиями в стране. Несмотря на братание меньшевиков с промышленниками и обмен рукопожатиями Церетели с Бубликовым, что по мнению соглашателей должно было означать классовый мир и согласие, всем мало-мальски здравомыслящим людям было ясно, что ни о каком всенародном союзе не может быть и речи, что правительство на этом собрании никакой поддержки не нашло, а наоборот потеряло еще и тот авторитет, которым оно пользовалось до совещания.

На совещании получили отчетливое выражение две противоположные точки зрения: одна, высказанная генералами Корниловым и Калединым, и другая, провозглашенная от имени большевистской фракции профсоюзов и других демократических организаций.

Генералы вместе с октябристами и кадетами высказывались за полновластие помещиков, капиталистов и генералов, требовали обуздания рабочих и солдат, разгона их организаций, подчинения всей страны интересам продолжения империалистической войны, милитаризации промышленности и железных дорог и превращения всей страны в вотчину ставки. Отрицалось всякое вмешательство государства в область производства и цен.

В большевистской декларации, поданной в президиум совещания, говорилось, что помещики и буржуазия в союзе с генералитетом готовят рабочим, солдатам и крестьянской бедноте кровавую расправу и хотят целиком вернуть себе власть над ними, что Временное правительство, якшающееся с контрреволюционными элементами страны, называющее последних «живыми силами», «само стало орудием контрреволюции и международной реакции». Далее в декларации заявлялся протест против созыва этого контрреволюционного собрания и против затыкания рта истинным представителям рабочих и беднейших крестьян. Заканчивалась декларация заявлением, что «пролетариат не допустит торжества буржуазных насильников. Пролетариат доведет революцию до конца, обеспечит крестьянам — землю, народу — мир, хлеб и свободу. Российский про-

летариат, сообща с международным пролетариатом, положит конец господству капитала над порабощенным человечеством».[1]

На совещании Чхеидзе от имени «революционной демократии» огласил длинную резолюцию, основной смысл которой заключался в призыве к жертвам для спасения революции и обороны страны. В резолюции говорилось, что необходимо установить контроль со стороны государства над торговлей и промышленностью, что необходимо установить твердые цены не только на хлеб, но и на все другие предметы промышленности, и провести государственное регулирование зарплаты. Как известно, при Временном правительстве ни одно из этих умеренных и архиосторожных мероприятий не было проведено в жизнь.

Такие основные вопросы революции, от которых действительно зависел дальнейший ход последней, как например вопрос о помещичьих землях, национальный вопрос и другие, были отложены до Учредительного собрания. Вопрос о мире был решен в пользу продолжения войны, конечно, в «целях обороны», ибо под другим соусом тогда вести войну было абсолютно невозможно.

Если говорить о результатах и достижениях Московского совещания, то таковые достались лишь контрреволюционной буржуазии. Она открыто продемонстрировала свою ненависть к революции, она произвела смотр своих сил и выработала общий план ближайших действий.

Уже в дни Московского совещания генерал Корнилов проявил открытое неповиновение Временному правительству. Несмотря на телеграмму Керенского, предлагавшую Корнилову остаться в ставке, он с большой помпой приехал в Москву, где ему была устроена торжественная встреча. Юнкера носили его на руках, буржуазные дамы бросали цветы, известная миллионерша Морозова на коленях целовала его одежду. Сам Корнилов по примеру царственных особ поехал в Иверскую часовню помолиться богу. В речи, произнесенной на Московском совещании, кроме ругани по адресу рабочих и солдат и провозглашения контрреволюционной программы, Корнилов прямо угрожал восстанием, даже намечая сроки, дольше которых терпеть он не согласен (потеря Риги). На самом деле он так и сделал. Рига была нарочно сдана германцам (косвенно это должен был признать комиссар Временного правительства эсер Станкевич) с целью облегчить проведение задуманного переворота.

У Корнилова в вагоне происходили беспрерывные совещания с октябристами, кадетами и крупнейшими представителями финансового мира — Путиловым и Вышнеградским. Все нити происшедшего двумя неделями позже корниловского восстания тянутся к Московскому совещанию.

Корнилов и его покровители и наставники очевидно хотели произвести государственный переворот уже в дни Московского совещания, с каковой целью, как указано выше, им были двинуты казачьи части к Петрограду и Москве.

Когда в дни Московского совещания меньшевики и эсеры узнали о готовящемся перевороте и о движении корниловских войск на

[1] Протоколы ЦК РСДРП, стр. 16—17.

Москву, они серьезно испугались, как бы корниловцы одновременно с резней большевиков не сорвали голову и им. Соглашательские лидеры Московского совета, запретившие после июльских дней большевикам доступ в казармы, вдруг раздобрели и с целью поднятия настроения гарнизона разрешили на три дня большевистским агитаторам посещать казармы. Для борьбы с возможным выступлением корниловцев при Московском совете был создан подпольный коалиционный комитет, в который входили 7 человек: два большевика, два меньшевика, два эсера и один из штаба.

По свидетельству участника событий т. Пятницкого для подсчета сил, способных дать отпор Корнилову, было созвано межпартийное совещание, на котором участвовали и представители МК большевиков. На собрании выяснилось, что ни у меньшевиков, ни у эсеров, ни у интернационалистов в Москве почти никаких боевых сил нет. На предложение информировать о состоянии большевистских сил т. Пятницкий от имени МК заявил: «Мы не гарантированы, что эсеры и меньшевики не арестуют отдельных наших офицеров и не раскассируют названные мною части и что МК согласен координировать действия в том случае, если будут освобождены революционные солдаты и офицеры — члены нашей партии... От имени МК я тогда им заявил, что если они действительно будут бороться с Корниловым и корниловцами, то бороться будем фактически вместе, ибо независимо от них МК с корниловцами будет бороться также, как и вся наша партия».[1]

В этой же статье т. Пятницкий пишет, что в ту же ночь большевики собрались отдельно, подсчитали свои силы и выработали план дальнейшей деятельности.

В дни Московского совещания наша партия развила активную деятельность; была мобилизована вся рабочая Москва; усилилась работа по организации и обучению красной гвардии. Военная организация развила активную работу среди Московского гарнизона.

Когда выяснилось, что затея корниловцев провалилась, меньшевики и эсеры начали бить отбой и стали снова теснить большевиков, но полностью восстановить положение, существовавшее до Московского совещания, им уже не удалось. В эти дни большевики связались с казармой, и вытеснить их оттуда у меньшевиков и эсеров уже не хватило сил.

Невозможность произвести переворот в дни Московского совещания вовсе не привела к отказу корниловцев от идеи переворота. Наоборот как-раз после Московского совещания подготовка к перевороту приняла тем более широкий характер, что именно во время Московского совещания был выработан общий политический план предстоящей кампании и под него была подведена солидная финансовая база, причем не обошлось конечно и без давления представителей англо-французского империализма, симпатии которых на все 100% были на стороне Корнилова.

Со стороны главных инициаторов переворота — кадетов — план был выработан очень тонко. Кадеты хотели произвести переворот

---

[1] „От Февраля к Октябрю", стр. 56.

так, чтобы власть неизменно, «законно» оказалась бы в руках военной клики. В заговор были втянуты кроме оголтелых черносотенцев также и «социалисты» — Керенский, Савинков, Филоненко и другие. С ведома Керенского был выработан подробный план разоружения Кронштадта, и согласован вопрос о переброске к Петрограду 3-го конного корпуса.

Конечно, наивно было думать, что Керенский при его болезненном самолюбии и стремлению к диктаторствованию согласится уступить власть Корнилову. Есть полное основание думать, что, подтягивая 3-й конный корпус к Питеру, Керенский на него имел свои собственные виды. Об этом говорит предъявленное Савинковым генералу Корнилову требование не назначать командующим корпусом корниловца генерала Крымова. Очевидно, план Керенского состоял в следующем: идя навстречу требованиям буржуазии и английского посла Бьюкенена о создании военной диктатуры, Керенский решил подтянуть войска к Питеру и, произведя соответствующую перетасовку в командном составе корпуса, с помощью этих войск расправиться с петроградским пролетариатом и объявить свою собственную диктатуру. В показаниях по делу Корнилова он пишет, что после июльских дней к нему явилось много лиц с предложением объявить и возглавить военную диктатуру.

Из протокола, составленного в ставке, видно, что 24 августа в Могилев приехал управлявший военным министерством Савинков и показал при свидетелях в разговоре с Корниловым те законопроекты, которые по требованию Корнилова разработаны и в ближайшее время будут утверждены Временным правительством. При этом Савинков заявил, что проведение этих законопроектов в жизнь может встретить препятствие со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов и большевиков, якобы готовящих 28 августа (10 сентября) выступление. Поэтому Савинков обратился к Корнилову с просьбой сосредоточить к концу августа у Петрограда 3-й конный корпус, которому по мнению Савинкова, придется действовать не только против большевиков, но и против Совета. Тут же Савинков заявил, что действия должны быть «самые решительные и беспощадные». На это Корнилов ему ответил, что он иных действий и не понимает и что выступление большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов «будет подавлено со всей энергией». При выполнении этой операции единственным условием Савинков ставил назначение командиром корпуса вместо Крымова какого-нибудь другого генерала. На этом же совещании был согласован вопрос о подчинении Петроградского военного округа непосредственно Корнилову и об образовании особого Петроградского генерал-губернаторства.

Корнилов и его советники, изо дня в день наблюдая, как Временное правительство капитулирует перед ними, очевидно, полагали, что и в данном случае при объявлении диктатуры Корнилова оно уступит. С целью привлечь Керенского на свою сторону, корниловцы решили включить его в свой кабинет в качестве министра юстиции. На наивный вопрос В. И. Львова: «для чего они, в сущности, в свой кабинет включают Керенского, когда в душе они против него», со-

ветник Корнилова Завойко ответил: «это надо, как имя для солдат, но что это только на 10 дней, а потом его уберут».[1]

Таким образом налицо имелось два претендента в диктаторы, враждовавших между собой и помышлявших лишь о том, как бы сорвать друг другу голову. Оба они в одинаковой степени ненавидели революционный пролетариат и его партию — большевиков и одинаково готовы были прибегнуть к провокации, инсценируя большевистское выступление, которое облегчило бы задачу контрреволюционного переворота. Однако, в интересах исторической правды, должно отметить, что в этом вопросе корниловцы действовали смелее, чем Керенский. Штаб Корнилова уже в течение всего августа месяца тайно вербовал и направлял в Петроград надежных офицеров, которые совместно с существующими черносотенными организациями должны были к моменту подхода корниловских войск к Петрограду начать резню в городе и таким образом облегчить задачу взятия города подошедшими войсками.

Из воспоминаний В. Н. Львова мы знаем, что под видом выступления большевиков 28 августа старого стиля должен был выступить со своими молодцами известный впоследствии по гражданской войне в Оренбурге атаман Дутов. Черносотенцы 28 августа не выступили только потому, что струсили перед мощным порывом питерского пролетариата, поднявшегося как один человек, чтобы отразить надвигающуюся в лице приближавшихся войск Корнилова смертельную опасность для революции.

С началом передвижения 3-го конного корпуса к Петрограду буржуазные газеты усиленно стали муссировать слухи о, якобы, готовящемся на воскресенье большевистском выступлении. В газете «Известия» 26 августа (8 сентября) напечатано воззвание, в котором сказано: «в контрреволюционных уличных газетах пишут о готовящейся на 27 августа (9 сентября) резне. На заводы являются люди в солдатской форме и призывают рабочих к вооруженным выступлениям. Далее воззвание призывало рабочих и солдат не поддаваться провокации и без ведома рабочих организаций не устраивать никаких демонстраций.

Аналогичный призыв нашей большевистской партии был помещен в газете «Рабочий» от 26 августа (8 сентября). В нем говорилось: «темными личностями распускаются слухи о готовящемся на воскресенье выступлении и ведется провокационная агитация якобы от имени нашей партии. ЦК РСДРП призывает рабочих и солдат не поддаваться на провокационные призывы к выступлению и сохранить полную выдержку и спокойствие». Из той же газеты явствует, что в эти дни участилась провокационная стрельба из квартир, чердаков и т. д.

В кампании провокации и подготовки столкновений черносотенцы были не одни; им по мере сил помогало также Временное правительство. На самом деле иначе как провокацией нельзя объяснить факт закрытия 25 августа (7 сентября) большевистской газеты «Пролетарий», закрытой как-раз в тот момент, когда она вела кампанию по успокаиванию масс в связи с прорывом рижского фронта.

[1] Цитировано по книге Е. И. Мартынова „Корнилов", стр. 88.

Однако, попытки к провокации успеха не имели. Рабочие и солдаты, руководимые большевистской партией, на провокацию не поддались.

Контрреволюционеры активно готовились к выступлению; штаб Корнилова совместно с главным союзом офицеров концентрировал в Петрограде офицерские силы. В то же время меньшевики и эсеры занимались дезорганизацией сил революции: они противодействовали организации вооруженной Красной гвардии, они, начиная с июльских дней, содействовали разоружению и выводу на фронт революционный войсковых частей. Еще накануне выступления Корнилова 25 августа (7 сентября) на заседании солдатской секции Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов усилиями меньшевиков и эсеров, при сильном возмущении большевистской части собрания, было принято постановление об отправке на фронт оставшихся еще в Питере участников июльской демонстрации. На протесты солдат и указания, что их выводят из революционного Петрограда в тот момент, когда к городу приближается посланная Корниловым кавалерия, Кузьмин ответил, что кавалерия нужна для восстановления дисциплины в гарнизоне. Выступившие в прениях меньшевики и эсеры требовали беспрекословного выполнения «боевых» приказов Корнилова. В этом духе усилиями соглашателей и была принята соответствующая резолюция.

Усилиями меньшевиков и эсеров к моменту выступления генерала Корнилова, Петроградский гарнизон был совершенно деморализован. Войска находились не в боевом порядке, винтовок и патронов было недостаточное количество. При выступлении полков против Корнилова оказалось, что у них не имеется автомобилей, кухонь, пулеметов, телефонов и т. д. Позднее Верховский на заседании ВЦИКа говорил, что Петроградский гарнизон в дни выступления Корнилова находился в таком положении, что достаточно было одной кавалерийской дивизии и одного тяжелого дивизиона, для того чтобы разогнать весь гарнизон.

Несмотря на репрессии, обрушившиеся после июльских дней на нашу большевистскую партию, несмотря на полулегальное существование большевистской военной организации и рабочей Красной гвардии, только она одна вела работу по сплачиванию гарнизона и по организации боевых отрядов рабочей Красной гвардии, только она одна имела связь с массами и только большевики в дни корниловщины имели реальную силу, что должен был признать даже Керенский, который в страхе за свою шкуру обратился к большевикам с призывом дать Корнилову отпор.

Согласно договору между Савинковым и Корниловым при подходе 3-го конного корпуса к столице Корнилов должен был дать Савинкову телеграмму об объявлении военного положения в Петрограде.[1] В это время правительство должно было подать в отставку.

В такой политической обстановке черносотенцы должны были инсценировать большевистское восстание, для усмирения которого и вступили бы корниловские войска, на обязанности которых ле-

[1] В действительности такая телеграмма в Петрограде 28 августа Савинковым была получена.

жало разогнать советы, перестрелять не только большевиков, но и часть соглашателей, и установить военную диктатуру. О намерениях Корнилова его вдохновитель Милюков пишет следующее: «Корнилов, заранее решивший не уходить, хотел при помощи этих войск (3-го конного корпуса — *О. Л.*) произвести в Петербурге чистку и даже резню советов по своему вкусу... Для Корнилова не только все советские деятели, но и министр Чернов, были изменниками, предателями и германскими агентами. *И он всем им готовил Варфоломеевскую ночь*». (Курсив мой — *О. Л.*).

Заговор расстроился в самую последнюю минуту. Милюков в этом обвиняет члена правительства Вл. Львова, который, по его словам, двумя днями раньше рассказал Керенскому такие вещи, о которых последний не должен был знать.

Дело обстояло следующим образом: Вл. Львов, приехавший с ведома Керенского в ставку Корнилова накануне восстания и видя, что готовится Варфоломеевская ночь, начал договариваться с Корниловым о безопасности жизни Керенского. Корнилов ответил, что за голову Керенского в Петрограде он не ручается, и поэтому благоразумнее было бы, если бы Керенский приехал в ставку, тем более, что Крнилов намерен его включить в состав нового министерства в качестве министра юстиции.

Львов, вернувшись в Петроград, доложил все это Керенскому и, указывая, что его жизнь в опасности, настойчиво советовал поехать к Корнилову. Керенский, увидя в решительную минуту, что события начинают принимать для него чрезвычайно неприятный оборот, что диктатором будет не он, а Корнилов, и что все его планы рушатся, струсил и в паническом страхе отшатнулся от Корнилова. Любопытно отметить в этой истории поведение кадетов, знавших о готовящемся перевороте, но не ставивших об этом в известность Временное правительство. Набоков пишет, что в 20-х числах августа к нему явился Львов и передал записку, в которой было сказано приблизительно следующее: «тот генерал, который был вашим визави за столом, просил вас преупредить министров К. Д., (т. е. кадетов), чтобы они такого-то августа... кажется 28 августа... подали в отставку, в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности».[2] Дальше Львов, по рассказу Набокова, сообщил ему о том, что готовится переворот и что он (Львов) теперь озабочен спасением жизни Керенского. Набоков об этом разговоре со Львовым сообщил министрам кадетам, которые вместо того, чтобы поставить о нем в известность правительство и принять меры к ликвидации заговора, решили шпионить за поведением Керенского на заседании правительства с целью узнать, известно ли ему о заговоре или нет.

Таким образом, кадеты, входя в правительство и зная о том, что готовится его свержение, даже своих коллег, «социалистических» министров, об этом не информировали, а ждали сигнала для того, чтобы сложить свои портфели и усилить затруднения правительства. На самом деле так и было. Как только Керенский доложил прави-

---

[1] *Милюков.* Россия на переломе, стр. 104.

[2] „Архив русской революции", т. I, ст. Набокова, стр. 44.

тельству, что готовится переворот, кадеты сразу сложили свои портфели и на все время мятежа исчезли из Зимнего дворца. В день наибольшего успеха предприятий Корнилова, 28 августа, к Керенскому явился Милюков в сопровождении генерала Алексеева и настаивал на том, чтобы Керенский сложил свои полномочия и уступил власть Алексееву. Керенский, по свидетельству очевидцев, долго колебался, одно время даже изъявил на это согласие. Только активное выступление петроградского пролетариата против Корнилова расстроило планы кадетов.

Само собою разумеется, что симпатии представителей союзных государств всецело были на стороне Корнилова. Бьюкенен например требовал от Временного правительства примирения с Корниловым и наделения последнего диктаторскими полномочиями.

28 августа Корнилов в специальном обращении открыто известил о своем мятеже. «Я, верховный главнокомандующий Корнилов, перед лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самоотверженность гражданина свободной России и беззаветная любовь к родине заставили меня в эти тяжелые минуты бытия отечества не подчиниться приказанию Временного правительства и оставить за собой верховное командование армией и флотом. Поддержанный в этом решении всеми главнокомандующими я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности верховного главнокомандующего».[1]

Наступление контрреволюционных войск генерала Корнилова подняло на ноги весь петроградский пролетариат. Началась усиленная подготовка вооруженного отпора. Организатором и руководителем питерского пролетариата в эти дни, естественно, была большевистская партия.

Как только в Питере стало известно о приближении контрреволюционных эшелонов, немедленно состоялось расширенное заседание ПК, где подробно было обсуждено создавшееся положение. Тов. Бубнов сделал доклад от ЦК, в котором подчеркивал, что в данный момент борьбы Корнилова с Керенским наша партия должна вести свою собственную линию, не помогая ни Керенскому, ни Корнилову. Организуя борьбу против Корнилова, мы в то же время должны вести политику разоблачения Керенского как замаскированного корниловца. На этом же собрании ПК было решено:[2]

1) устроить дежурство в ПК, в районных комитетах и на заводах и фабриках, 2) установить контакт с районными комитетами, 3) немедленно собрать в районах агитаторов (очевидно, с целью информации и подготовки к предстоящей кампании митингов). В эту же ночь 27 августа (9 сентября) ВО созвала делегатское собрание всех партийных ячеек войсковых частей. В результате этих совещаний по инициативе нашей партии начались митинги во всех войсковых частях и на всех фабриках и заводах. Почти всюду на этих митингах принимались большевистские резолюции, а) осуждавшие политику соглашения с буржуазией, способную привести к торжеству Корнилова и к гибели революции,

[1] Лукомский „Воспоминания", т. I, стр. 246.
[2] Легальный ПК, стр. 253.

б) указывавшие, что только власть рабочих и крестьян сможет спасти страну, в) намечавшие ближайшую программу власти. В этой программе содержалось: 1) декретирование демократической республики: 2) немедленная отмена частной собственности на помещичью землю и передача ее в распоряжение крестьянских комитетов, 3) введение рабочего контроля, национализация важнейших отраслей промышленности, беспощадное обложение крупных капиталистов, 4) объявление тайных договоров недействительными, 5) прекращение репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций, 6) осуществление на деле права наций на самоопределение и т. д.[1]

Выступление Корнилова вызвало панику в среде меньшевиков и эсеров. Опасаясь, как бы Корнилов, расправившись с большевиками, попутно и их не повесил, они организовали для отпора Корнилову при ВЦИКе «Комитет народной борьбы с контрреволюцией», куда пригласили также и большевиков.

Большевики конечно не нуждались в призыве бороться против Корнилова, их ВО энергично действовала уже с момента получения сведений о движении контрреволюционных войск к столице. Но с целью давления на перепуганных соглашателей, они согласились в соответствии с постановлениями ЦК войти в выше названный Комитет лишь при условии выполнения требований: 1) об освобождении арестованных в связи с июльскими событиями большевиков и 2) о вооружении рабочей красной гвардии. Соглашатели приняли эти условия, проведение их в жизнь они однако всячески тормозили, ограничиваясь лишь принятием резолюций, а после подавления корниловщины сразу нарушили данное обещание и стали противодействовать вооружению рабочих.

Созданный в припадке испуга меньшевиками и эсерами широкий комитет «Народной борьбы с контрреволюцией», вследствие преобладания в нем соглашателей, особой энергии не проявил. У руководителей этого комитета не было ни желания, ни реальной силы решительно бороться с корниловцами. Настоящую работу по организации отпора наступавшей контрреволюции развернула большевистская ВО и руководимые большевиками массовые организации: а) междурайонное совещание советов, вопреки бездействовавшему соглашательскому Исполкому Петроградского совета, проявившее активную деятельность по организации массового отпора, б) фабрично-заводские комитеты, вплотную взявшиеся за организацию рабочей красной гвардии, и в) профессиональные союзы. Особенно активно действовал союз металлистов. По призыву большевиков в Красную гвардию сразу записалось около 25 000 рабочих. Трудно было с вооружением, но благодаря настойчивости партийцев и хорошей связи между заводами и воинскими частями все же вооружено было около 20 000 рабочих. Большевики развернули широкую агитацию в массах, они посылали своих агитаторов навстречу корниловским эшелонам, они организовали и выводили полки на позиции против корниловцев, по их призыву рабочие Питера отправлялись рыть окопы в окрестностях города. Авторитет

[1] Протоколы ЦК РСДРП, стр. 47. Декларация большевистской фракции ЦИКа.

большевиков, бывший и до корниловщины значительным среди питерских рабочих, в дни корниловщины еще более укрепился. Большевики явились действительными представителями громадного большинства петроградских рабочих и солдат.

Выступление Корнилова всколыхнуло не только Петроград, но и всю страну. Кронштадт немедленно по получении известий послал для защиты революционный столицы двухтысячный отряд моряков. В Ревеле был организован комитет борьбы против Корнилова, в принятой советом резолюции говорилось, что ни один приказ командного состава не действителен без подписи представителя соответствующего комитета. Под руководством большевиков в Ревеле было приступлено к организации Красной гвардии и были выделены части войск для отправки в Ямбург с целью задержки казачьих частей состава армии генерала Крымова. В Ямбург из Ревеля были посланы агитаторы. В результате всего этого среди казацких частей началось брожение, и посылка из Ревеля в Ямбург революционных отрядов была отменена.

Корниловщина вызвала среди армии и флота Финляндии взрыв негодования. Ненависть и злоба против контрреволюционного Временного правительства была колоссальна, возмущение матросов против сочувствующего Корнилову командного состава привело к целому ряду самосудов. В Гельсингфорсе и Выборге разъяренными матросами были сброшены в воду несколько генералов и офицеров, явных сторонников Корнилова, не желавших дать согласно постановлений матросских организаций подписку о признании революционной власти и за отказ отмежеваться от Корнилова.

В Москве большевистская партия в дни корниловщины развернула широкую работу среди гарнизона и рабочих. Требования были выставлены те же, что и в Петрограде. Особенно усиленная работа велась по организации, вооружению и обучению рабочей Красной гвардии.

По всей стране в борьбе против корниловщины большевики заняли первое место. Благодаря их усилиям большевистские агитаторы проникли в войска Корнилова и вызвали в них брожение. Встреченное ими организованное сопротивление, порча железнодорожного пути и проникшие в войска агитаторы привели к разложению корниловской армии и провалу всего движения. В дни корниловщины очень большая и ответственная роль выпала на долю железнодорожников, значительно облегчивших саботированием передвижения казачьих эшелонов и разрушением пути победу частей, стоявших на страже революции.

Фактически руководя борьбой против Корнилова, наша большевистская партия отнюдь не отказалась от проведения своей собственной политики, которую Ленин определил следующим образом: «никаких блоков с эсерами и меньшевиками, никакой поддержки Временному правительству». «Мы будем воевать, — писал Ленин, — мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Эта разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать ее нельзя». [1]

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 116, изд. 2-е.

Далее Ленин пишет, что свергать Керенского сейчас мы не должны, а должны разъяснять народу слабость и шатание Керенского, что теперь это главное в нашей агитации. «Теперь главным стало, — продолжал Ленин, — усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому: арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадские, выборгские и гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, веди рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. и пр. И не только Керенскому, *не столько* к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова».[1]

Так писал Ленин 30 августа (12 сентября). О том, что наша партия в дни корниловщины вела политику именно в духе советов Ленина, говорит приписка Ленина к вышеупомянутой статье: «прочитав после написания этого шесть номеров «Рабочего», должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую от всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М-на и Вол-го».

Наша большевистская партия, руководя борьбой против Корнилова, выставила требование создания власти из представителей рабочих и солдат, она требовала немедленного освобождения арестованных большевиков и арестов активных контрреволюционеров, она выставила требования вооружить рабочих. По всем этим вопросам, пока существовала реальная угроза со стороны корниловских войск, соглашатели сделали целый ряд уступок; так например комитетом борьбы с контрреволюцией были произведены аресты нескольких контрреволюционеров (освобожденных однако по распоряжению Керенского через несколько дней).

По вопросу о репрессиях против большевиков и питерские и московские соглашатели принимали резолюции, осуждавшие репрессии, но для освобождения арестованных ими никаких шагов предпринято не было. Фактически, несмотря на словесное обещание, они продолжали политику прикрытия контрреволюционной деятельности Керенского.

Так, когда в комитет народной борьбы с контрреволюцией явились в качестве представителей большевистской ВО тт. Подвойский и Невский, меньшевики и эсеры их не приняли, мотивируя это тем, что названные товарищи разыскиваются судебными органами и поэтому включить их в состав названного комитета они считают неудобным.

Организации Красной гвардии и вооружению рабочих соглашатели всячески противодействовали. Когда выяснилось, что рабочие вооружаются в массовом масштабе и что мешать этому никак нельзя, тогда соглашательские партии на заседании комитета борьбы с контрреволюцией 5 сентября постановили число вооруженной милиции (Красной гвардии) ограничить 8000 единицами и высказывались против выдачи оружия на руки и т. д. Та же картина наблюдалась и в Москве. Меньшевики и эсеры и там противодействовали

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 119.

вооружению рабочих, и только под сильным давлением большевиков они принуждены были пойти на уступки и легализировать фактически уже существовавшую Красную гвардию, но с определенной тенденцией свести ее деятельность к нулю.

Поход Корнилова встряхнул всю страну. Корниловщина привела к краху мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров и рассеяла коалиционные иллюзии масс. После корниловщины начался быстрый процесс большевизации советов и других революционных организаций. Даже те организации, где большинство было на стороне соглашателей, под напором масс были принуждены пойти на уступки, принять целый ряд решений, направленных против соглашательской политики ЦИКа и требовать создания однородной демократической власти без цензовых элементов. Были массовые требования ВЦИКу взять власть в свои руки. Газета «Рабочий» пишет, что «ВЦИКом за эти дни получены телеграммы от 126 советов с требованием взять власть в свои руки».

Оценивая значение корниловщины, Ленин писал:

«Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, а именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдают Ригу (а затем и Петроград) немцам, готовы открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян».[1]

Корниловщина вызвала такой большой поворот в политическом настроении масс, что на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 31 августа (13 сентября) впервые большинством 279 голосов против 115 при 51 воздержавшемся была принята большевистская резолюция. Большинством 355 голосов против 254 была также принята большевистская резолюция объединенным пленумом советов Москвы 5 (18) сентября.

Помимо большевизации советов, влияние партии усилилось также в профсоюзах и фабзавкомах. В конце августа и в сентябре большевики завоевали прочные позиции в этих организациях Петрограда, Москвы и других промышленных центров страны. О громадном значении корниловщины для большевизации армии и о настроениях крестьянства поговорим в следующей главе.

Выступление Корнилова поставило вопрос о власти ребром. Как уже сказано выше, Временное правительство распалось от одного только прикосновения Корнилова как карточный домик. Керенский в дни корниловщины продолжал жонглировать между корниловцами и революционными массами. Одной рукой он подписывал самые крикливые приказы и воззвания против Корнилова, другой подписывал назначения явных корниловцев на ответственные долж-

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 139.

ности: так, петроградским генерал-губернатором был назначен Савинков, занимавшийся по его словам первым долгом не организацией обороны Петрограда, а отправкой обратно кронштадтцев и вооружением юнкеров. Сменивший Савинкова известный контрреволюционер Пальчинский первым делом позаботился о закрытии большевистской газеты «Рабочий» и газеты меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь». Очевидно это делалось с ведома Керенского с целью спровоцировать на выступление так сильно взволнованные массы, против которых он хотел использовать подошедшие корниловские войска.

В связи с этим становится понятна вся та политика заигрывания Керенского с корниловцами, генералами Крымовым и Красновым, которые, особенно последний, были встречены не как враги, а как заблудшие друзья. Части 3-го конного корпуса, шедшие против Временного правительства, распоряжением Керенского не были отправлены обратно на фронт, а под видом защиты Петрограда от немцев и предполагаемых беспорядков в Финляндии были стянуты в окрестностях и на путях к столице. По поводу размещения этих войск генерал Краснов писал следующее: «Каждый из нас, уже по самой дисклокации корпуса, понимал, что беспорядки в Финляндии и высадка немцев это тот фиговый листок, которым прикрывались настроения Смольного института и открытая пропаганда Ленина в войсках Петроградского гарнизона».[1]

Комедия, разыгранная с назначением явного корниловца генерала Алексеева формально начальником штаба верховного главнокомандующего, фактически же верховным главнокомандующим, непринятие в течение нескольких дней даже после подавления мятежа мер к устранению Корнилова с его штабом от руководства армией и медлительность, проявленная в деле его ареста, свидетельствуют о желании Керенского договориться с корниловцами и расправиться с революционными рабочими и солдатами.

Как на все эти комбинации смотрели меньшевики и эсеры из ВЦИКа? В эти дни они проявили полную растерянность, колеблясь между революционными рабочими и замешанным в корниловщине Керенским. Фактическое соотношение сил в эти дни было почти аналогично состоянию сил в июльские дни. В эти дни советы легально могли взять власть в свои руки. В борьбе против корниловцев фактическая власть была в руках советов, и после разгрома Корнилова никто не посмел бы выступить против них.

Оценивая создавшееся положение, Ленин писал, что теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот в русской революции, что мы можем как партия предложить меньшевикам и эсерам компромисс, который состоял бы в предложении им взять власть в свои руки, т. е. мы вернулись бы к доиюльскому требованию: «Вся власть советам» с ответственным перед советами правительством из эсеров и меньшевиков.

Ленин считал, что «только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней,* или на одну-две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться мирно... Только во имя этого

[1] *П. Краснов.* На внутреннем фронте, стр. 52.

мирного развития революции — возможности, крайне редкой в истории и крайне ценной возможности, исключительно редкой, — только во имя ее, большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов могут и должны, по моему мнению, итти на такой компромисс».[1]

Смысл этого компромисса, по мнению Ильича, состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве, «отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование». Условием этого компромисса «была бы полная свобода агитации и созыв Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок».[2]

Думали ли большевики, что с переходом власти в руки меньшевистско-эсеровских советов революция будет закончена? Отнюдь нет. Процесс перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую должен был продолжаться. Но это означало, что в случае взятия власти в свои руки мелкобуржуазные демократы должны были порвать с буржуазией и стать на платформу соглашения с пролетариатом. Учитывая природу мелкой буржуазии, ее нерешительность и колебания, можно было быть уверенным, что, взявши власть, она дискредитирует себя перед рабочими, солдатскими и крестьянскими массами, требовавшими решительных действий власти. Под влиянием хозяйственной разрухи, нерешительности политики соглашателей и агитации партии большевиков, массы, разуверившиеся в политике этих партий, отшатнулись бы от них и перешли бы в лагерь большевиков, и завоевание советов большевиками произошло бы мирным путем.

Завоевав мирным путем советы и встав у власти партия большевиков немедлено приступила бы к проведению первых шагов социализма, попутно разрешая вопросы буржуазно-демократической революции. Осуществление этого плана создало бы условие мирного поступательного развития революции, «мирного изживания партийной борьбы внутри советов». Переход власти в руки большевиков совершился бы путем завоевания ими большинства в советах. Правда, вооруженная борьба была бы неизбежна и на этом пути, но все же этот путь являлся наименее кровавым и поэтому наиболее желательным. Однако, меньшевики и эсеры по этому пути не пошли. На заседании ВЦИКа 30 августа и 1 сентября они, несмотря на очевидный распад и полный крах политики коалиции, с пеной у рта продолжали защищать прежнюю политику коалиции с буржуазией. Меньшевик Скобелев договорился даже до абсурда, говоря, что корниловщина не ослабила, а наоборот укрепила идею коалиции.

Урок, извлеченный меньшевиками и эсерами из корниловщины, свелся к тому, что они вручили всю полноту власти авантюристу Керенскому, санкционировав состряпанную при нем «директорию» из пяти лиц, и решили созвать так называемое Демократическое совещание, которое, по мысли его творцов, должно было решить проблему власти.

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 133.
[2] Там же.

Таким образом, путь мирного развития революции был отвергнут соглашателями вторично. Власть опять оказалась в руках буржуазии. Мысли Ленина, высказанные в статье «О компромиссах», оказались «запоздалыми мыслями». В приписке к вышеназванной статье от 1 сентября Ленин писал: «Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли».

Корниловщина в корне изменила политическое положение, существовавшее в стране после июльских дней. В связи с изменившимися условиями в партии опять стал вопрос об иной тактике. *В порядке дня стал вопрос о непосредственной подготовке к захвату власти пролетариатом.* Ленин считал, что к этой задаче мы теперь чрезвычайно приблизились, «что завтра же события могут нас поставить у власти». О новых задачах революции и о тактике партии на этом новом этапе революции скажем в следующей главе.

VI

Процесс полевения масс и Демократическое совещание

Хозяйственная разруха в стране к осени 1917 г. приняла угрожающие размеры. Временным правительством в течение 8 месяцев было выпущено 6,4 млрд. руб. бумажных денег, вследствие чего покупательная способность рубля упала сравнительно с довоенной до 6—7 копеек.

Дороговизна, по сравнению с февралем, возросла в 7,5 раза; рост зарплаты далеко отставал от роста дороговизны; материальное положение рабочего класса ухудшалось с каждым днем. К осени средняя зарплата рабочих по сравнению с довоенной составляла только 62,8%. В связи с ухудшением материального положения рабочих, с изношенностью машин, плохим качеством сырья и увеличением процента женщин и детей на производстве производительность труда в среднем упала на 25%.

Добыча и погрузка угля значительно сократилась, достигнув в октябре только 70% октябрьской погрузки прошлого 1916, тоже кризисного, года. Такие крупные промышленные центры, как Москва и Петроград, получали лишь 30—40% необходимого количества угля. Количество больных паровозов и вагонов к осени увеличилось на 50%.

С марта по август прекратили работу 578 предприятий с 104 372 рабочими. За следующие два месяца — август и сентябрь — закрыто было еще 231 предприятие с приблизительным числом 61 000 рабочих. Безработица приняла угрожающие размеры. К концу сентября в Москве было около 60 000 безработных, и к 1 ноября предполагалось сократить число рабочих еще на 30%.

Продовольственное положение страны было очень тяжелое. С возрастающим распадом сельского хозяйства в стране чувствовался абсолютный недостаток предметов продовольствия. В 1917 г. продовольствия было собрано всего лишь 71,8% довоенной нормы.[1] В результате плохого урожая 1917 г. хлебозаготовки шли чрезвычайно туго. За осенние месяцы (август — ноябрь) они давали от 17 до 35,5% месячного плана. Вследствие отсутствия на рынке промтоваров крестьяне категорически отказывались давать хлеб. За 9 месяцев заготовлено было только около $^1/_3$ плана.

Голодали города, очень тяжелое положение было и в армии, получавшей всего около 50% необходимого продовольствия. Кроме голодания людей на фронте положение с фуражом находилось в еще худших условиях; падеж лошадей от бескормицы к осени принял угрожающие размеры, что привело к полному расстройству всего боевого и хозяйственного механизма армии.

Все эти факты говорят о глубине кризиса. Страна неуклонно приближалась к полной экономической катастрофе. Чтобы выйти из этого положения, необходимо было принять меры к немедленному прекращению войны. Только вмешательство государственной власти в сферу хозяйственной жизни и осуществление следующих мероприятий: национализация земли, национализация банков и крупной промышленности, принудительное синдицирование целого ряда отраслей хозяйства, беспощадное сокращение прибылей капиталистов и реорганизация производственного аппарата — могли предотвратить надвигающуюся катастрофу. Но все эти мероприятия безусловно ударили бы по карману буржуазии, несмотря на призывы меньшевиков нисколько не расположенной к жертвам.

Ленин в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» писал, что у нас в России капитализм стал монополистическим и что, подвигаясь вперед к следующему этапу, этот монополистический капитализм должен превратиться в государственно-монополистический, который «есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверье* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*».[2] Ильич считал, что правильное решение экономической проблемы неизбежно приближает нас к социализму. Он прямо писал «что нельзя итти вперед, не идя к социализму». Отсюда основная проблема — переход государственной власти в руки пролетариата.

Нельзя отрицать у некоторых деятелей Временного правительства понимания того положения, что спасти страну возможно только путем введения госкапитализма. Об этом свидетельствует записка Степанова и декларация, оглашенная Чхеизде на Московском совещании. Но в целом буржуазия решительно сопротивлялась всяким мало-мальски серьезным попыткам государственной власти вмешиваться в сферу ее частной инициативы.

Вопрос о государственной власти находился в таком неустойчивом положении, что буржуазия из опасения, что власть может ока-

[1] Цифры взяты из статьи *А. Сидорова* „Экономическая программа Октября," журнал „Пролетарская революция" № 6, 1929 г.

[2] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 187.

заться в руках большевиков, не имела никакого желания расширить функции государственной власти в области хозяйственной деятельности.

Экономическая разруха и связанная с ней безработица и голод усилили и обострили в стране классовую борьбу. В течение всего лета и осени происходили беспрерывные конфликты рабочих с промышленниками. Некоторые стачки носили очень упорный и длительный характер. Для примера можно указать на забастовку московских кожевников, длившуюся два с половиной месяца, и на стачку ревельских рабочих, продолжавшуюся около трех недель, на подготовку предпринимателей к всероссийскому локауту текстилей накануне Октября и на беспрерывные конфликты и забастовки, создавшие очень напряженное положение в промышленности. Чрезвычайно обостренное положение создалось в Донбассе, где, вследствие закрытия рудников, вопросы зарплаты и безработицы вызвали сильное брожение среди рабочих; по требованию промышленников рудники были заняты казаками, что еще больше накалило и без того горячую атмосферу и довело в октябре до забастовки.

Непрекращавшиеся экономические стачки, борьба за 8-часовой рабочий день, борьба за тариф — все это имело громадное значение для развития классового сознания рабочих. Соглашательство постепенно изживалось на почве экономической борьбы. Большевики, руководя экономической борьбой пролетариата, завоевали его доверие, связались с ним и повели его за собой к борьбе политической.

Аграрное движение в 1917 г. развивалось в усиленной степени и имело явно антипомещичий характер. Рассматривая случаи крестьянского движения по социальному составу лиц, против которых оно направлено, мы видим, что борьба против помещиков составляет 85,6% общей суммы всех крестьянских выступлений. По общим суммарным и далеко не полным данным за 8 месяцев революции было зарегистрировано около 5782 случаев крестьянских выступлений, причем последние распределяются по отдельным месяцам[1] следующим образом:

Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Итого
0,9	7,5	12,6	18,3	17,0	11,4	13,3	19,1	100,0%

Итак, общий ход движения следующий: с марта по июнь — движение беспрерывно растет, в августе наблюдается значительное его падение, а с сентября наступает новый подъем, достигающий в октябре (данные только за первые 20 дней октября) рекордной цифры.

Более характерны, чем эти общие цифры, данные о характере движения. В первые месяцы революции движение имело по преимуществу характер мирной легальной борьбы против помещиков; пря-

[1] Цифры взяты из статьи *Верминичева* в книге „Аграрная революция", т. II „Крестьянское движение" 1917 г.

мой захват, крестьянский террор и разгром имений в эти месяцы не играет главной роли. Иное дело после августа, когда движение принимает более резкий характер; например, если в мае разгром имений составлял всего 3,7%, то в октябре количество разгромов достигает 26,7% всех выступлений. Если из общего количества выступлений выделить разгромы имений, то мы получим следующую картину: за первые 6 месяцев всего 27,2% разгромов, за сентябрь — 20,3%, а за первые 20 дней октября — 52,5%.

Август месяц является переломным моментом в истории крестьянского движения. В связи с общим курсом контрреволюционной политики Временного правительства, с августа начавшего применять вооруженную силу против крестьян, движение временно количественно затихает, а качественно принимает другой характер. Если в первые месяцы революции крестьянские выступления в своем большинстве протекают организованно под руководством крестьянских организаций, то к октябрю они принимают явно стихийный, неорганизованный характер. Так, в июле на 100 случаев неорганизованного движения приходилось 120 случаев организованного движения, а в октябре на 100 случаев неорганизованного движения приходилось только 14 случаев организованного движения. Усилия эсеров сохранить свое влияние среди крестьян и овладеть движением потерпели полнейший крах. Посылая в деревню казаков, эсеровские министры тем самым окончательно подорвали свое влияние в деревне и способствовали скорейшему изживанию соглашательских иллюзий.

Чем ближе к октябрю, тем быстрее падает среди крестьянства авторитет эсеров. В районах с более глубоким крестьянским движением сильно возрастает влияние левых эсеров, но заметно усиливается также влияние партии большевиков. Благодаря своему преобладающему влиянию в городах и среди армейской массы большевики через землячества, через свои военные организации и с помощью на специальных курсах и школах распропагандированных солдат-отпускников начинают постепенно распространять свое влияние и на деревню. Среди стихийного неорганизованного движения крестьян в октябре заметно чувствовалось влияние большевистски настроенных солдат. Лозунги нашей партии — «Мир», «Земля народу», «Немедленный организованный захват помещичьей земли» получили полное одобрение крестьянства. Вокруг них происходила политическая консолидация распыленной крестьянской массы в стремлении к окончательной расправе над вековым угнетателем — помещиком.

Среди крестьянства начинали распространяться враждебные настроения не только против помещиков, но и против их защитника — буржуазного Временного правительства. Идея коалиции с буржуазией теряла кредит в крестьянстве, о чем говорят следующие факты: (18 сентября) 1 октября на совещании советов крестьянских депутатов за неограниченную коалицию высказывались исполнительные комитеты четырех советов; за коалицию без кадетов — исполнительные комитеты трех советов и советы крестьянских депутатов 11-й и 3-й армии; против коалиции высказались представители 18 губернских советов крестьянских депутатов и представители от крестьянских советов 4-й, 5-й, 6-й и 7-й армий, а также исполнительный комитет Севастопольского совета крестьянских депутатов, исполнительный ко-

митет совета армии и флота Финляндии и закавказская краевая крестьянская организация.

В заседании Петроградского совета крестьянских депутатов 2 (15) октября была принята резолюция о переходе всей власти в руки советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов.

Положение в армии было катастрофическое. Об этом свидетельствовала сводка донесений ставки верховного главнокомандующего за время с 15 по 30 октября. «Общее настроение армий, — читаем мы в сводке, — продолжает быть напряженным, нервно-выжидающим, каким оно было в первой половине месяца. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, попрежнему является неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий, в виду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира угнетающе действуют на настроение и приводят к разочарованию. В этом отношении особенно характерный отзыв дает командующий 12-й армией, который говорит, что армия представляет из себя *«огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную* (курсив мой — *О. Л.*) толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием». Такая характеристика без особой натяжки может быть применена ко всему фронту вообще.[1]

Там же дальше в этой сводке есть указание на сильный рост революционного движения среди солдат националов: украинцев, литовцев, латышей и поляков, недовольных политикой Временного правительства.

В связи с ростом общего недовольства в стране, с ростом крестьянского движения, с надвигающейся зимней кампанией сидения в холодных и сырых окопах без хлеба, без теплых вещей, не видя никакого смысла в дальнейшем продолжать войну, солдатская масса негодовала, читая полученные из деревни письма, в которых описывались безобразия, творимые казаками в деревнях. У солдат руки чесались скорее бросить фронт, вернуться в деревню и расправиться с помещиком и его агентами — комиссарами Временного правительства. Так как в своем стремлении к миру и к земле солдатская масса нашла действительную поддержку только со стороны партии большевиков, то естественно, что влияние большевиков в армии быстро росло, и к октябрю почти во всех армиях низовые армейские организации — ротные, батальонные и полковые комитеты — находились под большевистским руководством.

Сильное недовольство политикой Временного правительства было среди финнов, украинцев, латышей, мусульман и других, при царизме угнетенных народностей. Временное правительство, проникнутое духом великодержавного империализма, и слышать не хотело о законных и очень скромных требованиях этих народностей; оно находилось в постоянном конфликте с украинцами и финнами, порой принимавшем очень обостренный характер, причем правительство прибегало к таким крайне рискованным мероприятиям, не приносившим ему никакой пользы, как разгон финляндского сейма, как

[1] Разложение армии в 1917 г. Центроархив, изд. 1925 г., стр. 143.

смехотворное накладывание печатей на дверях сейма, что конечно не могло воспрепятствовать созыву заседаний сейма, но окончательно подорвало доверие к правительству среди националов.

Последовательно защищая как во всех других вопросах, так и в национальном программу права нации на отделение, большевистская партия пользовалась симпатиями самых широких масс трудящихся Украины, Латвии, Эстонии, Финляндии и других областей.

На почве общей разрухи по мере роста недовольства среди рабочих, крестьян, солдат и националов происходило повсеместное вытеснение представителей мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров из массовых организаций — профсоюзов, фабзавкомов, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и т. д. и замена их большевиками и левыми эсерами. После корниловского похода большевизация масс приняла особенно быстрые темпы.

Фабрично-заводские комитеты за редкими исключениями уже с самого своего возникновения находились под большевистским влиянием. Слабее было влияние у большевиков в Всероссийском центральном совете профсоюзов. В конце июня на Всероссийской конференции профсоюзов большевики имели только 36,6% делегатов. В августе на Московском совещании председатель ВЦСПС меньшевик Гриневич от имени профсоюзов присоединил свой голос к декларации Чхеидзе. В сентябре картина резко меняется. На Демократическом совещании делегация от профсоюзов была уже явно большевистская: из 120 делегатов большевиков было 69, меньшевиков-интернационалистов — 24, меньшевиков-оборонцев — 13 и по 1 — 2 представителя от других социалистических партий. При голосовании вопроса о коалиции с буржуазией за коалицию высказалось всего 8 делегатов. Это был полнейший провал меньшевиков, в результате которого председатель ВЦСПС меньшевик Гриневич сложил с себя звание председателя. Российское профдвижение твердо вступило на путь борьбы за диктатуру пролетариата.

Яркую картину полевения масс дали и муниципиальные выборы в Москве. Там при выборах в Центральную московскую городскую думу в конце июня по партиям голоса разбились следующим образом: за большевиков было подано 12% всех голосов, за эсеров — 59,5%, за меньшевиков — 11,5%, за кадетов 17% голосов. При выборах в московские районные думы в конце сентября результаты получились совершенно другие: теперь вместо эсеров большевики, получив 49,3% всех голосов, стояли на первом месте, эсеры получили всего 14,6% голосов, меньшевики — 4,3%, беспартийные — 5,8%, кадеты — 26% всех голосов. Все эти цифры говорят о том, что в стране происходила резкая перегруппировка сил, исчезало влияние средних промежуточных мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, усиливались крайние политические партии: партия буржуазии — кадеты, партия пролетариата — большевики.

С полной уверенностью можно сказать, что картина московских выборов вполне отражала процесс полевения масс не только в Москве, но и по всей стране. Большевики проникали и завоевывали не только революционные центры, но и провинцию, о чем свидетельствует переход на сторону большевиков Саратовского совета, большевизация советов Сибири и Урала. Очень сильны были оборонче-

ские настроения в Черноморском флоте. Там большевики до середины августа принуждены были оставаться в подполье, но после корниловщины и там положение резко изменилось. Хотя до октября в Севастопольском совете оборонцы и составляли большинство, в низовых организациях, в командах и на кораблях настроение солдат и матросов было определенно большевистское, о чем свидетельствует факт принятия 11 (24) сентября Центральным комитетом черноморского флота резолюции о передаче всей власти советам. Под давлением масс севастопольский оборонческий совет принужден был высказаться против смертной казни, снарядить отряд матросов с целью отправки его против Корнилова и т. д.

Во второй половине сентября, по старому стилю, происходит завоевание большевиками всех стратегических пунктов в стране. 9 (22) сентября Чхеидзе и Дан покидают президиум Петроградского совета, а 25 сентября (8 октября) председателем Петроградского совета избирается Троцкий. 19 сентября (2 октября) председателем Московского совета избирается большевик Ногин. Ревельский совет 10 (23) сентября принимает большевистскую резолюцию. 17 (30) октября председателем Ревельского совета избирается большевик. На съезде советов Эстонии 12 (25) октября большевики составляли громадное большинство. В районе 12-й армии господствовало сильное большевистское влияние. Советы рабочих и солдатских депутатов Латвии уже с самого возникновения были большевистскими. В органах местного самоуправления — в лифляндском губернском и уездных земствах, в городских думах и управах большевики имели абсолютное большинство уже с середины лета. Две бригады латышских стрелков (8 полков) уже с 17 (30) мая находились под большевистским влиянием. Правда, исполнительный комитет советов 12-й армии «Искосол» в своем большинстве не был большевистским, а в октябрьские дни он пытался противодействовать перевороту, но безуспешно, солдатская масса была не с ним. При перевыборах уже после Октября «Искосол» перешел в руки большевиков.

О большевистском настроении балтийского флота и Кронштадта распространяться излишне. Сложнее дело было в Финляндии; там процесс большевизации затянулся до сентября. 10 (23) сентября состоялся III Областной съезд советов Финляндии, который показал, что советы Финляндии изжили мелкобуржуазные соглашательские иллюзии и твердо встали на путь большевизма. Съезд принял большевистские резолюции. Вновь избранный Исполнительный комитет состоял из 37 большевиков, 27 эсеров-интернационалистов (левых) и 1 меньшевика-интернационалиста. Как видно в Исполком не попал ни один оборонец. При выборах нового президиума Гельсингфорского исполнительного комитета совета 3 октября (20 сентября) председателем был избран большевик Шейнман.

Итак, к началу октября во всех крупных политических центрах рабочие и солдатские организации перешли из рук соглашательских партий в руки большевиков и левых эсеров. Все это недвусмысленно указывало на несоответствие интересам рабочих и крестьян политики, проводимой ВЦИКом, не выражавшим подлинных настроений революционных масс.

Еще за месяц до этого с целью поднять подорванный корнилов-

щиной авторитет Временного правительства и укрепить принципы буржуазной революции против надвигавшейся социалистической, с целью усилить связь с буржуазией и привлеч ее к себе, меньшевики и эсеры на заседании ВЦИКа 1 (14) сентября решили созвать так называемое Демократическое совещание.

В официальном постановлении о созыве этого совещания говорилось: «немедленно созывается съезд всей организованной демократии и демократических органов местного самоуправления, который должен решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания». Итак, цель совещания ясна: организация правительственной власти. Далее в этом же постановлении говорится, что до созыва совещания существующая директория из пяти лиц во главе с Керенским сохраняет всю полноту власти.

По вопросу о Демократическом совещании на заседании ЦК РСДРП(б) 3 (16) сентября было решено участвовать в нем. Организациям на местах была дана директива озаботиться, чтобы наша делегация на совещании оказалась возможно более многочисленной. В циркулярном письме ЦК местным организациям говорилось, что одновременно с задачей организации участия в выборах и проведения своих кандидатов на совещание, ЦК предлагает: «выносить на митингах, собраниях в рабочих районах и казармах резолюции об отношении к совещанию и его задачам, руководствуясь резолюцией «о власти», оглашенной нашей фракцией на заседании ЦК советов 31 августа».[1]

На следующем заседании ЦК от 6 (19) сентября по вопросу о Демократическом совещании было заслушено и одобрено письмо Московского областного бюро партии, сущность которого заключалась в том, чтобы послать на совещание делегации и резолюции с фабрик, заводов и полков с большевистскими требованиями. Такие делегации были организованы во многих городах.

На заседании ЦК от 10 (23) сентября было решено принимать участие в Демократическом совещании с целью критики соглашательской политики меньшевиков и эсеров и сплочения всех революционных элементов совещания. По вопросу о посылке делегации принято было решение, в основном совпадающее с решением Московского областного бюро.

Таким образом, как видно, за участие в Демократическом совещании высказался ЦК и местные организации. Ленин считал участие в Демократическом совещании ошибкой, и по этому вопросу в партии возникли разногласия; в начале октября победила точка зрения Ленина, и большевики ушли из созданного Демократическим совещанием предпарламента.

Открытие Демократического совещания состоялось 14 (27) сентября, при наличии 1500 делегатов. Представительство было так составлено, что советы рабочих и солдатских депутатов, профсоюзы и армейские организации, вместе взятые, имели всего около 528 делегатов, советы крестьянских депутатов — 230 делегатов; организации откровенно соглашательского типа: городские самоуправления, земства, кооператоры и другие имели около 725 делегатов. Очевидно,

[1] Протоколы ЦК, стр. 53

что созывая совещание инициаторы его созыва имели в виду создать прочное оборонческое, соглашательское большинство для того, чтобы продолжать прежнюю, явно обанкротившуюся, политику соглашения с буржуазией.

После длительных и горячих прений на совещании по вопросу о власти, большинством 766 голосов против 688 при 38 воздержавшихся принято было решение, признававшее коалицию с буржуазией необходимой. Но после принятия этого решения, при голосовании поправки о недопустимости коалиции с кадетами, большинством 798 голосов против 139 при 196 воздержавшихся, эта поправка была принята. При голосовании резолюции в целом она проваливается (за резолюцию с поправкой против кадетов — 183 человека, против 813 и 80 воздержавшихся). Весь этот инцидент выявил полнейший крах Демократического совещания. В лагере так называемой «революционной демократии» царил полный разброд. Меньшевики и эсеры совместно с кооператорами стояли за неограниченную коалицию, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры высказывались за организацию однородной социалистической власти без цензовых элементов. Большевики требовали немедленного съезда советов и высказывались за передачу всей власти в руки советов.

Окончательно вопрос о власти на Демократическом совещании не был разрешен, а передан выделенному на совещании Демократическому совету, передавшему по настоянию Церетели и Дана право создания новой власти бонапартенку Керенскому. Позднее этот Демократический совет был пополнен представителями буржуазных партий и под названием «Предпарламента», в качестве жалкого придатка к Временному правительству, просуществовал до октябрьского восстания, когда он был разогнан восставшими рабочими и солдатами.

На Демократическом совещании выяснилось, что по вопросу о коалиции советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов занимают определенно отрицательную позицию. Для иллюстрации приведем таблицу, составленную Лениным.[1]

	За коалицию	Против
Советы рабочих и солдатских депутатов . .	83	192
Советы крестьянских депутатов	102	70
Все советы	185	262

Несмотря на это определенно отрицательное отношение громадного большинства населения страны к коалиции, Керенский, с одобрения официальных вождей ВЦИКа, очевидно не считавшего для себя обязательным руководиться мнением советов, еще до созыва Демократического совещания вел беспрерывные переговоры с кадетами и московскими промышленниками о вхождении их в новую коалицию. Переговоры эти закончились 25 сентября (8 октября) соглашением с кадетами и образованием нового, третьего и последнего коалиционного правительства.

Интересно отметить, что кадеты, до корниловщины с большой прохладцей относившиеся к коалиции, после провала Корнилова

[1] *Ленин*. Собр. соч., т. XXI, стр. 253.

вдруг стали горячими защитниками ее. По вопросу о создании нового правительства кадеты повели такое сильное наступление на меньшевиков и эсеров, что те отступили по всей линии, и новое правительство по своему составу и программе деятельности было реакционнее всех предыдущих.

О личном составе и о программе этого правительства П. Милюков пишет следующее: «Состав каолиции, впервые включившей представителей торговопромышленности, был, считая и «министров-социалистов», более умеренным, чем состав первых двух коалиций. Его программа исключила все утопические пункты из программы 8 июля — 14 августа. За исключением вопросов о мире и об армии она свидетельствовала о полном отрезвлении».[1]

Милюков тут же раскрывает смысл, почему кадеты ухватились за коалицию. Никакого другого выхода, кроме коалиции по его словам для кадетов не было: выступление Корнилова только-что провалилось, большевизм захватывал одну позицию за другой, нужно было войти в правительство с целью придать ему больше устойчивости и направить на путь решительной борьбы с нараставшей рабочей революцией.

Новое правительство, в которое вступили такие видные представители буржуазии, как Коновалов, Кишкин, Смирнов и др., было безусловно, как об этом писала газета «Рабочий путь», правительством гражданской войны и буржуазной диктатуры. Если предыдущее правительство, пользуясь правом в административном порядке закрывать газеты, в течение двух месяцев, с 5 июля по 5 сентября, закрыло 17 большевистских газет,[2] то новое правительство Коновалова и Кишкина этим уже не ограничивалось, а перешло к более сильным репрессиям.

Чем ближе к Октябрьской революции, тем судорожнее становилась деятельность Временного правительства. Теряя почву под ногами, ненавистное громадным массам трудовой России, оно от индивидуальных репрессий начало переходить к репрессиям против целых организаций. После сдачи Риги предпринимались шаги к разоружению Кронштадта, намечалась эвакуация и распыление революционного Петрограда, посылалась карательная экспедиция в Ташкент, казаки громили и расстреливали Калужский совет, карательные казачьи отряды стали действовать в Донбассе и по деревням и т. д. и т. п.

Правительством принимались решительные шаги к восстановлению уплывавшей из его рук власти. Министр юстиции Малянтович отдал срочные распоряжения во что бы то ни стало найти и арестовать Ленина. Министр внутренних дел социал-демократ Никитин посылал приказы губернским комиссарам о необходимости создания

---

[1] *Милюков.* Россия на переломе, т. I, стр. 112.

[2] Из помещенного в газете „Рабочий путь“ от 18 октября перечня закрытых большевистских газет видно, что с 5 июля по 5 сентября были закрыты следующие газеты: 1) „Правда“, 2) „Солдатская правда“, 3) „Голос правды“, 4) „Волна“, 5) „Борьба“, 6) „Прикубанская правда“, 7) Рабочий“, 8) „Окопная правда“, 9) „Воронежский рабочий“, 10) „Звезда“, 11) „Уральская правда“, 12) „Рабочий и солдат“, 13) „Пролетариат“, 14) „Вольный стрелок, 15) „Утро правды“, 16) „Молот“, 17) „Рабочий“.

сильной власти на местах. С этой целью предлагалось создать особые комитеты борьбы с анархией. В циркуляре губернским комиссарам от 21 октября (3 ноября) он предписывал при подавлении беспорядков пользоваться военной силой и «действовать твердо и решительно без малейших промедлений». Военный министр Верховский отдал распоряжение усилить милицию надежными военными кадрами. Но все было напрасно, все распоряжения повисали в воздухе. Дни буржуазного господства были сочтены.

*

VII

Подготовка вооруженного восстания

По вопросу о тактике партии после корниловщины в ЦК замечались разногласия. Из коротенькой протокольной записи видно, что на заседании ЦК от 31 августа (13 сентября) происходила «генеральная дискуссия», в результате которой была принята декларация, оглашенная на заседании ЦИКа 31 августа. О разногласиях в ЦК говорит еще то обстоятельство, что на пленум ЦК были намечены два докладчика по вопросу о текущем моменте — Каменев и Сталин. Выставление докладчиками Каменева и Сталина свидетельствует о наличии двух противоположных точек зрения, так ярко выразившихся потом, накануне и в дни Октября. Правда, каменевская точка зрения ничего нового не представляла, а в сущности повторяла лишь соображения отвергнутой на апрельской конференции платформы того же Каменева.

Разногласия в партии, возникшие по вопросу об отношении к Демократическому совещанию, поставили в порядок дня всю сумму вопросов, касавшихся дальнейшего хода революции и тактики партии в целом.

Участие партии в Демократическом совещании т. Ленин считал ошибкой. В письме ЦК под заголовком «Марксизм и восстание» он писал: «Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает;* решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы».[1]

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 197.

Несмотря на предупреждение Ленина, часть товарищей во главе с Каменевым и Ногиным не понимали того положения, что теперь не время заниматься дискуссией с меньшевиками и эсерами, а надо готовиться к вооруженному восстанию.

К вооруженному восстанию как искусству большевики относились еще в эпоху революции 1905 г. Вообще в этом вопросе Ленину пришлось проделать большую работу, чтобы очистить марксизм от оппортунистических наслоений, образовавшихся в результате усилий ревизионистов II Интернационала, совершенно извративших учение основоположников марксизма в этом чрезвычайно важном вопросе.

Русские меньшевики, как верные ученики оппортунистов II Интернационала, выставив теорию стихийности восстания, отнеслись отрицательно к восстанию как искусству и после московского декабрьского восстания устами своего вождя Плеханова заявили, что «не нужно было браться за оружие».

В резкой полемике против антимарксистских установок Плеханова Ленин писал, что плохо не то, что взялись за оружие, а плохо то, что недостаточно были к этому подготовлены... «Нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит обманывать и себя и народ». [1]

В годы империалистической войны, когда наша партия активно готовилась к новой революции, Ленин в целом ряде статей разбирал и углублял учение Маркса и Энгельса о восстании. Он писал о советах, как органах восстания и органах революционной власти, и дал анализ, из каких факторов складывается непосредственно революционная ситуация, при которой надо начать восстание. Подробно об этом сказано в статье «Крах II Интернационала».

Непосредственно после Февральской революции Ильич с большим вниманием следил за созданием боевых сил пролетариата, за вооружением и обучением рабочей красной гвардии. Еще в первом «Письме издалека» он подчеркивал, что единственной гарантией свободы является вооружение пролетариата. 17 марта в письме к Коллонтай Ленин пишет: «*Ни тени* доверия и поддержки новому правительству (Ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К°) и *вооруженное выжидание, вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа*... доказать, что *мир* даст лишь вооруженный совет рабочих депутатов, если он возьмет власть». [2]

В эпоху революции 1905 г. большевики развернули очень широкую работу среди армии и накопили большой опыт в этой работе.

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. X, стр. 50, изд. 2-е.
[2] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 8, изд. 2-е.

После поражения революции и спада революционной волны, ослабла также работа в армии. Немножко оживилась она в годы империалистической войны, но во всю ширь военная работа развернулась только после Февральской революции. В марте при ПК была создана Военная комиссия, которая в скором времени развернула широкую работу по организации партийных ячеек в частях гарнизона.

В виду того, что работа переросла пределы Петроградского гарнизона уже в конце мая, военная комиссия была реорганизована и стала военной организацией не только ПК, но и ЦК партии. Работа ВО развернулась по линии: организационной, агитационной и издательской. 15 (28) апреля вышел первый номер газеты «Солдатская правда», распространявшейся в количестве 50 000 экземпляров. Так как газета распространялась среди солдат, в подавляющем большинстве происходивших из крестьян, то она уделяла аграрному вопросу и вообще положению крестьянства большое внимание и проделала большую работу по распространению большевистских идей в деревне. Кроме «Солдатской правды», крупные местные ВО также имели свои печатные органы, как например газета «Окопная правда», выходившая в районе 12-й армии, и т. д.

16 (29) июня открылась Всероссийская конференция ВО. На конференцию съехались делегаты 43 фронтовых и 17 тыловых организаций. Всего присутствовало 160 делегатов, представлявших около 26 000 организованных в коммунистические ячейки солдат. На конференции после доклада Ленина и др. были приняты резолюции, полностью соответствовавшие политическому курсу партии.

В связи с июльскими событиями ВО была разгромлена и загнана в подполье, но она скоро оправилась от нанесенного удара и уже с 5 августа стала издавать свою газету под названием «Рабочий и солдат», а затем газету« «Солдат». К концу августа ВО опять представляла из себя крупную политическую силу и под непосредственным руководством ЦК проделала большую работу по подготовке боевых сил для предстоящего штурма.

Мы уже упоминали о той крупной роли, которую пришлось играть ВО в июльские дни и в дни корниловщины. После корниловщины ВО Петрограда, Москвы и других центров развили большую агитационную работу в войсках, распространяя в больших количествах большевистские газеты, листовки, брошюры, устраивая митинги и собрания, ведя работу среди маршевых рот, отправлявшихся на фронт, и т. д. В полках ВО организовывала землячества и снабжала литературой отпускников солдат, отъезжавших в деревню, благодаря чему большевистские идеи проникали в самые отдаленные деревни. ВО принимала также участие в обучении рабочей Красной гвардии; при ней же существовали курсы инструкторов, будущих командиров Красной гвардии.

О деятельности ВО при ПК т. Подвойский пишет следующее: «Небольшой кадр работников ВО нес грандиозную работу, руководя всей агитационной и организационной работой в армии, составляя и редактируя для нее «Солдатскую правду», ставя и держа на уровне интересов масс популярное издательство «Солдатская и крестьянская библиотека», систематически ведя лекции в клубах для солдатских масс, проводя агитационные курсы для работников в армии...

Посещая петербургскую военную организацию, приезжие знакомились с содержанием, характером и методами работы среди войск в самом очаге военной работы большевиков».[1]

Благодаря правильной организационной структуре ВО, как составных частей местных партийных организаций, удалось избежать отрыва ВО от общепартийных организаций и подчинить их полностью общепартийному руководству. Возникшие в августе среди ВО при ЦК сепаратистские тенденции удалось быстро и безболезненно ликвидировать, и работа в дальнейшем продолжалась в самом тесном контакте с ЦК.

Влияние ВО среди солдат росло прямо пропорционально росту нажима на солдат со стороны Временного правительства. В ответ на притеснения и насилия, солдатская масса искала защиты и не могла ее найти нигде кроме большевистских организаций. Широкий организационный охват солдатской массы, лозунги партии о мире, о немедленном переходе помещичьей земли в руки крестьян, о советской власти — все это было близко и понятно солдатской массе, в большинстве своем принадлежавшей к бедняцким и середняцким слоям деревни, что обеспечило большевикам поддержку этой массы во время Октябрьской революции.

Вопрос о вооруженном восстании со всей конкретностью был поставлен Лениным в двух письмах: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», написанных 12—14 сентября старого стиля. Ленин, исходя из положения, что большевики имеют за собой большинство в обоих столичных советах, и учитывая колебания в рядах меньшевиков и эсеров и усиление интернационалистского крыла среди них, считал, что этих условий вполне достаточно для того, чтобы захватить власть именно теперь же. В статье «Большевики должны взять власть» Ленин разъяснил, что «вопрос идет не о дне и часе восстания», не о «моменте» его в узком смысле, а «в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати».[2]

В этом письме Ленин писал, что «ждать «формального» большинства наивно, ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания Демократического совещания должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь».[3]

В письме «Марксизм и восстание» Ленин, возражая оппортунистам, обвинявшим марксистов в бланкизме за их отношение к восстанию как к искусству и основываясь на учении Маркса, выставил следующие основные положения: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *пере-*

---

[1] Красная летопись» № 6. 1923 г. стр. 73—74.
[2] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 194.
[3] Там же.

ломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*».[1]

Исходя из этой общей установки, Ленин, анализируя положение страны в дни 3-4 июля, констатировал, что тогда не было налицо этих необходимых для восстания условий, что если бы партия тогда объявила восстание, то это действительно было бы проявлением бланкизма. Но теперь дело другое, теперь «за нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами большинство народа». Опыт коалиции учит крестьянство «что от блока эсеров (и от самих эсеров) *земли не получишь*. А в этом гвоздь общенародного характера революции».[2]

Ленин предлагал ЦК сплотить крепкую большевистскую фракцию, не гонясь за численностью, оставив колеблющихся за бортом, ибо, по его мнению настоящее место колеблющихся именно в лагере колеблющихся, а не среди революционеров, выработать резкую декларацию с нашими требованиями и «прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть* на заводы *и казармы:* там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания».[3]

Вопрос об отношении партии к Демократическому совещанию и предпарламенту был поставлен на обсуждение фракции Демократического совещания, на которой с докладами за бойкот выступали т. Сталин и Троцкий, против бойкота — Каменев и Рыков. Однако последовательно ленинскую точку зрения отстаивал только т. Сталин. Троцкий призывал к бойкоту предпарламента условно до съезда советов, на котором он предлагал окончательно решить этот вопрос. Лжет Троцкий и составитель примечания к его книге «1917 год». утверждая, что бойкотистской позиции Ленина на совещании фракции не было известно и что инициатором бойкота, якобы, является Троцкий. На самом деле письма Ильича о бойкоте обсуждались на заседании ЦК 15 сентября, где участвовал также и Троцкий, знавший стало быть, точку зрения Ленина, а совещание фракции состоялось шестью днями позже 21 сентября (4 октября). Фальсифицируя дату о получении писем Ильича и замалчивая выступление т. Сталина на совещании с докладом. Троцкий тем самым хотел доказать, что он первый, раньше Ленина, наметил правильную политику, но, как мы видели, дело обстояло вовсе не так. Троцкий в данном вопросе лишь защищал, да и то непоследовательно, политику, намеченную Ильичем.

На совещании фракции 77 голосами против 50 было принято решение участвовать в предпарламенте. Это решение на заседании ЦК 21 сентября (4 октября) было утверждено.

Большинство ЦК в этом вопросе допустило серьезную ошибку,

---

[1] *Ленин*. Собр. соч., т. XXI, стр. 195.
[2] Там же, стр. 195.
[3] Там же, стр. 198.

решив не уходить ни из Демократического совещания ни из предпарламента. Более того, фракция сделала сверх прежних еще одну крупную ошибку, заключавшуюся в том, что при закрытии Демократического совещания голосовала совместно с оборонцами за общую высокопарную, но пустую резолюцию. Правда, этот шаг фракции был ЦК осужден. Однако клеветой на партию является утверждение Троцкого в статье «Уроки Октября», что большинство ЦК якобы думало вести в Демократическом совещании парламентскую работу. Это сознательная клевета, ибо Троцкий знал, что ЦК единогласно против двух принял решение от 10 октября о непосредственной подготовке восстания.

Большинство ЦК, кроме Каменева и Зиновьева, о которых будет речь дальше, не потому возражало против выхода из предпарламента, что было против вооруженного восстания и хотело вести исключительно парламентскую борьбу, а потому, что товарищи думали использовать трибуну предпарламента для разоблачения Временного правительства и соглашательских партий. Это конечно была ошибка, но не такого характера, как пишет Троцкий. Время наступило такое, что надо было не разговаривать, а все силы бросить на подготовку восстания; это положение не сразу поняло большинство ЦК. Но уже 5 октября ошибка была исправлена принятием резолюции о выходе из предпарламента.

24 сентября (7 октября) состоялось совещание членов ЦК и фракции Демократического совещания, на котором обсуждался вопрос о текущем моменте. Доклад по этому вопросу сделал т. Бухарин, высказавшийся за участие в предпарламенте; его платформа таким образом в основном совпала с оппортунистической платформой группы Каменева и Ногина. Большинством голосов была принята резолюция в духе доклада т. Бухарина.

В ответ на это неправильное решение большинства фракции Демократического совещания Ильич подробно разъяснил на примерах нашего рабочего движения, почему правильно было бойкотировать булыгинскую думу и почему тактика бойкота 3-й думы была неправильной. Исходя из анализа классовых взаимоотношений в стране и из явно назревавших глубоких революционных взрывов, Ильич еще раз резко выступил против участия в предпарламенте. Решение фракции Демократического совещания и ЦК он считал серьезной ошибкой, требующей пересмотра и замены его другим.

С неослабевающей энергией Ленин, продолжал критиковать эту ошибку фракции Демократического совещания и настойчиво отстаивал необходимость непосредственной подготовки вооруженного восстания. В письме к т. Смилге Ильич писал, что «история сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос *военный*», что в этом направлении надо усилить нашу агитацию, иначе «мы можем оказаться в смешных дураках... с прекрасными резолюциями и с советами, но без *власти*».[1]

В статье «Кризис назрел», написанной в конце сентября. Ильич говорил, что мы переживаем величайший перелом не только русской, но всемирной революции, что последние события в Германии,

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 230.

Австрии, Англии, Италии и других странах определенно указывают на подъем массового революционного движения в Европе.

Анализируя положение внутри страны и касаясь особенно вопроса о крестьянском движении, он приходил к заключению, что «если в крестьянской стране, после 7 месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил *к последней черте*».

В той же статье Ленин, анализируя взаимоотношения Временного правительства с национальностями, констатировал глубокий конфликт между Временным правительством и национальностями. Касаясь положения в армии и беспрерывных конфликтов правительства с железнодорожниками и почтовиками, он приходил к выводу о том, что страна переживает глубочайший экономический и политический кризис, из которого единственно правильный выход — вооруженное восстание.

Ильич писал, что если теперь большевики дали бы поймать себя на удочку буржуазного парламентаризма, то они оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу. Они своим поведением предали бы немецких революционных рабочих. Они предали бы крестьянство, начавшее борьбу против помещиков.

Касаясь положения в партии, Ленин писал: «У нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение *за ожидание* съезда советов, против немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение.

Иначе большевики *опозорили* себя на веки и *сошли* на-нет, как партия.

Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда советов есть *полный идиотизм* или полная измена».[1] Эта статья была направлена как против ошибки большинства ЦК, так и против Троцкого, предлагавшего, с восстанием повременить до съезда советов. Умалчивая об этой своей ошибке и неверно освещая линию большинства ЦК по вопросу об отношении к Демократическому совещанию, Троцкий самым бесстыдным образом извратил историю подготовки Октября.

В пользу успешного восстания Ильич приводил следующие аргументы: 1) мы можем ударить внезапно из трех пунктов — из Питера, из Москвы, из Балтфлота; 2) мы имеем поддержку крестьянства; 3) мы в большинстве в стране; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве; 6) мы имеем тысячи вооруженных рабочих в Питере, кои могут взять стратегические пункты города и оттуда повести дальнейшее наступление.

Колебания большинства ЦК по вопросу об отношении к Демократическому совещанию и предпарламенту были скоро изжиты. На заседании (5) 18 октября ЦК решил вопрос в смысле выхода из предпарламента.

Тов. Сталин так оценивает кратковременное разногласие в партии по вопросу о предпарламенте:

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 240.

«Было бы ошибочно думать, как это делает Троцкий, что сторонники участия пошли в предпарламент с целью органической работы, с целью «введения рабочего движения» «в русло социал-демократии». Это совершенно неверно. Это неправда. Если бы это было верно, партии не удалось бы «в два счета» ликвидировать эту ошибку путем демонстративного ухода из предпарламента. Жизненность и революционная мощь нашей партии в том между прочим и выразилась, что она мигом исправила эту ошибку».[1]

В связи с этим решением ЦК, т. Каменевым было подано следующее заявление:

«Дорогие товарищи, я полагаю, что ваше решение о выходе с первого же заседания «Совета Российской республики» предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии. Подчиняясь решению партии, я вместе с тем прошу товарищей освободить меня от обязанностей в представительных органах (ЦИК и т. д.) и поручить мне какую-либо другую работу».[2]

По вопросу об отношении к предпарламенту и вооруженному восстанию ошибочную позицию Каменева поддерживали некоторые члены ПК, МК и большинство Киевского комитета во главе с т. Пятаковым. Вообще позиция большинства Киевского комитета по целому ряду вопросов (как о Демократическом совещании, о восстании, по национальному вопросу) имело явно небольшевистский уклон. Благодаря нечеткости партийной линии по всем этим вопросам, в октябре и после, ими была сделана масса ошибок, значительно затруднявших борьбу с Украинской центральной радой.

Оппортунистические колебания чувствовались и в Московском комитете. Московское областное бюро стояло на правильных ленинских позициях. На пленуме Московского областного бюро 27-28 сентября (10-11 октября) принято было постановление о непосредственной подготовке вооруженного восстания.

Итак, Московское областное бюро партии своевременно вынесло решение о необходимости непосредственной подготовки вооруженного восстания. Правда, практических шагов и там в первое время было сделано мало.

Для пропаганды в широких массах идей пролетарского переворота и советской власти Ленин в конце сентября написал специальную брошюру под заглавием «Удержат ли большевики государственную власть?»

В этой брошюре он открыто заявлял (впрочем он об этом говорил еще летом на Всероссийском съезде советов) о готовности большевиков взять власть в свои руки и доказывал, что имеется полная возможность взятия и удержания большевиками государственной власти. Возражая новожизненцам, доказывавшим, что пролетариат, в виду своей малой культурности, неспособен будет овладеть аппаратом государственной власти, Ленин писал, что задача пролетарской революции не в том, чтобы овладеть готовым буржуазным государственным аппаратом, а в том, чтобы раз-

[1] Сборник „За ленинизм", стр. 100. И. Сталин. „Троцкизм или ленинизм".
[2] Протоколы ЦК, стр. 90.

бить его, поставив на его место свой аппарат — советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. По вопросу о сроках взятия власти он писал, что это дело не терпит отлагательства, что голодные массы не могут ждать до съезда советов и Учредительного собрания, что армия ждать не может, что крестьянство ждать не может, что налицо имеются все необходимые предпосылки для перехода власти в руки советов.

Накануне решающего заседания ЦК Ленин 8 (21) октября в письме «Советы постороннего» дал очень ценные указания насчет тактики вооруженного восстания:

«... Вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

«1) Никогда *не играть* с восстанием, а начиная его, знать твердо, что надо *итти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить в *наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «*моральный перевес*».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики — Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».[1] Излишне распространяться о том, что это важное письмо, так же как и другие подобного рода документы, написанные Лениным накануне восстания, имели колоссальное значение для партии. Сотни и тысячи членов партии, непосредственных участников и руководителей восстания, учились на этих документах искусству вооруженного восстания. 10 (23) октября в присутствии Ленина состоялось заседание ЦК, на котором после доклада Ленина и последующих прений, большинством 10 против 2 была принята резолюция, написанная Лениным. В ней были сжато изложены основные мысли, более подробно освещенные в предыдущих статьях и письмах Ильича. Заключительная часть резолюции гласила:

«Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и т. д.).[2]

---

[1] *Ленин*. Собр. соч., т. XXI, стр. 319.

[2] Протоколы ЦК, стр. 101.

Разоблачая клевету Троцкого о том, что якобы ЦК партии был против восстания, т. Сталин говорит:

«Я беру протоколы заседаний ЦК нашей партии от 10 (23) октября 1917 г.

Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов. Обсуждается вопрос о текущем моменте и восстании. Резолюция принимается большинством 10 против 2. Кажется ясно: ЦК большинством 10 против 2 постановил перейти к непосредственной практической работе по организации восстания.

ЦК выбирает на этом же заседании *политический* центр по руководству восстанием...»

И т. Сталин справедливо указывает, что протоколы заседаний ЦК партии «разрушают легенду о том, что ЦК в своем большинстве стоял будто бы против восстания».[1]

Итак ЦК партии решил приступить немедленно к практической подготовке вооруженного восстания. Принципиально вопрос о вооруженном восстании, как говорилось выше, партия дружно решила уже на VI съезде партии. Когда выяснилось, что настал момент практического осуществления этого лозунга, в партии, за исключением единиц, колебаний не было. Чудовищной клеветой является утверждение Троцкого в «Уроках Октября», будто партия была против восстания и т. д. Ошибочное участие ЦК в Демократическом совещании не свидетельствует, что ЦК был против восстания. Дружным решением ЦК и местных организаций о восстании опровергается клевета Троцкого на партию. Правда, не все члены ЦК были согласны с этим постановлением, двое из них — тт. Каменев и Зиновьев, на заседании ЦК отстаивавшие свою особую точку зрения, но оказавшиеся в меньшинстве, 11 (24) октября подали в ЦК и одновременно разослали по крупным организациям заявление под названием «К текущему моменту». В этом заявлении Каменева и Зиновьева положение в стране и ближайшие задачи и тактика партии, освещены в направлении диаметрально противоположном ленинскому.

Начинается документ с предупреждения о несвоевременности восстания, о том, что итти теперь на восстание — равносильно итти на явное поражение, и, хотя «бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше итти на поражение, чем сдаться без боя», однако следует спросить: «Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? Нет, и тысячу раз нет...»[2]

Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание, — пишут Зиновьев и Каменев, — превосходны, «через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии»; сорвать теперь Учредительное собрание она не может. В Учредительном собрании мы можем получить одну треть и больше голосов. В связи с общим положением в стране меньшевики и эсеры будут принуждены порвать с кадетами и искать союза с нами. «Учредительное собрание плюс

[1] Сборник „За ленинизм", стр. 88. *И. Сталин* „Троцкизм или ленинизм".
[2] Протоколы ЦК, стр. 103.

советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».

«За нами нет, — продолжают эти паникеры, — большинства международного пролетариата. У нас нет большинства народа в России. Крестьяне будут голосовать за эсеров».

Международная пролетарская революция нарастает крайне медленно, «а между тем только рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным без всяких колебаний немедленно взять власть в свои руки. В этом же заключается *единственная гарантия* (курсив мой — *О. Л.*) победоносности восстания пролетариата в России».[1]

Тактика наша должна быть оборонительной. В Учредительном собрании мы будем столь сильной партией, что «противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу». Дальше эти «герои» Октября, пишут:

Силы противника более значительны чем кажется: 5000 хорошо вооруженных и организованных юнкеров, ударники, казаки, артиллерия, расположенная веером вокруг Питера, войска с фронта и т. д.

Пролетариат плохо организован. Нет революционного, боевого, рвущегося на улицу настроения в массах столичной бедноты. «Но так как этого то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом».

Мы должны, по мнению Каменева и Зиновьева, держаться прежней тактики и «продолжать беспощадное разоблачение политики меньшевиков и эсеров, которые стали на пути действительного перехода власти в руки большинства народа».

«Только гибельная тактика вооруженного восстания может нарушить эти прекрасные шансы на мирное развитие большевизма, только, начав восстание, пролетариат подставит себя «под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией».

«Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения».[2]

Полуменьшевистской платформе Зиновьева и Каменева Ильич дал решительный отпор. В «Письме к товарищам» он подробно, пункт за пунктом, разбирает их «доводы» против восстания. Во-первых, Ленин считает выставленные против восстания возражения до того слабыми, что они свидетельствуют лишь о полной растерянности, запуганности и потере всех принципов большевизма у названных товарищей, и что глупо и немарксистски требовать, чтобы большевики по всей стране получили половину голосов плюс один голос. Факт полевения масс и завоевание большевиками руководящих центров страны, также усилившиеся крестьянские восстания свидетельствуют о том, что передовые активные элементы, от поведения которых зависит успех восстаний, теперь идут за нами и что этого вполне достаточно для победоносного восстания.

На доводы Зиновьева и Каменева, утверждающих, что буржуа-

---

[1] Протоколы ЦК, стр. 106.
[2] Там же, стр. 108.

зия не посмеет сорвать Учредительное собрание, Ильич отвечает, что эти товарищи, защищая Учредительное собрание и отказываясь от вооруженного восстания, проявив колоссальную доверчивость к буржуазии, фактически отказываются от лозунга «Вся власть советам», ибо с середины сентября, по мнению Ленина, этот лозунг равносилен восстанию. Ильич писал: «*Отказ* от восстания есть *отказ* от передачи власти советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала созвать Учредительное собрание».[1]

Созыв Учредительного собрания Ильич ставил в зависимость от удачного восстания и перехода власти в руки советов. По вопросу о комбинированном типе государственной власти — Учредительное собрание и советы — Ленин писал: «такой комбинированный тип» (Учредительное собрание и советы) все признавали, но протащить теперь под словечком «комбинированный тип» *отказ* от передачи власти советам, протащить *тайком, боясь* отречься от нашего лозунга открыто, — что это такое? Можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения.[2]

Не подлежит сомнению, что Каменев и Зиновьев, защищая «комбинированный тип» государственной власти, вкладывали в этот лозунг совершенно другой смысл, чем Ленин, который считал советскую систему выше Учредительного собрания, комбинированный же тип допускал лишь как временную переходную меру в борьбе за диктатуру пролетариата. Об этом он в статье «К пересмотру партийной программы» писал следующее: «... программы минимум выкидывать никак нельзя, ибо, во-первых, республики советов еще нет; во-вторых, не исключена возможность «попыток реставрации»; их надо сначала пережить и победить; в-третьих, возможны, при переходе от старого к новому, временные «комбинированные типы...», например, и республика советов, и Учредительное собрание. Изживем сначала все это, а потом успеем выкинуть программу минимум».[3]

Совершенно очевидно, что «комбинированный тип» государственной власти Ленин допускал лишь как временную переходную меру в борьбе за советскую власть, которую он считал несравненно выше буржуазного парламентаризма. Учредительное собрание после победы пролетариата и провозглашения советской власти в ленинском плане должно было занимать по отношению к советам подчиненное положение и после выполнения некоторых функций должно было исчезнуть. Созыв Учредительного собрания большевиками объяснялся тактическими соображениями, для того, чтобы привлечь на свою сторону колебавшихся, веровавших в авторитет и силу Учредительного собрания. Надо было подвести эту массу вплотную к Учредительному собранию и показать его нежизненность и контрреволюционность, иначе говоря, сделать все для того, чтобы сами массы на практике убедились в ненужности и вредности в данный момент этого учреждения.

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXI, стр. 337.
[2] Там же, стр. 338.
[3] Там же, стр. 313.

Кроме вышеуказанных соображений надо иметь в виду, что большевики выставили лозунг Учредительного собрания, так же как и всю программу минимум, на случай неудачного восстания; они подготовляли вторую линию окопов, на которую можно было бы в случае поражения отступить, ибо в случае провала борьбы за власть советов демократическая республика с Учредительным собранием для пролетариата была приемлемее, чем такая же республика без Учредительного собрания.

Не так этот вопрос понимали Каменев и Зиновьев. В статье «О съезде советов», помещенной в газете «Рабочий путь» от 17 (4) октября, Зиновьев, защищая «комбинированный тип», выдвигал его не как переходную меру в нашей борьбе за диктатуру пролетариата, а признавал созыв и существование Учредительного собрания за нашу цель, причем центральная власть, по мнению Зиновьева, должна была находиться в руках Учредительного собрания, опирающегося в своей работе на силу местных советов, которые «на местах должны остаться основной базой революционной власти... Республика советов отнюдь не исключает Учредительного собрания, как и обратное — *республика Учредительного собрания* (курсив мой — *О. Л.*) отнюдь не исключает существования советов».[1]

Итак, «республика Учредительного собрания» — вот тот лозунг, дальше которого Зиновьев и Каменев не шли. В условиях революции 1917 г. этот лозунг однако потерял то революционное значение, какое он имел в 1905 г., и теперь защитники его, сами может быть того не замечая, скатывались в меньшевистское болото.

На заявление Каменева и Зиновьева о том, что против нас «все», что мы изолированы, Ленин ответил, что мы именно тем и завоевали и доверие масс и большинство в советах, что беспощадно били колеблющихся за их колебание, а теперь после победы предлагают и нам перейти в стан колеблющихся. «Какая прекрасная карьера большевизма!» восклицает Ильич, и продолжает: «Чтобы помочь колеблющимся, надо перестать колебаться самому. Эти «милые» левые (речь идет о левых эсерах и меньшевиках-интернационалистах — *О. Л.*) мелкобуржуазные демократы колебались и за коалицию. Мы их повели в конце концов за собой тем, что не колебались сами. И жизнь подтвердила нас».[2]

«Вы пишете, — продолжал Ленин, — что в массах нет революционного настроения, нет рвения броситься в бой. Неправда; хотя вожди своими колебаниями могут сбить с толку отдельных рабочих, но это не главное, а главное в том, что массы устали от бесконечной говорильни и бесчисленных резолюций. На самом деле настроение масс — близкое к отчаянию, среди сознательных рабочих — сильное недовольство нерешительностью центров. Все товарищи, имеющие связь с массами, говорят о том, «что по призыву советов и для защиты советов рабочие выступят, как один человек».

Возражая Зиновьеву и Каменеву, утверждавшим, что у нас все плохо, а у буржуазии все прекрасно, и войско, и хорошая организо-

[1] *Зиновьев*, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 434.
[2] *Ленин*. Собр. соч., т. XXI, стр. 342.

занность и т. д., Ильич указывал на отсутствие у них всяких доказательств в пользу таких суждений, на то, что их позиция доказывает лишь их пессимизм в отношении рабочих и оптимизм в отношении буржуазии. В этой же статье против Зиновьева и Каменева Ильич еще раз дал общую оценку момента и, опровергая обвинения его в бланкизме, доказывал, что если политические условия для революции созрели, то к восстанию надо отнестись как к искусству и т. д.

Документ, опубликованный Зиновьевым и Каменевым, безусловно имел меньшевистский характер. Эти товарищи проглядели начавшуюся революцию, настроения оборонческих соглашательских верхов в центральных советах приняли за подлинное настроение масс, что говорит о полной их оторванности от рабочего класса и что они попали под влияние мелкой буржуазии.

Вопросами, связанными с подготовкой вооруженного восстания, петербургская организация занималась одновременно с ЦК. На заседании ПК 5 (18) октября, после ознакомления с письмом Ленина, адресованным в ЦК, ПК и МК, началась дискуссия. Против восстания высказались тт. Володарский и Лашевич, остальные товарищи стояли за вооруженное восстание. Однако на этом заседании никакой резолюции принято не было, а решено было этот вопрос перенести на обсуждение созванной на 7 (20) октября конференции.

Протоколы этой конференции так не полны, что в них совсем нет записей прений и доклада по вопросу о текущем моменте. В принятой резолюции вопрос о восстании конкретно не поставлен, даже слова «восстание» нет. Есть замечание о последней схватке, которая должна решить судьбу революции и т. д. В другой резолюции, принятой в связи с голодовкой политических заключенных, о восстании говорится гораздо определеннее: там сказано, «что победоносное пролетарское восстание в скором времени вырвет их из республиканских тюрем». [1]

Несмотря на нечеткость формулировок в принятой по вопросу о текущем моменте резолюции, на конференции вопрос о вооруженном восстании был решен положительно.

На заседании ПК 15 (28) октября после доклада т. Бубнова и оглашения письма Зиновьева и Каменева «К текущему моменту» и резолюции ЦК, принятой 10 октября, начались доклады с мест и подсчет сил. Заседание имело деловой характер, обсуждались практические вопросы, как лучше провести решения ЦК в жизнь. Были правда, отдельные возражения против восстания. Докладчик от военной организации (т. Невский) говорил, что мы не готовы к восстанию, что ни у ВО, ни у ЦК уверенности в победе нет. Он предлагал обратить внимание ЦК на то, чтобы ЦК, прежде чем приступить к такому серьезному делу, подготовил, как следует, провинцию. Принципиальных решений на этом заседании принято не было. Для большинства ПК вопрос с принципиальной стороны был вполне ясен. В конце заседания был принят целый ряд важных решений по линии практической подготовки восстания.

На совместном заседании ЦК, ПК, ВО с представителями от Петроградского совета, профессиональных союзов, фабзавкомов,

[1] II и III Петроградские конференции, стр. 121.

железнодорожников и Петроградского окружного комитета 16 (29) октября по вопросу о восстании произошла большая дискуссия.

После доклада Ленина о необходимости немедленно приступить к подготовке восстания, информации т. Свердлова о положении дел на местах и сообщения о том, что в последнее время рост партии принимает гигантские размеры, что в настоящее время партия объединяет около 400 000 членов, собрание перешло к заслушанию докладов с мест.

Тов. Крыленко от ВО сообщил о разногласиях в ВО, большинство которой считало, что мы к восстанию не готовы, тогда как меньшинство думает, что мы можем взять на себя инициативу выступления.

Степанов от питерской окружной организации говорил о большевистских настроениях в округе. Тов. Володарский заявил, что по общему впечатлению никто на улицу не рвется, но по призыву Совета все явятся. Тов. Шмидт и Шляпников от профсоюзов сообщили, что активности в профсоюзах нет, хотя все признают, что борьба за власть неизбежна. Тов. Шмидт говорит, что железнодорожники потроградского и московского узлов настроены против Временного правительства и симпатизируют большевикам.

После заслушания информаций с мест начались прения о текущем моменте. Обнаружилось три течения: одно ленинское — за восстание; другое — принципиально не возражавшее, но считавшее восстание технически неподготовленным (эту мысль высказывал Фенигштейн, и к ней склонялось большинство ВО); третье течение, решительно отрицавшее вооруженное восстание, было представлено Зиновьевым, Каменевым и Володарским.

Зиновьев и Каменев, выступая по два раза в прениях, настойчиво защищали свою точку зрения, но сторонников не нашли. Их резолюция получила: за — 6, против — 15, воздержалось — 3. Резолюция Ленина получила: за — 19, против — 15, воздержалось — 4.

В конце заседания ЦК для руководства восстанием организовал военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Как видно, в военно-революционный центр не был включен Троцкий, пытающийся изобразить себя главным организатором вооруженного восстания. Это лучшее опровержение троцкистской фальсификации истории Октября.

После провала на заседании ЦК Каменев подал заявление о выходе из ЦК и совместно с Зиновьевым требовал немедленного телеграфного созыва полного пленума ЦК. Этим его антипартийная деятельность однако не ограничилась: на следующий день Каменев поместил в меньшевистской газете «Новая жизнь» заметку, в которой, защищая свои оппортунистические взгляды, во всеуслышание заявил, что партия к вооруженному выступлению не готовится и никого не призывает. Учитывая, что партия из соображений конспирации открыто не может опровергнуть этой чудовищной лжи, Каменев очевидно хотел этим посеять смуту в рядах партии и таким образом сорвать постановление ЦК.

В ответ на этот чудовищный шаг Каменева Ленин выступил самым резким образом; в письме к ЦК и к членам партии он объявлял поступок Каменева неслыханным штрейкбрехерством, го-

воря, что своим выступлением в непартийной печати Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение своей партии о вооруженном восстании. Он предлагал ЦК принять следующее постановление: «признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии...»

«Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена... Мне не легко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, *погибла*».[1]

Вопрос о штрейкбрехерстве Каменева и Зиновьева обсуждался на заседании ЦК 20 октября (2 ноября). Большинством пяти против трех голосов ЦК принял отставку Каменева, оставив его в рядах партии.

Практическая подготовка к вооруженному восстанию с начала октября, особенно же после постановления ЦК от 10 октября, приняла лихорадочный характер. И в Питере и в Москве партия уделила вопросам организации и обучения Красной гвардии особенное внимание. Еще на заседании ЦК 24 сентября (7 октября) был поставлен специальный доклад о Красной гвардии, в связи с чем этот вопрос всесторонне обсуждался. Активное участие в организации Красной гвардии принимали фабзавкомы и профсоюзы.

При ВО были организованы курсы инструкторов, подготовлявших новых красных военных специалистов. По свидетельству т. Подвойского «Петербургские фабрики и заводы к концу сентября уже имели в своих стенах по нескольку взводов и даже батальонов обученных рабочих».[2]

В Москве на заводах Михельсон, «Мотор» и др. изготовлялось оружие и бомбы для Красной гвардии. Солдаты Хамовнического района снабжали рабочих оружием. Происходило усиленное обучение Красной гвардии. То же самое происходило и в других городах.

Московское областное бюро в середине октября приняло целый ряд решений по подготовке восстания. Для объезда организаций и информации о принятых решениях в города области был командирован ряд товарищей. Для подачи сигнала к восстанию был выработан шифр телеграммы и т. д. Большую роль играл в Москве в октябре большевистски настроенный железнодорожный райсовет, объединявший железнодорожников Московского узла. В октябрьские дни он стал фактическим хозяином на дорогах Московского узла.

Все же, вследствие некоторых колебаний в рядах МК и трений между МК и Областным бюро Москва была недостаточно подготовлена к восстанию. Не было даже единого общего руководящего, ни партийного, ни советского центра. Они возникли лишь после получения известий о начале восстания в Питере. Лучше дела обстояли в промышленных районах области: в Иваново-Вознесенске, Кинешме и др.

Центральный комитет и Петроградский комитет провели боль-

---

[1] Протоколы ЦК, стр. 133—135.

[2] „Красная летопись" № 8, 1923 г., стр. 12.

шую предварительную работу по подготовке окружавших столицу партийных организаций к предстоявшему выступлению. Для информации и подготовки местных организаций были посланы эмиссары в Гельсингфорс, Ревель, в район 12-й армии, в ЦК Латвии и другие места. На фракции съезда советов Северной области был поставлен вопрос о практической подготовке восстания. На заседаниях фракции Петросовета ставились эти же вопросы. Много внимания было уделено организации живой связи и информации.

В Петрограде вокруг созданного 16 октября при Петроградском совете Военно-революционного комитета концентрировались все боевые силы, и этот ВРК в течение нескольких дней превратился в фактический штаб восстания.

Во многих окружавших столицу центрах, например в 12 армии, в Ревеле, в балтийском флоте, еще до восстания были организованы военно-революционные комитеты, назначены комиссары, установлен контроль и т. д.

Накануне восстания партия вела активную борьбу против меньшевиков и эсеров. Она сплачивала вокруг себя все действительно революционные элементы страны. Московская организация вела решительную кампанию за освобождение «двинцев», в результате чего 593 солдата были освобождены из тюрьмы; в октябрьские дни они оказались в первых рядах борцов против Временного правительства.[1]

В Петрограде партия организовала решительный отпор попыткам Временного правительства вывести революционные войска из города, вела неослабную кампанию против попыток бегства правительства в Москву и эвакуации петроградской промышленности. Активную деятельность развивали также находившиеся под большевистским влиянием землячества, связавшиеся с крестьянством отдаленных губерний, и Петроградский губернский совет крестьянских депутатов.

Большевики решительно поддерживали железнодорожную забастовку, тем самым завоевывая симпатии железнодорожников, особенно низших, чем в значительной степени в дни октябрьского восстания парализовалась антибольшевистская деятельность пресловутого «Викжеля».

Для пропаганды идей большевизма в деревне в начале октября в Москве ВО издавала газету «Деревенская правда», а в Петрограде газету «Деревенская беднота».

Говоря о тактике партии в период подготовки штурма, нельзя обойти молчанием очень ценные замечания т. Сталина об особенностях тактики партии в этот период. В статье «Троцкизм или ленинизм» т. Сталин пишет: «Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она, эта

[1] „Двинцы" — команда солдат в количестве 860 человек, арестованных в разных полках Двинского фронта за „большевизм" и отправленных в Москву для содержания в Бутырской тюрьме. После трехнедельного пребывания в этой тюрьме „двинцы" объявили голодовку, требуя освобождения. Благодаря энергичным настояниям большевистской фракции Московского совета „двинцы" на шестой день голодовки, 17 сентября 1917 г., были освобождены и приняли активное участие в борьбе за власть советов в Москве.

особенность, в том, что каждый или почти каждый шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск был серьезным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Ленинграда от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-революционного комитета было еще более серьезным шагом наступления на Временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа... Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны, для того чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы».

К середине октября конфликт Временного правительства с революционными массами с каждым днем обостряется. Большевики ведут открытую агитацию за немедленный переход власти в руки советов. Большевистского характера резолюции о текущем моменте и о власти принимаются не только местными советами, но и наиболее крупными областными организациями. Так например 12/25 октября на съезде советов Северной области принимается резолюция о переходе всей власти в руки советов.

Согласно решения I Всероссийского съезда советов, II съезд должен был собраться в сентябре, но оборонческий ЦИК, наблюдая процесс повсеместного вытеснения соглашателей из советов, опасаясь, как бы на съезде оборонцы не оказались в меньшинстве, все оттягивал созыв съезда. Только под сильным давлением советов, угрожавших в случае дальнейших оттяжек собраться помимо ЦИКа, последний принял постановление о созыве съезда на (20 октября) 2 ноября. Противодействие же ЦИКа созыву съезда в глазах солдатской массы ускорило процесс падения авторитета соглашателей.

Большевики, во главе с Лениным, требуя созыва съезда советов, понимали, что сам по себе съезд бессилен решать проблему власти, что основной вопрос не в съезде, а в восстании. Только подкрепленный победоносным восстанием съезд сможет решить проблему организации новой советской власти. Правда, не все члены партии так смотрели, группа товарищей, во главе с Троцким, полагала, что с восстанием надо повременить до созыва съезда, который, мол, сам решит вопрос о власти. У Троцкого и его сторонников были сильны преувеличенные представления о возможных результатах легальной, мирной борьбы, они больше верили в силу слова, чем в силу оружия, когда на самом деле вопрос решался штыком.

К 20 октября предварительная подготовка к восстанию была закончена. В порядок дня стала задача немедленного выступления с целью захвата власти.

VIII

Восстание 25 октября (7 ноября)

Конфликт между Временным правительством и большевистским Петроградским советом развернулся вокруг вопроса о выводе войск из Петрограда на фронт. Временное правительство, желая избавиться от большевистски настроенного Петроградского гарнизона, хотело отправить его на фронт и заменить более благонадежными кавалерийскими и ударными частями. Однако это мероприятие Временного правительства послужило не на пользу ему. Для организации отпора правительству и более гибкого руководства гарнизоном Петроградский совет 17 (30) октября утвердил положение о Военно-революционном комитете.

В своей деятельности Военно-революционный комитет сразу столкнулся с оборонческим ЦИКом и Временным правительством, но это придало ВРК еще больше авторитета в глазах масс. На созванном 21 октября (3 ноября) гарнизонном собрании была принята резолюция, полностью одобрявшая деятельность Военно-революционного комитета и обещавшая ему поддержку вплоть до вооруженного выступления. С целью парализовать и контролировать деятельность штаба Петроградского военного округа, Военно-революционный комитет в тот же день 21 октября (3 ноября) назначил своих комиссаров в штаб и отдал приказ о неисполнении распоряжения штаба Военного округа без санкции Военно-революционного комитета. Понятно, что командующий округом решительно отказался выполнить это решение и признать комиссаров Военно-революционного комитета. Дипломатические переговоры между обеими сторонами прекратились, оба лагеря стали готовиться к бою.

Военно-революционный комитет выделил тройку для разработки плана восстания и для руководства предстоящими боевыми операциями. В Петропавловской крепости было найдено 10 000 винтовок; такое же количество отпустили рабочие Сестрорецкого завода; это

позволило вооружить Красную гвардию Выборгского района; в боевой порядок приводилась также Красная гвардия остальных районов. Все мероприятия протекали под руководством боевого центра при ЦК большевиков, при активном участии Ленина, Сталина, Свердлова и других.

Но готовилось к бою также и Временное правительство. На закрытом заседании 16 (29) октября, командующий округом, полковник Полковников, докладывал о готовящемся большевистском восстании, успокаивая правительство тем, что гарнизон на стороне Временного правительства и что кроме того отдан приказ по юнкерским училищам, размещенным вокруг Петрограда, быть готовыми отправиться в любую минуту в Петроград. На следующий день Временное правительство, с участием только-что приехавшего с фронта Керенского, опять обсуждало вопрос о предполагавшемся выступлении большевиков; Полковников докладывал о мероприятиях, принятых им против ожидаемых беспорядков: в помощь надежным частям, находившимся в Петрограде, им были вызваны из Ораниенбаума две школы прапорщиков, с Румынского фронта вызван бронированный поезд и другие воинские части. На этом же заседании было решено ассигновать в распоряжение министра внутренних дел 2 млн. руб. на разные непредвиденные расходы по милиции. О попытках вывода революционных частей из города выше уже говорилось. Таким образом, уже за 9 дней до восстания Временное правительство приняло целый ряд мер с целью его подавления.

На заседании 23 октября (5 ноября) Временное правительство решило наконец перейти к решительным действиям. Было принято постановление о предании суду членов Военно-революционного комитета, об аресте большевиков и о закрытии большевистских газет. Утром 24 октября (6 ноября) штаб округа отдал приказ о разводе мостов через Неву, были выключены телефоны Смольного, вызваны воинские части из окрестностей Петрограда (батальон ударников из Царского Села, юнкера из Ораниенбаума, артиллерия из Павловска и др.) и с Северного фронта, закрыты большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат». Днем наряды юнкеров заняли правительственные учреждения, вокзалы, мосты, на улицах были расставлены пикеты, на Дворцовой площади появилась артиллерия и женский добровольческий батальон и т. д.

В этот день Ленин писал членам ЦК: «Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас не важно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ в праве и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ в праве и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение* революции, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам. Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало. Промедление в выступлении смерти подобно».[1]

24 Октября состоялось заседание Петроградского комитета, решившего приступить к немедленному свержению Временного правительства с целью передачи всей власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов. Для достижения этого «Петроградский комитет считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы».[2]

Действовал также и Военно-революционный комитет, заседавший беспрерывно. Было выпущено обращение к населению, извещавшее его о том, что Петроградский совет в опасности, что корниловцы хотят задушить революцию. Отдается приказ о выпуске закрытых газет. Привести его в исполнение предписывается караулу от 6-го запасного баталиона и Литовского полка, который занимал типографию и обеспечивал выпуск газеты. Усиливается охрана Смольного, отдается приказ о наведении и охране мостов. Наводка мостов началась в 7 часов вечера. Отдаются приказы в окрестные гарнизоны: быть готовыми к защите Петроградского совета

[1] Протоколы ЦК, стр. 326.
[2] *Ленин*, т. XXI, стр. 362.

и не пропускать контрреволюционных частей, идущих с фронта, в Кронштадт посылается телефонограмма о присылке революционных отрядов в Петроград. Посылаются телеграммы в ближайшие к столице центры о присылке отрядов в Петроград для поддержки восстания.

Ночью с 24-25 октября (6-7 ноября) Военно-революционный комитет перешел к более активным действиям. Части гарнизона и Красной гвардии по заранее разработанному плану заняли к утру все вокзалы и почти все правительственные учреждения; правительственные караулы либо сами переходили на сторону восставших, либо, после слабого сопротивления, оставляли посты. В 11 часов утра 25 октября (7 ноября) были освобождены из Крестов оставшиеся еще арестованными после июльских дней большевики. Из Кронштадта прибыли отряды моряков, из Гельсингфорса — отряд миноносцев.

В лагере Временного правительства господствовал полнейший развал; некоторые юнкерские училища отказались выступить в защиту Временного правительства, Петроградские казачьи полки, получив приказ выступить, начали митинговать и запросили штаб, будет ли вместе с ними выступать пехота, отказываясь выступать без пехоты. Временное правительство отдало приказ на фронт срочно прислать войска для поддержки; герой корниловщины — генерал Краснов получил боевой приказ двинуться со своим корпусом в Петроград для защиты Временного правительства от восставших рабочих и солдат.

Страна в Октябре переживала такой момент соотношения классовых сил, при котором классовый антагонизм между эксплоататорами и эксплоатируемыми массами достиг наивысшего предела. Обособились и выделились два крайних непримиримых политических лагеря: с одной стороны господствующие классы помещиков и буржуазия, во главе со старой бюрократией и командным составом армии, с другой стороны рабочий класс и широчайшие массы беднейшего и среднего крестьянства. Попытки мелкобуржуазных элементов — меньшевиков и эсеров — примирить эти классы, вечные колебания этих партий то направо, то налево привели только к полной изоляции их от рабочих, а в то же время они не получили нужной им поддержки и со стороны контрреволюционных сил, имевших своих собственных более решительных вождей.

О полной изолированности Временного правительства говорит Керенский в своих воспоминаниях. В самую решительную ночь с 24-25 октября глава правительства оказался всеми покинут. «Мучительно тянулись долгие часы этой ночи. Отовсюду мы ждали подкрепления, которые, однако, упорно не появлялись. С казачьими войсками шли беспрерывные переговоры по телефону. Под разными предлогами казаки упорно отсиживались в своих казармах, все время сообщая, что вот-вот через 15 — 20 минут они «все выяснят» и «начнут седлать лошадей». С другой стороны партийные боевые силы не только не появлялись в штабе, но и в городе-то не проявляли никакой деятельности».[1]

Вполне понятно, что небольшие боевые силы эсеров не рискнули

[1] *Керенский.* Гатчина, стр. 9.

появиться на улицах перед громадными массами вооруженных и революционно настроенных отрядов войск и Красной гвардии, планомерно в течение этой ночи занимавших город, патрулировавших по городу и разоружавших сторонников Временного правительства.

Днем 25 октября (7 ноября) весь город за исключением Зимнего дворца и Штаба округа находился в руках восставших; Военно-революционный комитет принимал срочные меры для окончательной ликвидации этого последнего убежища Временного правительства. Для руководства боевыми операциями против Зимнего дворца была образована тройка в составе тт. Подвойского, Антонова-Овсеенко и Чудновского. К вечеру весь район Зимнего дворца был окружен; кольцо постепенно все стягивалось. В лагере защитников Временного правительства развал достиг крайнего предела, ночью произошел последний штурм Зимнего дворца. Из орудий Петропавловской крепости начался обстрел Зимнего; с крейсера «Аврора» тоже раздавались выстрелы, правда холостые; красногвардейцы и моряки начали уже проникать во дворец. Наконец Временное правительство было арестовано и препровождено в Петропавловскую крепость.

Керенского не было среди членов Временного правительства. Оказалось, что он еще утром удрал из города, якобы с целью встретить и руководить отрядом, идущим на Петроград для защиты Временного правительства. Но и эта надежда защитников Временного правительства была напрасной. За исключением корниловского III Конного корпуса, состоявшего под командой генерала Краснова, Керенский никакой поддержки с фронта не получил. Легкость победы в Петрограде свидетельствовала о том, что свергнутая власть и ее глава Керенский в стране абсолютно никаким авторитетом не пользовались.

Попытки отправить с фронта войска против революционного Петрограда встретили решительное сопротивление солдатской и рабочей массы. На местах под руководством большевиков создавались свои военно-революционные комитеты и устанавливался контроль над действиями командного состава и над продвижением войск.

25 октября (7 ноября) поздно вечером, в момент окончательной победы пролетарского восстания, в столице состоялось открытие II Всероссийского съезда советов. Меньшевики и эсеры, оказавшись в незначительном меньшинстве, огласили декларацию протеста против совершившегося переворота и ушли со съезда с целью организовать восстание против Советской власти.

По поводу совершившегося переворота съезд принял обращение ко всем рабочим, солдатам и крестьянам, а вслед затем декреты о земле, о мире и о власти.

Разбитые пролетарским восстанием мелкобуржуазные партии — меньшевики и эсеры — отнюдь не сложили оружия и стали немедленно готовить контрреволюционный переворот. Для объединения действий всех контрреволюционных сил был создан так называемый Комитет спасения родины и революции, сразу развернувший большую антисоветскую работу. Установлена была связь с юнкерскими училищами, Авксентьев и Чайковский ездили к казачьим полкам с

целью поднять их против только-что установившейся советской власти. Установлена была связь и с подходившим к Царскому Селу отрядом генерала Краснова.

Керенский, избежавший ареста в Пскове 26 октября (8 ноября), поехал в Остров, штабквартиру Краснова, откуда в тот же день, преодолевая сопротивление железнодорожников, с казачьими эшелонами двинулся на Петроград. Отряду удалось без остановки проскочить через Псков, а дальше до самой Гатчины он почти никакой задержки не встречал. В Гатчине отряд Керенского — Краснова высадился из вагонов, разоружил несколько отрядов советских войск и 28 утром двинулся походным порядком на Царское Село, по пути разоружая малочисленные заставы солдат, сторонников советской власти. Вечером 28 октября (10 ноября) после небольшого боя отряд Краснова занял Царское Село.

Весть о том, что на Петроград двигается Керенский с III конным корпусом вызвала взрыв возмущения в массе петроградского пролетариата. Началась лихорадочная подготовка к обороне подступов к городу, происходило спешное формирование и отправка красногвардейских и матросских частей на фронт. Рабочие тысячами двинулись на рытье окопов, организовали транспорт и снабжение фронта оружием и продовольствием. Рабочие орудийных заводов отправляли на фронт орудия, разыскивали для них снаряды и т. д.

Начальником обороны был назначен т. Подвойский. В своих воспоминаниях он пишет, что на партию выпала громадной ответственности задача, в период окончательного распада старого аппарата управления армией, устанавливать связь с частями и наладить нормальную оперативную работу по руководству боевыми операциями и по снабжению армии.

В эти тревожные для жизни советской власти дни роль Владимира Ильича была колоссальна. Потребовав, по рассказу т. Подвойского, поставить для него стол в штабе, он немедленно вник во все стороны работы штаба и с присущей Ильичу энергией приступил к организации и руководству боевыми силами Петроградского пролетариата. По словам т. Подвойского Ленин «в чрезвычайный момент доводил концентрацию мысли, сил и средств до крайних пределов».

В связи с занятием Красновым Царского Села, Комитет спасения родины и революции, во главе которого стоял эсер Авксентьев, 29 октября, утром, поднял восстание юнкеров. Штаб восставших находился в Инженерном замке, где было сконцентрировано 6 броневых машин, 230 юнкеров и около 50 человек добровольцев-ударников. Главную силу восставших составляло Владимирское военное училище.

Ночью отряды юнкеров нападали на отдельные небольшие патрули Красной гвардии и разоружали их; были случаи расстрела озверевшими белогвардейцами отдельных красногвардейцев. Утром удалось им захватить телефонную станцию, однако предпринять широкие операции им не удалось. Благодаря принятым энергичным мерам юнкера и ударники были со всех сторон окружены революционными солдатами и Красной гвардией; стойко защищались юнкера, засевшие во Владимирском училище, встречавшие наступающих

усиленным ружейным и пулеметным огнем. Только после обстрела училища из орудия юнкера сдались. К 4 часам дня 29 октября восстание было подавлено, юнкера были разоружены и под конвоем отправлены в Петропавловскую крепость. Руководителям восстания однако удалось бежать.

30 октября (12 ноября) произошло решительное сражение с отрядом Краснова у Пулковских высот. Наступавший отряд Краснова встретил решительный отпор со стороны Красной гвардии и моряков, понес большой материальный и моральный урон и спешно отступил в Гатчину. У контрреволюции было явно недостаточно сил для продолжения борьбы с революцией, помощь, обещанная Керенскому с фронта, тоже не поступала, большевистская зараза проникла в самый отряд Краснова, и последний вынужден был капитулировать. О безнадежности положения белых красноречиво говорят воспоминания генерала Краснова, говорившего приехавшему к нему из ставки представителю Франции генералу Ниселю, что если бы у него был хоть один батальон иностранных войск, то можно было бы спасти положение. У Временного же правительства кроме горсточки казаков не оказалось и одного батальона войск.

В Октябрьском перевороте, кроме большевиков, участвовали также левые эсеры. Представители их имелись в ВРК, рядовые члены партии левых эсеров рядом с большевиками участвовали в ликвидации Временного правительства.

Правда, левые эсеры далеко не во всем поддерживали большевиков. По вопросам организации новой власти они колебались. Они были против диктатуры пролетариата. Накануне II съезда советов, когда обсуждался вопрос о составе советского правительства, большевики предложили левым эсерам вступить в правительство, но они от этого отказались, мотивируя свой отказ тем, что правительство по их мнению должно быть составлено из всех советских партий. Кроме левых эсеров за коалицию всех социалистических партий высказывался также пресловутый Викжель,[1] угрожавший в противном случае всеобщей железнодорожной забастовкой.

Требования левых эсеров и Викжеля по существу означали ликвидацию октябрьских завоеваний, и само собой понятно, что на это большевики пойти не могли. Партия заявляла, что она приветствует коалицию с левыми эсерами, но ЦК решительно отказался включить в состав правительства представителей от Викжеля, городской думы, Всероссийского совета крестьянских депутатов и старого ЦИКа, т. е. отказался согласиться на создание правительства из всех партий, от большевиков до народных социалистов включительно.

В период продолжавшейся еще борьбы с Красновым, когда в Москве происходили бои между большевиками и Временным правительством, колебания правых уклонистов под давлением Викжеля и левых эсеров настолько усилились, что они стали требовать согласия ЦК на организацию правительственной коалиции от большевиков до народных социалистов включительно.

Когда советское правительство, вследствие погромной агитации против советской власти, закрыло контрреволюционные кадетские

[1] Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников.

газеты, левые эсеры подняли крик и заявили, что, оставаясь в составе ЦИКа, они отзывают своих представителей из Военно-революционного комитета, штаба и других ответственных постов.

Правые уклонисты требовали от ЦК уступок, вернее капитуляции перед эсерами, допущения соглашателей в правительство, отказа от закрытия контрреволюционных газет и т. д. Но так как ЦК был непоколебим, то они заявляли о выходе из ЦК и Совнаркома и огласили свою декларацию, в которой говорилось: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий». Дальше в заявлении говорилось, что Совнарком вступил на путь политического террора и «что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя пред ЦИКом звание народных комиссаров». Декларацию подписали: Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Шляпников, Рязанов и другие. [1]

В то же время 5 членов ЦК — Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин подали заявление об уходе из ЦК потому, что они считали политику ЦК гибельной для пролетариата.

ЦК партии квалифицировал этот поступок правых как дезертирство, констатируя, что вышеназванные товарищи «дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды...» «Пусть же устыдятся все маловеры, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных поборников. *Ни тени* колебаний *в массах* петроградских, московских и других рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян». [2]

В виду несогласия Каменева с линией ЦК, он был отстранен от поста председателя ВЦИКа, и на место его был выдвинут т. Свердлов, избранный против голосов левых эсеров, изъявивших сожаление об уходе Каменева.

Победоносное завершение Октябрьской революции во всей стране повлияло на настроения колеблющихся. Даже левые эсеры на время полевели и после III съезда советов вступили в правительство. В связи с заключением Брестского мира начались однако опять большие колебания в лагере неустойчивых. В партии создалась новая оппозиция «левых» коммунистов и троцкистов, а левые эсеры подняли восстание против советской власти, были разгромлены, и их партия перестала существовать, ибо с переходом широких крестьянских масс, в Октябре еще поддерживавших левых эсеров, на сторону партии большевиков, левые эсеры лишились своей социальной базы и переродились в кулацкую партию.

Накануне Октября страна стояла перед дилеммой — либо диктатура контрреволюционной буржуазии, либо диктатура пролетари-

---

[1] Протоколы ЦК РСДРП, стр. 169.
[2] Там же, стр. 173.

ата, но так как материальная сила была на стороне последнего, то победил именно пролетариат в союзе с революционным крестьянством. Руководящая и ведущая роль в этой революции выпала целиком на долю пролетариата и его партии — большевиков. Основным руководящим ядром в боях в Петрограде, под Гатчиной, в Москве и в других местах были рабочие красногвардейские отряды. Вокруг них группировались революционные матросы и большинство солдат. Меньшинство солдат, хотя и были настроены враждебно против Временного правительства, особой активности в октябрьском перевороте не проявили. В этом конечно сказалось положение мелкого производителя в эпоху пролетарской революции, а также влияние на солдат партии левых эсеров, вожди которых занимали в дни восстания неустойчивую колеблющуюся позицию. Итак, движущей силой Октябрьской революции были пролетариат и беднейшее крестьянство; середняк, участвуя в деле ликвидации помещика, по отношению к социалистической революции колебался, а кулак активно ей противодействовал.

Меньшевики и эсеры октябрьскому перевороту оказывали решительное сопротивление. Они в Петрограде и других городах организовывали для борьбы с советами «Комитеты спасения родины и революции», они подняли в Петрограде юнкерские школы на восстание против советской власти, они руководили совместно с генералом Красновым боевыми операциями под Гатчиной и Царским Селом с целью свержения советской власти, они ответственны за рабочую и солдатскую кровь, пролитую в Октябрьские дни в Москве.

Весть о победе пролетариата в Петрограде встретила сочувственное отношение по всей стране; со всех концов стали поступать сведения о победе рабочих и солдат над старой властью, хотя буржуазия и соглашатели местами и оказывали бешеное сопротивление. В Москве, благодаря недостаточной подготовленности к восстанию и нерешительности руководителей, борьба затянулась на 7 дней и стоила больших жертв. По всей стране в целом картина в основном получилась та же, что и в Петрограде. Октябрьский переворот нашел дружный отклик и на фронте, чем парализовались всякие попытки использовать фронтовые части с целью задушения революции.

Второй съезд советов, заседавший в дни Октябрьской революции, принял декрет о советской власти, утвердил новое рабоче-крестьянское правительство и принял целый ряд чрезвычайно-важных декретов, отвечавших классовым интересам пролетариата и широчайших масс трудящегося крестьянства. Этим самым советская власть привязала к себе революционные массы, которые поняли, что их благополучие зависит от прочности советского правительства.

«Помещичья собственность на землю — говорилось в декрете о земле — отменяется немедленно без всякого выкупа. Вся земля со всем живым и мертвым инвентарем и постройками переходит в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Какая бы то ни была порча конфискованного имущества объявляется тяжким преступлением. Для руководства по проведению аграрных преобразований должен служить крестьян-

ский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов».

Ленин по поводу этого декрета на съезде говорил, что суть его в том, «чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что сами крестьяне решают эти вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь».

Кроме привлечения на сторону революции широчайших масс крестьянства, декретом о земле, отменявшим частную собственность на землю и поощрявшим коллективные формы землепользования, были заложены основы для перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному советскому и колхозному сельскому хозяйству. В этом декрете главное всемирно-историческое значение победы Октября над полуфеодальным помещичьим землевладением.

В декрете о мире съезд советов, обращаясь к воюющим народам и правительствам, предлагал начать переговоры о справедливом демократическом мире, т. е. мире без аннексий и контрибуций.

Это последнее требование не ставилось однако ультимативно, и советское правительство заявляло, что оно готово рассмотреть и всякие другие мирные условия, настаивая лишь на более быстром обсуждении этих условий. Вместе с тем советское правительство отменяло тайную дипломатию и заявляло, что оно намерено вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, что им отменяются и публикуются тайные грабительские договоры, заключенные правительством помещиков и капиталистов в целях угнетения и эксплоатации других народов.

Обращаясь с предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, советское рабоче-крестьянское правительство обращалось в то же время к сознательным рабочим передовых стран, которые «решительной и беззаветной, энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира».

Декрет о мире, поставивший крест над империалистической политикой российской буржуазии, имел огромное международное значение. Советской властью были разоблачены империалистические цели войны и была пробита брешь в системе международных капиталистических отношений, что имело огромное значение для международного рабочего движения в целом.

IX

Итоги

Октябрьская революция, разорвав единую цепь мирового империализма, больно ударила не только по русской буржуазии, но и по всему мировому империализму, тесно связанному с русскими банками. Одна шестая земного шара была вырвана из когтей мирового империализма. Этим Октябрьская революция нанесла смертельную рану капиталистическому обществу, от которой ему никогда не оправиться.

Российские большевики, по-революционному расправившись с своей империалистической буржуазией, показали всемирному пролетариату и стонущим под игом империализма колониальным и полуколониальным народам пример революционного выхода из кровавой войны и освобождения человечества от ужасов капитализма. В этом всемирно-историческое значение российской Октябрьской революции.

Изучая ход Октябрьской революции, мы должны остановить свое внимание, в первую очередь, на роли и значении большевистской партии. Победа пролетариата в Октябре была немыслима без наличия скованной железной дисциплиной пролетарской партии. Партия, под руководством Ленина, объединила и сплотила вокруг себя все действительно передовые революционные элементы в стране, руководила пролетариатом, связалась с массой, указывала стихийному крестьянско-солдатскому движению ясную цель, организовала эту массу и руководила ею в борьбе за свержение керенщины.

В процессе организационного укрепления партии и завоевания масс чрезвычайно важное значение имеет правильная стратегическая и тактическая линия партии. Единство взглядов и подчиненность всех многообразных организационных звеньев одному центру недостижимы без решительной борьбы за большевистские организационные принципы и за большевистскую политическую линию. В течение всего этого периода между Февралем и Октябрем и в Октябре

партия вела решительную борьбу на два фронта как против правого уклона, представителями которого были Каменев, Зиновьев, Рыков и др., так и против «леваков», которые своим нетерпением и невыдержанностью способны были вызвать преждевременный захват власти и тем самым погубить революцию. Борьба велась наконец и против примиренцев, относившихся терпимо к уклонам и мечтавших о соглашении с меньшевиками-интернационалистами, не порвавшими с оборонцами.

Только в решительной борьбе на два фронта партия обеспечила победу ленинской пролетарской линии.

Пролетариату в Октябре удалось победить благодаря тому, что ему удалось изолировать промежуточные мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров и завоевать доверие рабочего класса и широчайших масс крестьян (солдат), ибо без безраздельного господства одной пролетарской партии победа социалистической революции немыслима. Только ведя беспрерывную борьбу за завоевание масс, разоблачая половинчатость и предательство соглашательских партий, только активно руководя экономическими и политическими выступлениями пролетариата, большевики обеспечили победу пролетарской революции.

Одной из особенностей Октябрьской революции является факт совпадения революции с империалистической войной. Война явилась могучим ускорителем революционного движения. Вызванные ею разорение и голод больше всего отразились на положении рабочего класса и беднейшего крестьянства. Классовые противоречия между крестьянством и помещиками, между пролетариатом и буржуазией в годы войны значительно обострились. Война, организовав в полки, роты и команды распыленную крестьянскую массу и поставив ее рядом с промышленным пролетариатом, значительно укрепила связь пролетариата с крестьянством, которое теперь изо дня в день было подвержено влиянию городского пролетариата. Этот факт имел большое значение в деле политического воспитания крестьянства и втягивания его в политическую борьбу. Война расшатала политическую власть в стране, что безусловно ослабило сопротивляемость царизма и буржуазии и обеспечила победу революции.

Успеху победоносного пролетарского восстания благоприятствовала внешняя и внутренняя обстановка Октябрьской революции.

Об этой обстановке очень четко и ясно пишет т. Сталин в предисловии к книге «На путях к Октябрю».[1] Тов. Сталин говорит, что три главнейшие обстоятельства внешнего порядка благоприятствовали успеху восставшего пролетариата.

«Во-первых то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской; это обстоятельство дало возможность советской власти использовать жестокое столкновение в лагере империализма и укрепить свои силы.

Во-вторых то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей

[1] Сталин. „На путях к Октябрю".

были подведены к пролетарской революции как единственному выходу из войны. Это дало в руки Октябрьской революции мощное орудие мира и создало массовое сочувствие рабочих на Западе и среди угнетенных народов на Востоке.

В-третьих наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом».

Кроме внешних условий т. Сталин выставляет еще шесть внутренних условий, благоприятствовавших Октябрьской революции.

«Во-первых Октябрьская революция имела за собой активную поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых она имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими «бунтами» класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где она могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контрреволюцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны».

Вот комплекс внешних и внутренних условий, которые способствовали победе Октябрьской революции.

Громадное значение в октябрьском перевороте имела правильная ленинская партийная стратегия и тактика. Партия, собрав мощный революционный кулак в столицах и других крупных политических центрах и выбрав момент наибольшего распада буржуазной власти и наивысшего напряжения революционной энергии масс, ударила так сильно и по такому больному месту, что смерть керенщины последовала незамедлительно.

На протяжении всех этапов революции 1917 г. партия обнаружила громадную способность маневрирования и руководства массовым движением, что обеспечило пролетарский авангард от разгрома и сохранило за ним руководство широчайшими солдатскими и крестьянскими резервами.

Октябрьская революция чрезвычайно сложный социальный процесс. Поскольку в нем одновременно с завершением пролетарской революции совпало доведение до конца и буржуазно-демократической революции, в нем участвовало крестьянство в целом. Из

этого бесспорного положения об участии всего крестьянства в Октябрьской революции троцкистские контрабандисты и некоторые большевистские историки, льющие воду на мельницу троцкистов, сделали вывод, что в Октябре были две революции, одна пролетарская в городе и другая буржуазно-демократическая в деревне (Волосевич, С. Покровский, Крицман, Дубровский и др.).

Эта точка зрения получила решительный отпор со стороны т. Сталина, который в ответном письме С. Покровскому писал:

«Что мы брали власть при известной поддержке крестьянства в целом, это совершенно правильно. Но вы забыли добавить мелочь: крестьянство в целом поддерживало нас в Октябре лишь постольку, поскольку мы доводили до конца буржуазную революцию. Это очень важная «мелочь», которая решает в данном случае вопрос».

К этому четкому определению участия крестьянства в Октябрьской революции нечего добавить.

Борьба пролетариата и беднейшего крестьянства против капиталистического общества совпала с антипомещичьей борьбой среднего крестьянства за доведение до конца буржуазно-демократической революции. Крестьяне «находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном низвергать буржуазный строй... и пролетарская революция получит хор, без которого его соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песню».[1] По Марксу в эпоху пролетарской революции крестьянское движение имеет положительное значение постольку, поскольку оно помогает пролетариату свергать буржуазный строй. Иное толкование значения крестьянского движения, какое дают правые уклонисты (Бухарин), не является марксистско-ленинским.

Наша партия шла к Октябрю под лозунгом диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства. Только под этим лозунгом, как об этом писал т. Сталин,[2] удалось концентрировать силы для свержения буржуазии, под этим лозунгом мы в Октябре победили. Доведение до конца буржуазно-демократической революции мыслимо было только в результате победы пролетарской революции.

Классическое определение характера Октябрьской революции дал Владимир Ильич в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции».

«Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей *пролетарски*-революционной социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования, — говорили мы и доказали делами, — есть побочный продукт пролетарской, т. е. социалистической революции. Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Турати и прочие герои «II½» марксизма не сумели понять *такого* соотношения между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая за-

[1] *Маркс — Энгельс.* Собр. соч., т. VIII, стр. 409, 412.
[2] *Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 319.

крепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового всемирно-исторического типа демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата». [1]

Итак, по Ленину, Октябрьская пролетарская революция, походя, мимоходом, как побочный продукт, решала задачи буржуазно-демократической революции. Причем взаимоотношение между ними определяется перерастанием буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Несмотря на то, что в некоторых городах и областях перерастание затянулось до лета 1918 г., пролетарская революция была завершена с переходом власти в руки рабочего класса в октябре, ибо характер революции определяется тем, какой класс находится у власти.

Октябрьская победа создала все условия для немедленного перехода к социалистическому строительству. Правда, последняя задача оказалась гораздо сложнее и труднее первой, но, сохраняя железное единство партийных рядов, ведя непримиримую борьбу с уклонами, партия большевиков — этот испытанный вождь и руководитель диктатуры пролетариата — привела рабочий класс Советского Союза к решающим победам в деле строительства социализма.

На основе правильной политики ленинского ЦК во главе с т. Сталиным СССР успешно завершает первую пятилетку в четыре года. Ленинский вопрос «кто кого» разрешен в пользу социализма — против капитализма — не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, на основе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

СССР вступил в период социализма и окончательно закрепился на социалистическом пути.

На основе достигнутых грандиозных успехов XVII партконференция дала директивы по составлению плана второй пятилетки — пятилетки построения социализма в нашей стране, уничтожения классов и построения бесклассового общества.

---

[1] *Ленин.* Собр. соч., т. XXVII, стр. 26.

Отв. редактор З. Б. Пиндрик. Техн. редактор С. Эйтингон.

ПАРТИЗДАТ № 1014/Л. Сдано в на ор[illegible]/IX 1932. Подписано в печать 25/X 1932 г. Тираж 10 000. Формат бумаги 62 × 94. Печатн. лист [illegible]/16 печатных бумажных листов 4⅝. Колич. печатных знаков на бумажном листе 99 200. Заказ № [illegible] Литер. № 57497 Выход в свет 29 октября 1932

3-я типография ОНТИ им. Бухарина. Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНА

Цена 1 руб.

№ 24778